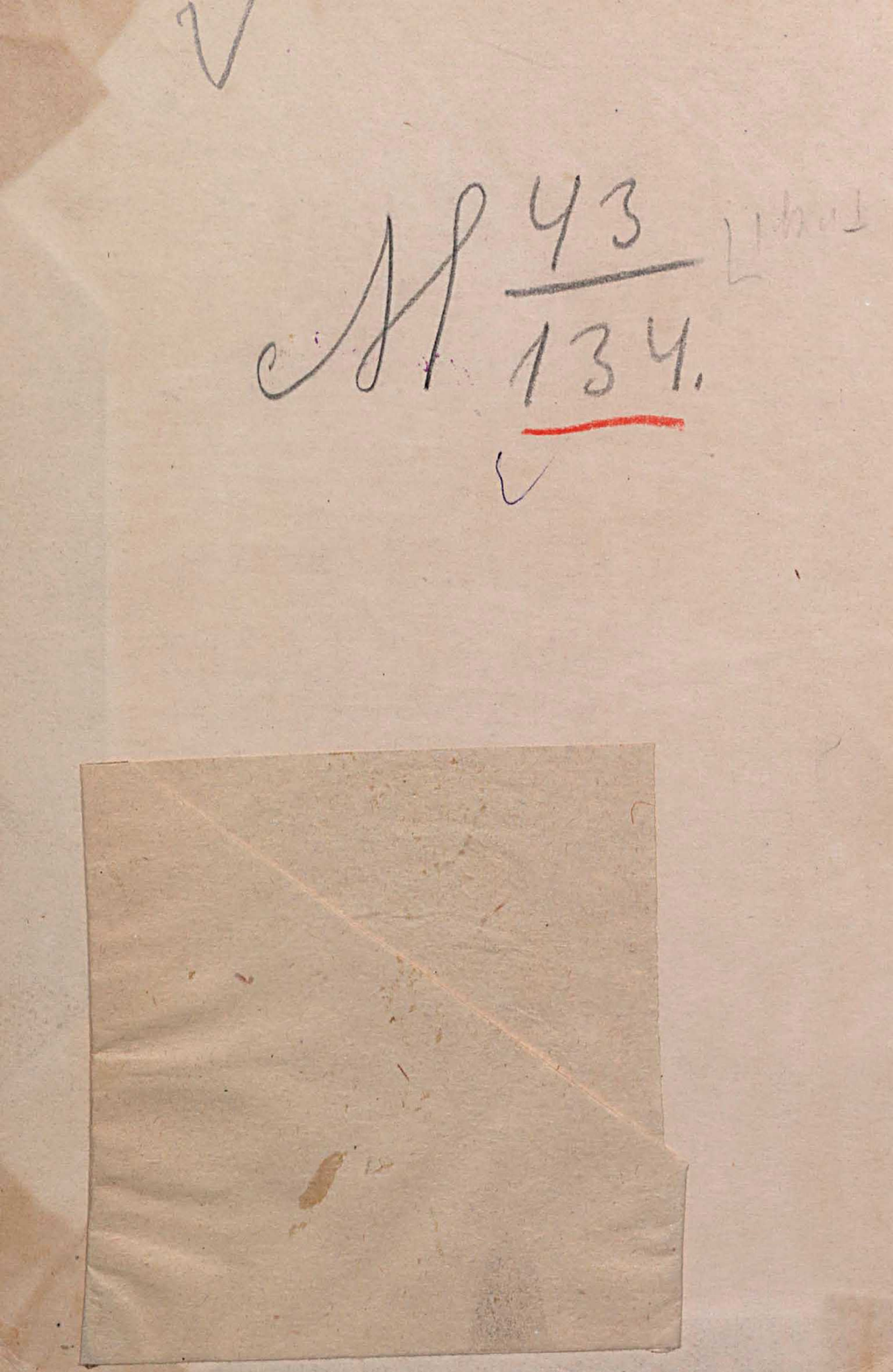
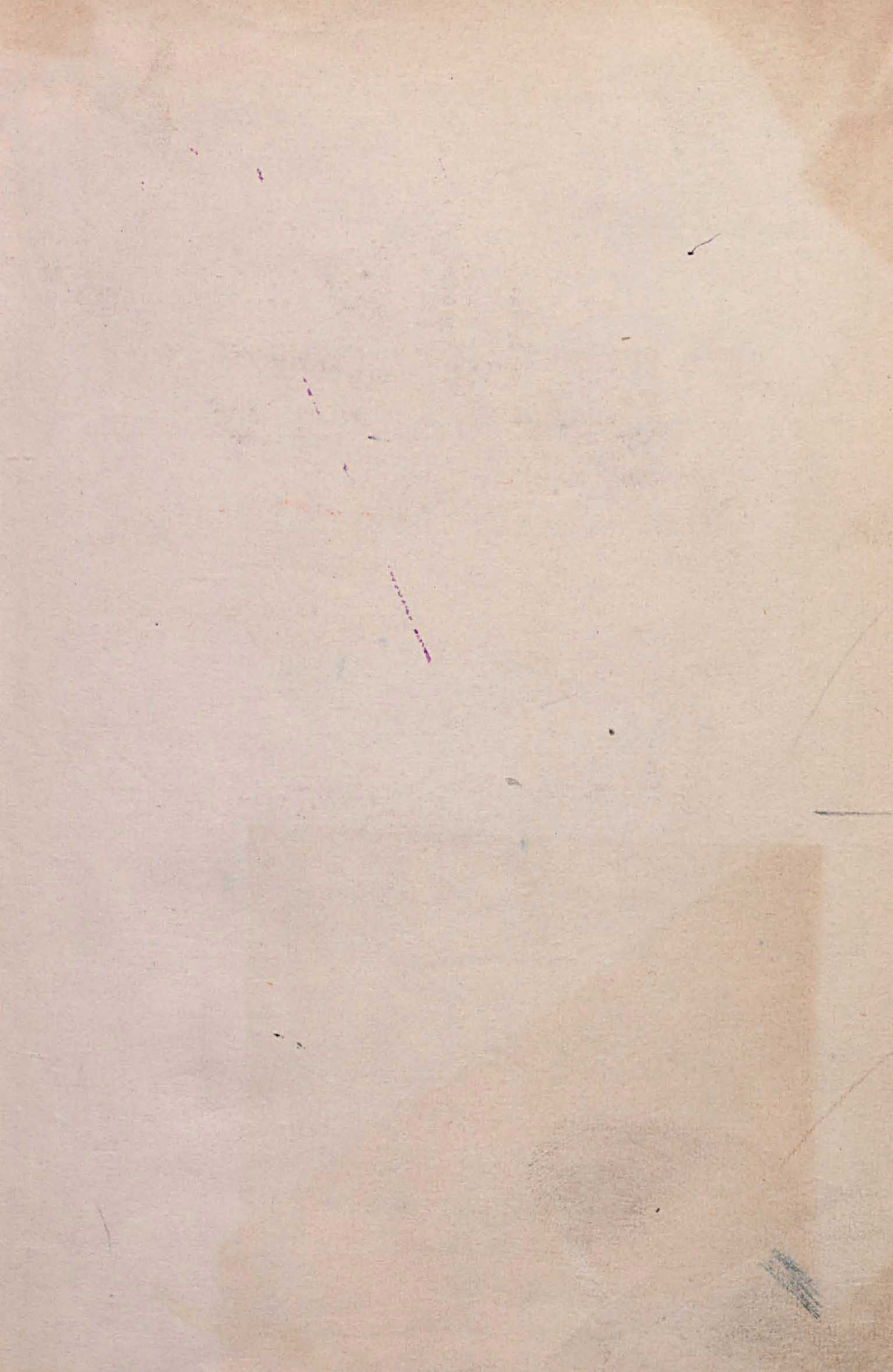
M 43
134

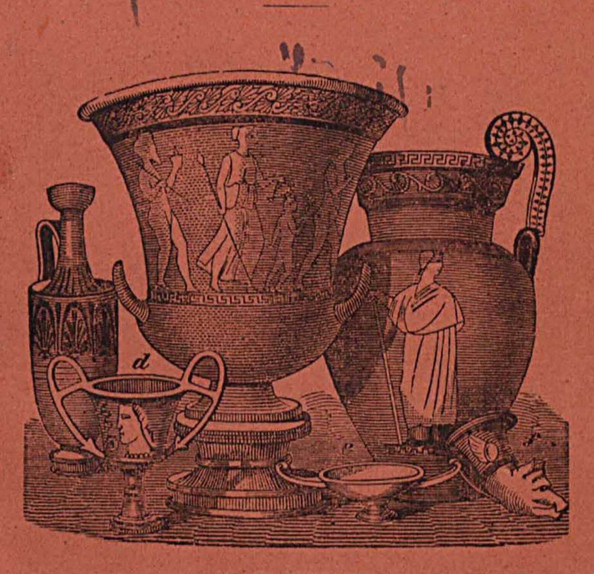

№ 43
134.



В. А. Беккеръ.

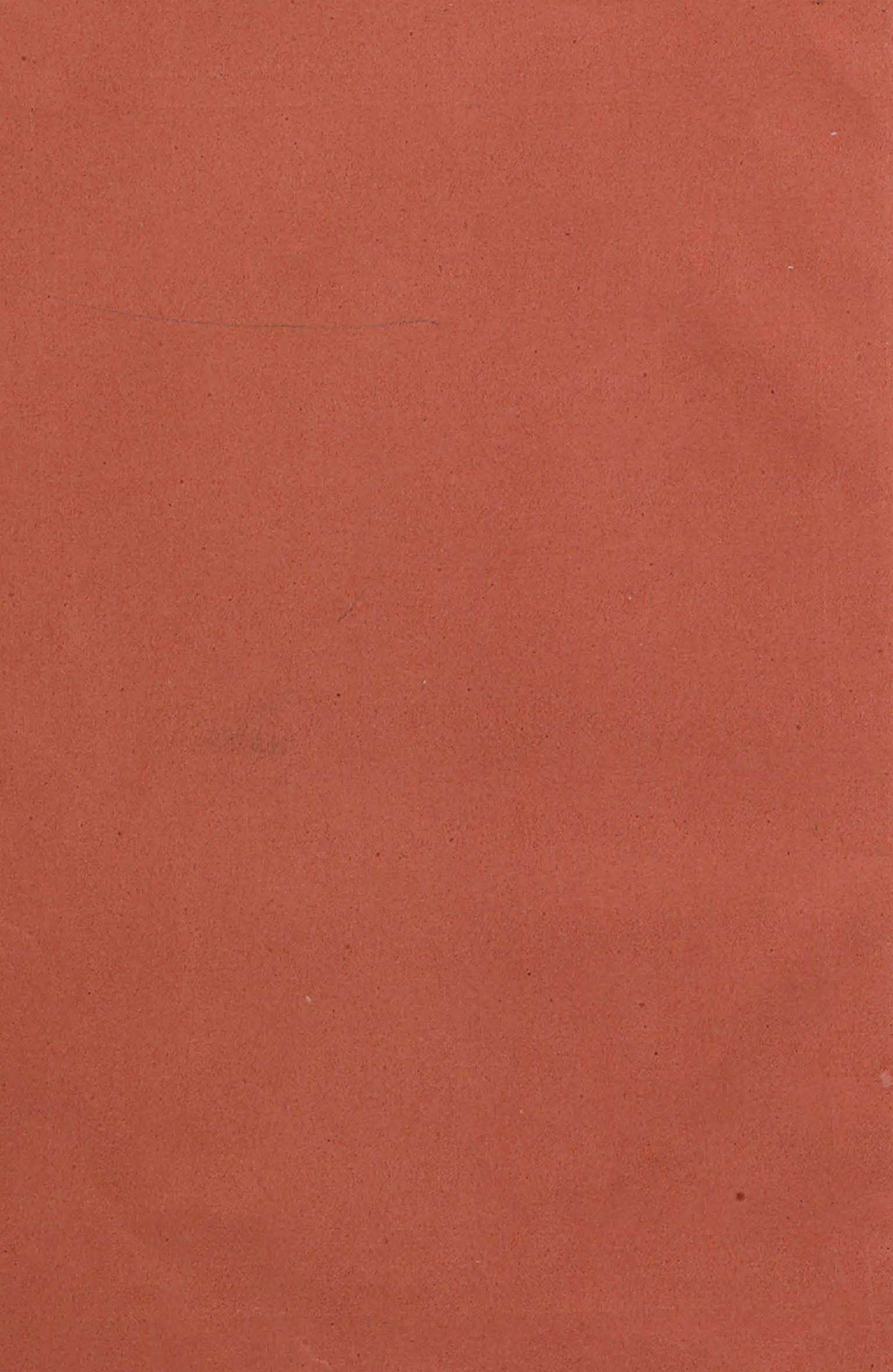
ХАРИКЛЪ.

Сцены изъ жизни древнихъ Грековъ.



СЪ РИСУНКАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1876.



ПУБЛИЧ. и РУМЯНЦЕВ. МУЗЕИ
БИБЛІО-
ТЕКА

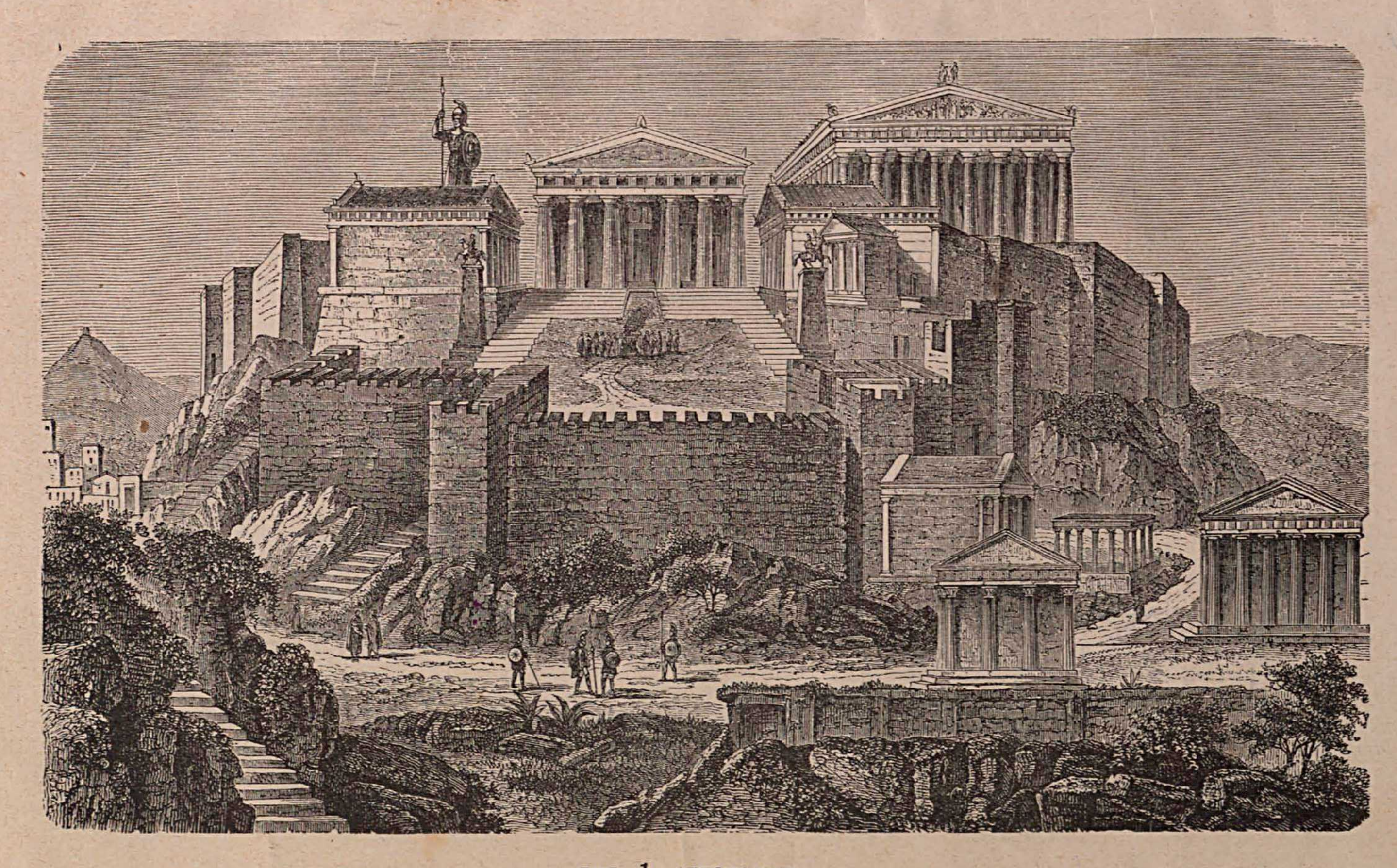


Рис. 1. Акрополисъ.

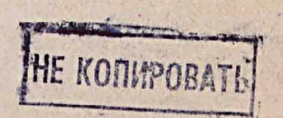
[3 вкл]
на отв.
801-94
7654-X

В. А. Беккеръ.

ХАРИКЛЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ.

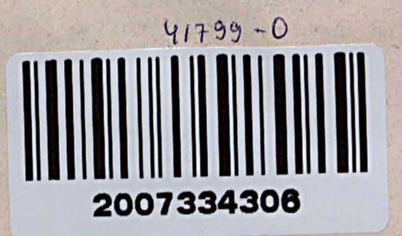
Переводъ съ нѣмецкаго.



Съ рисунками.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. В. Демакова. Новый пер., д. № 7.
1876.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 17 Декабря 1875 г.


41799-0
2007334306

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предлагаемая книга есть переводъ весьма распространеннаго въ Германіи сочиненія извѣстнаго нѣмецкаго историка, профессора Лейпцигскаго университета, Вильгельма-Адольфа Беккера: «Charicles, Bilder altgriechischer Sitte zur genaueren Kenntniss des griechischen Privatlebens».

Въ этомъ сочиненіи Беккеръ даетъ чрезвычайно полную и вѣрную картину частной жизни древнихъ грековъ. Онъ знакомитъ читателя со всѣми сторонами этой жизни, насколько она открывается современному человѣку въ сочиненіяхъ греческихъ писателей и произведеніяхъ древняго искусства. Матеріалъ для своего сочиненія Беккеръ бралъ непосредственно изъ этихъ источниковъ; онъ не оставилъ безъ вниманія ни одного изъ греческихъ писателей до Аристотеля включительно; изъ позднѣйшей же литературы пользовался главнымъ образомъ сочиненіями: Теофраста, Страбона, Плутарха, Луціана, Атенея, Павзанія, Эліана, Діогена Лаерція, Діо Хризостома, Либанія, Максима Тирскаго, Филострата и другихъ, въ томъ числѣ и римскихъ писателей.

Своему сочиненію Беккеръ придалъ форму повѣсти, такъ какъ по его мнѣнію частная жизнь въ разнообраз-

ныхъ пестрыхъ картинахъ, не подаваясь никакой системѣ, сама собою требуетъ этой формы. Временемъ дѣйствія онъ избралъ время Македонскаго владычества, т. е. такое, когда жизнь общественная уже отступила въ Греціи на второй планъ, и интересы частной жизни играютъ главную роль. Все сочиненіе Беккера состоитъ изъ трехъ томовъ: первый заключаетъ въ себѣ собственно повѣсть съ подстрочными примѣчаніями въ концѣ каждой главы; второй же и третій—отдѣльныя изслѣдованія (экскурсы) по различнымъ предметамъ, относящимся до частной жизни грековъ.

Предназначая наше изданіе не для спеціалистовъ, которымъ сочиненіе Беккера и безъ того уже давно хорошо извѣстно, а для массы читающей публики и главнымъ образомъ для русскаго юношества, мы перевели только самую повѣсть и снабдили ее подстрочными примѣчаніями. Въ эти примѣчанія мы старались включить по возможности все то, что могло послужить къ разъясненію текста и что казалось намъ особенно интереснымъ въ примѣчаніяхъ и экскурсахъ Беккера При составленіи этихъ примѣчаній мы пользовались, кромѣ примѣчаній и экскурсовъ Беккера, также новѣйшимъ сочиненіемъ Гуля и Конера: «Das Leben der Griechen und Roemer, nach antiken Bildverken dargestellt von Ernst Guhl und Wilhelm Koner», откуда заимствованы нами и нѣкоторые рисунки.

Пер.

15 декабря 1875 г.

ХАРИКЛЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Друзья.

Близъ развалинъ Микены, этого древнѣйшаго свидѣтеля величія Греціи во времена царей, еще и нынѣ, словно исполинъ, идущаго на встрѣчу четвертому тысячелѣтію своего существованія, вьется по направленію къ сѣверу, межъ крутыхъ утесовъ, узкая дорога, ведущая къ той возвышенности, на которой, по всей вѣроятности, лежала Клеона, маленькій, но не безъ похвалы упоминаемый Гомеромъ, городокъ. Въ древности эта узкая дорога была проѣздима и для колесницъ; теперь же она въ такомъ состояніи, что по ней еле возможно проѣхать и верхомъ. Вдоль западной стѣны горъ, сквозь густой кустарникъ, пробирается съ сѣвера ручей. Отвѣсныя скалы прорѣзаны многочисленными ущельями и пещерами. Преданіе еще и теперь, какъ и во времена Павзанія, указываетъ на одну изъ нихъ, какъ на убѣжище Немейскаго льва [1]). Вся мѣстность представляетъ собою видъ изрѣзаннаго въ

---

[1]) Въ лѣсахъ и на поляхъ Арголиды производилъ страшныя опустошенія *Немейскій левъ*, который не боялся ни стрѣлъ, ни копій. По приказанію Эврисфея, Гераклъ (Геркулесъ) умертвилъ этого льва.

разныхъ направленіяхъ горнаго хребта. По ту сторону его западныхъ высотъ виднѣются колонны храма Юпитера, указывающія на мѣсто, гдѣ прежде стоялъ городъ Немея; а въ двухъ часахъ пути къ югу отъ Микены существуетъ и донынѣ въ обновленномъ видѣ древній Аргосъ.

Въ послѣднемъ мѣсяцѣ сто одиннадцатой олимпіады [2]) ѣхалъ по этой дорогѣ молодой человѣкъ, который, казалось, еле вышелъ изъ юношескихъ лѣтъ. Онъ сидѣлъ на конѣ темной масти, который, хотя и не имѣлъ клейма, доказывающаго его происхожденіе отъ одной изъ знаменитыхъ породъ, но тѣмъ не менѣе, по силѣ и отвагѣ своей, вполнѣ соотвѣтствовалъ благородной осанкѣ своего хозяина. Самъ юноша, несмотря на свои широкія плечи и грудь, былъ скорѣе стройнаго и нѣжнаго, нежели плотнаго и сильнаго тѣлосложенія. Его слегка загорѣлая шея подымалась смѣло и гордо, но подчасъ взглядъ его голубыхъ, полныхъ жизни, глазъ принималъ томное выраженіе. Цѣлая волна бѣлокурыхъ кудрей выбивалась изъ подъ широкихъ полей его темной дорожной шляпы, а подбородокъ и щеки были покрыты нѣжнымъ пухомъ только что пробивающейся бороды. Все въ немъ, какъ благородная осанка, такъ и тонкія черты лица, изобличали юношу благороднаго происхожденія, получившаго тщательное воспитаніе.

Охвативъ шею его руками, онъ повалилъ чудовище на землю и задушилъ. Затѣмъ содравъ съ него кожу, надѣлъ ее на себя. Съ тѣхъ поръ Геракла стали изображать постоянно въ этой одеждѣ.

[2]) Олимпіадой назывался промежутокъ времени въ четыре года, по прошествіи которыхъ возобновлялись олимпійскія игры. Началомъ счисленія по олимпіадамъ считаютъ обыкновенно 776 годъ до Р. Х. Такимъ образомъ 111 олимпіада соотвѣтствовала 336—332 г. до Р Х.

За нимъ слѣдовалъ рабъ, который казался годами десятью старше своего господина. Онъ бодро шелъ за лошадью, но капли пота, катившіяся по его лбу, доказывали, что узелъ на его плечахъ, въ которомъ онъ несъ одѣяла для ночнаго ложа и необходимую въ дорогѣ посуду, былъ ношею не легкою въ знойный день мѣсяца Скирофоріона [3]).

Оба путешественника дошли до заворота восточной стѣны горъ, образовавшаго здѣсь небольшой полукругъ, зеленый коверъ котораго былъ окаймленъ густыми кустами цвѣтущихъ миртъ и олеандровъ, среди которыхъ кое-гдѣ, какъ-бы въ защиту ихъ, протягивалъ остролистникъ свои, словно оружіе, острые и блестящіе листья, а у подошвы скалъ, межъ скатившихся камней, роскошные папортники раскрывали свои свѣтлозеленые вѣера, алыя же ягоды ежовки въ перемѣшку съ желтыми мутовками цвѣтовъ шалфея прикрывали бѣдно, но живописно голые утесы.

---

[3]) Вотъ названія греческихъ мѣсяцевъ съ показаніемъ, какимъ мѣсяцамъ нашего календаря они соотвѣтствуютъ:

Гекатомбеонъ	1-е	число	его	соотвѣтствовало	6 Іюля
Метагеитніонъ	»	»	»	»	4 Августа
Боэдроміонъ	»	»	»	»	5 Сентября
Пюанепсіонъ	»	»	»	»	2 Октября
Мэмактеріонъ	»	»	»	»	1 Ноября
Посидэонъ	»	»	»	»	30 Ноября
Гамеліонъ	»	»	»	»	30 Декабря
Антестеріонъ	»	»	»	»	28 Января
Элафеболіонъ	»	»	»	»	27 Февраля
Мунихіонъ	»	»	»	»	27 Марта
Трагеліонъ	»	»	»	»	27 Апрѣля
Скирофоріонъ	»	»	»	»	27 Мая.

Календарь этотъ былъ введенъ въ Афинахъ около 330 г. до Р. Х.

Всадникъ остановилъ свою лошадь, и, обратясь къ рабу, сказалъ: Манъ, который теперь можетъ быть часъ?

— По крайней мѣрѣ часъ, когда всѣ сбираются на рынкѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ остановимся здѣсь, врядъ-ли мы найдемъ мѣсто болѣе пріятное для завтрака: выступъ утеса защищаетъ насъ отъ жгучихъ лучей солнца; эти поросшіе мхомъ обломки скалъ, кажется, нарочно созданы для отдохновенія путника, а тамъ повыше бьетъ изъ скалы ключъ, который дастъ намъ свѣжую воду.

Съ этими словами всадникъ спрыгнулъ съ коня, отеръ ему травою съ шеи и со спины пѣну, и разнуздалъ его, чтобы онъ могъ удобнѣе поѣсть густой травы, росшей по обѣимъ сторонамъ дороги, и которою онъ уже полакомился мимоходомъ. Между тѣмъ Манъ снялъ съ плечъ узелъ, и досталъ изъ него хлѣбъ, сицилійскій сыръ и сухія фиги, къ которымъ прибавилъ нѣсколько свѣжихъ, сорванныхъ имъ по дорогѣ; для себя же отложилъ чесноку и луку. Маленькій мѣхъ съ мендейскимъ виномъ, даннымъ на дорогу гостепріимнымъ хозяиномъ, у котораго они останавливались въ Аргосѣ, и серебряная чаша завершали приготовленія къ этому скромному завтраку, лучшей приправой къ которому служилъ пріобрѣтенный дорогой аппетитъ. Затѣмъ Манъ поднялся къ ключу, бившему сильною струею изъ скалы, и принесъ оттуда полную глиняную кружку холодной воды, которая какъ нельзя лучше освѣжила согрѣвшееся отъ дневнаго жара вино.

Въ то время какъ молодой человѣкъ, уже окончившій свой завтракъ, спокойно отдыхалъ на покрытой мхомъ

каменной плитѣ, другой путешественникъ обогнулъ утесъ, направляясь къ мѣсту, которое повидимому было знакомо ему ранѣе. Онъ шелъ пѣшкомъ и безъ провожатаго; его одежда, хотя и приличная, не изобличала однако же большаго достатка; но вся его фигура, полная силы и отваги, гармонировала какъ нельзя лучше съ гибкостью и ловкостью его членовъ, чего можно было достигнуть только въ школѣ гимнаста. Безупречному тѣлосложенію соотвѣтствовало и выраженіе прекраснаго мужественнаго лица. Живые черные глаза и высокій лобъ, оттѣненный густыми черными кудрями, изобличали столько же проницательности ума и тонкой наблюдательности, сколько тонко очертанный ротъ—добродушія, хотя и не безъ нѣкоторой примѣси хитрости. Всего удачнѣе можнобыло бы сравнить его съ изображеніемъ Гермеса въ первомъ цвѣтѣ наступающей возмужалости. Онъ нимало не смутился и не разсердился, когда увидѣлъ, что мѣсто уже занято. Привѣтливо кланяясь, онъ подошелъ къ раньше прибывшему, а тотъ съ своей стороны, отвѣтивъ не менѣе привѣтливо на поклонъ, пригласилъ его занять мѣсто рядомъ съ собою. Нѣсколько минутъ незнакомецъ внимательно разсматривалъ лицо юноши. Казалось какое-то смутное воспоминаніе говорило ему, что онъ уже не въ первый разъ видитъ это лицо.

— Мы кажется имѣемъ одну и ту же цѣль путешествія, сказалъ онъ наконецъ, растегивая свою хламиду [4]) и садясь. Я видѣлъ слѣды твоей лошади; они ведутъ въ Клеону.

---

[4]) Хламида (χλαμύς) была обыкновенною верхнею одеждою въ пу-

— Дѣйствительно, возразилъ тотъ, я ѣду черезъ Клеону въ Коринѳъ.

— Въ такомъ случаѣ я могу быть твоимъ спутникомъ, продолжалъ снова первый, если только ты обождешь, пока я, отдохнувъ, взберусь къ тому источнику, который течетъ здѣсь по повелѣнію благодѣтельной нимфы, пожелавшей даровать освѣженіе страннику.

— Очень охотно, возразилъ бѣлокурый. Впрочемъ не трудись подыматься. Манъ, ступай наполни вновь кружку и подай вино и чашу, чтобы выпить за здоровье моего спутника и за дружбу съ нимъ.

Предложеніе было принято съ благодарностію, и Манъ скоро возвратился съ освѣжительнымъ питьемъ.

— Пусть, сказалъ юноша, подавая чашу новому знакомцу, пусть каждая капля въ этой чашѣ превратится въ неизсякаемый источникъ сердечнаго расположенія между нами! Ты обладаешь чуднымъ даромъ, даромъ внушать довѣріе людямъ. Я чувствую къ тебѣ влеченіе, не смотря на то, что еще за нѣсколько мгновеній мы были совершенно чужды другъ другу. Я надѣюсь, что мы будемъ друзьями.

— Да даруетъ это Зевесъ, возразилъ другой, принимая и осушая чашу. Взоръ его снова пытливо остановился на юношѣ.

— А можетъ быть мы вовсе не такъ чужды другъ

тешествіяхъ и на войнѣ. Она состояла изъ продолговатаго куска матеріи и пристегивалась пряжкою на правомъ плечѣ, съ котораго спускалась длинными концами по бедрамъ. Богатые украшали ее золотомъ и пурпуромъ. Въ Аѳины и другіе близълежащіе города хламида проникла изъ Македоніи и Ѳессаліи, гдѣ она издавна была въ общемъ употребленіи.

другу, какъ ты это полагаешь, прибавилъ онъ немного погодя, можетъ статься, мы уже не въ первый разъ вкушаемъ вмѣстѣ хлѣбъ-соль. Мы соотечественники; я тотчасъ узнаю въ тебѣ Аѳинянина, несмотря на то, что произношеніе твое не совсѣмъ чисто. Итакъ я только вполовину нуждаюсь въ томъ вопросѣ, съ которымъ обращались другъ къ другу герои Гомера: «Кто и откуда ты, мужъ; гдѣ живешь и откуда ведешь ты свой родъ».

— Дѣйствительно, сказалъ улыбаясь вопрошаемый, я считаю себя Аттическимъ гражданиномъ; что же касается моего произношенія, то нѣтъ ничего удивительнаго, если послѣ шестилѣтняго отсутствія, я не говорю болѣе также чисто, какъ ты, на нарѣчіи моего роднаго города. Въ отвѣтъ на вторую половину вопроса, я скажу тебѣ, что я Хариклъ, сынъ Хариноса. Родъ мой принадлежитъ къ числу весьма уважаемыхъ, хотя мы и не можемъ довести своей родословной ни до Геракла, ни до Гермеса. Я же послѣдній въ родѣ, родился лишь шесть лѣтъ послѣ брака моего отца, страстно желавшаго имѣть сына, если.... — онъ остановился и сталъ разсматривать кольцо, надѣтое у него на четвертомъ пальцѣ лѣвой руки.

— Если только справедливо то, что говорила тебѣ мать, смѣясь добавилъ молодой человѣкъ, по лицу котораго было замѣтно, что онъ убѣдился въ справедливости своего предположенія. Въ этомъ отношеніи остается только одно: вѣрить на-слово, подобно Телемаку. Но отчего же ты жилъ такъ долго внѣ Аѳинъ? Конечно теперь на подобныя вещи смотрятъ снисходительнѣе, чѣмъ прежде, когда гражданину ставилось въ заслугу то, что онъ предпри-

нималъ какъ можно меньше излишнихъ путешествій. Можетъ быть твой отецъ изъ числа тѣхъ людей, которые придерживаются поговорки, что тамъ отечество, гдѣ хорошо живется? Или онъ полагалъ, что въ другомъ мѣстѣ лучше довершитъ твое воспитаніе? Скажи мнѣ, развѣ ты не боишься укора за то, что родители твои предпочли воспитать тебя на чужбинѣ, какъ союзника [5]), а не на родинѣ, какъ будущаго гражданина?

— Нѣтъ, возразилъ Хариклъ. Не потому искалъ отецъ мой другаго мѣста жительства. Всѣ заботы его были устремлены на то, чтобы воспитать своего сына истиннымъ Аѳиняниномъ. Я часто слышалъ, съ какимъ неудовольствіемъ говорилъ онъ о томъ, что многіе отцы дѣлаютъ педагогами своихъ сыновей рабовъ, необразованныхъ, говорящихъ языкомъ, исполненнымъ барбаризмовъ, что они такъ равнодушно относятся къ выбору школы. Кормилица моя и та была выбрана съ величайшею тщательностью. Благодаря бывшей въ то время дороговизнѣ, отцу удалось пригласить для этой цѣли одну почтенную гражданку, находившуюся въ крайне стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Строго слѣдилъ онъ также

[5]) Союзники, т. е. чужестранцы, селившіеся въ городахъ Греціи, составляли особый классъ населенія, который далеко не пользовался тѣми правами, которыя имѣли граждане города. Въ Аѳинахъ переселенцы эти, называвшіеся метеками (μέτοικοι), составляли довольно многочисленный классъ. Они были лишены права пріобрѣтать недвижимость и должны были избирать себѣ кого-нибудь изъ гражданъ въ патроны, который заступалъ ихъ, когда имъ приходилось имѣть дѣла съ правительствомъ, или въ судѣ. Метекамъ разрѣшалось впрочемъ заниматься всѣми ремеслами гражданъ, если только за право это они вносили ежегодно пошлину въ 12 драхмъ (женщины платили 6 драхмъ).

и за тѣмъ, чтобы няньки и рабы, мнѣ прислуживавшіе и меня окружавшіе, имѣли вполнѣ греческіе нравы и говорили самымъ чистымъ языкомъ. Я и теперь не безъ удовольствія вспоминаю прекрасныя исторіи, которыя разсказывала мнѣ въ зимніе вечера моя, уже пожилая, Манто, въ то время какъ прочія рабыни, окружая мою мать, занимались работами изъ шерсти. Конечно всю разницу между ея разумными разсказами и баснями и тѣми, исполненными суевѣрія, сказками о привидѣніяхъ и т. п., которыми обыкновенно потѣшаютъ дѣтей всѣ кормилицы и няньки, понялъ я лишь позже. Въ такомъ же родѣ былъ и мой педагогъ, правда нѣсколько угрюмый старикъ, который иногда сурово обходился со мною, если мнѣ случалось, напримѣръ, за обѣдомъ начать ѣсть лѣвою рукою вмѣсто правой, или сидѣть, заложивъ ногу на ногу, который бранилъ меня даже и за то, если я, идя въ школу, поднималъ взоръ отъ земли, чтобы посмотрѣть вслѣдъ за ласточкою, съ восторгомъ привѣтствуемою всѣми, какъ провозвѣстница весны. Но онъ поступалъ такъ лишь потому, что былъ вполнѣ проникнутъ древне-аттическими идеями о воспитаніи [6]).

---

[6]) Здѣсь кстати будетъ сказать нѣсколько словъ о греческомъ воспитаніи:

Послѣ первой ванны, новорожденнаго завертывали вездѣ, кромѣ Спарты, въ пеленки. На пятый день послѣ рожденія праздновали такъ-называемыя амфидроміи: повивальная бабка, или другая присутствовавшая при рожденіи ребенка женщина, обносила его вокругъ домашняго очага. Вся семья собиралась затѣмъ на пиръ, а дверь дома украшалась оливковымъ вѣнкомъ, если родившійся былъ мальчикъ и шерстяною повязкою, если то была дѣвочка. Но главный празд-

— Должно быть твой отецъ былъ человѣкъ очень не бѣдный, замѣтилъ другой, если даже при выборѣ рабовъ

никъ имѣлъ мѣсто на десятый день, и назывался по этому δεκάτη. Въ этотъ день (иногда впрочемъ на 5-й или на 7-й) давалось также и имя новорожденному. Вообще празднество это служило выраженіемъ того, что отецъ призналъ ребенка законнымъ. Торжество начиналось съ жертвоприношенія, преимущественно Герѣ Илиѳіѣ (пособницѣ при родахъ), затѣмъ происходилъ пиръ, на которомъ присутствовали всѣ родственники и друзья дома, дарившіе въ заключеніе новорожденному игрушки изъ глины или металла, а матери раскрашенные сосуды. Кормила ребенка въ Аѳинахъ или сама мать, или кормилица. Въ кормилицы нанимались не только рабыни, но и бѣдныя гражданки. Особенно славились въ этомъ отношеніи Спартанки, которыя считались чрезвычайно сильными и здоровыми женщинами. До шестаго года мальчики и дѣвочки росли вмѣстѣ подъ надзоромъ матери. Въ это время дѣти занимались только игрушками, и на шею имъ вѣшали всевозможныя погремушки, по которымъ и узнавали дѣтей какъ-нибудь потерявшихся. Провинившихся дѣтей наказывали тѣлесно, а чтобы удержать ихъ отъ шалостей, пугали разными пугалами. Няньки и кормилицы разсказывали множество сказокъ и побасенокъ, которыя имѣли или религіозное содержаніе, или же были въ родѣ Эзоповыхъ басенъ, и излагались иногда въ формѣ пѣсенъ. Начиная съ шестаго года, мальчики отдѣлялись отъ дѣвочекъ. Первые поступали подъ надзоръ педагога, и съ этого времени вѣроятно начинали посѣщать школу. Вторыя же оставались до замужества подъ надзоромъ матери. Педагогъ выбирался изъ рабовъ. Въ то время отъ него вовсе не требовали большаго образованія, онъ былъ скорѣе просто вѣрнымъ слугою, который былъ обязанъ сопровождать ввѣреннаго ему мальчика въ школу и обратно, а также внушать ему необходимыя правила приличія. Подъ присмотромъ педагога мальчикъ оставался до шестнадцатилѣтняго возраста. Государство почти вовсе не вмѣшивалось въ дѣло воспитанія. Были, правда, нѣкоторые законы относительно воспитанія, такъ напр. существовалъ законъ: «учить дѣтей грамотѣ и плаванію», другой, *совѣтывавшій* учить дѣтей гимнастикѣ и музыкѣ. Былъ также еще законъ Солона, по которому родители, не давшіе воспитанія своимъ дѣ-

могъ обращать менѣе вниманія на годность ихъ вообще, чѣмъ на чисто аттическій характеръ ихъ образованія.

тямъ, лишались права требовать отъ нихъ содержанія въ старости. Но надзора за школами государство на себя не принимало. Что касается учителей, то государство смотрѣло только за ихъ нравственностью, а о способностяхъ и познаніяхъ ихъ оно нисколько не заботилось. Преподаваніемъ занимались люди бѣдные и не пользовались большимъ уваженіемъ. Сколько платилось въ школахъ, неизвѣстно, можно однако же предположить, что немного. Ученіе въ школахъ начиналось рано утромъ. Посѣщались онѣ кажется два раза: утромъ и послѣ завтрака. Школу посѣщали до 16 лѣтъ. Для дѣвушекъ школъ не существовало. Женщина, въ особенности же дѣвица, должна была какъ можно рѣже выходить изъ дому, только въ крайне необходимыхъ случаяхъ. Въ школѣ мальчикъ обучался прежде всего грамотѣ (γράμματα). Подъ именемъ грамоты разумѣлось: чтеніе, письмо и счетъ, а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и рисованіе. Читать учили почти также какъ у насъ: сначала заучивали названія буквъ и ихъ начертаніе, потомъ склады и т. д. Когда ученикъ читалъ довольно хорошо, приступалось къ чтенію и заучиванію наизусть поэтовъ, преимущественно Гомера. Въ кругъ воспитанія, по мнѣнію Грековъ, должна была входить непремѣнно и музыка (μουσική), которая считалось у нихъ занятіемъ прекраснымъ и свободнымъ. Рядомъ съ умственнымъ образованіемъ и музыкою шла и гимнастика (γυμναστική), способствовавшая развитію тѣлесныхъ силъ. Мальчики и юноши проводили большую часть дня въ гимназіяхъ. Мальчики бѣгали, скакали, боролись. Юноши занимались болѣе трудными и сложными упражненіями. Цѣль гимнастики въ Аѳинахъ была дать тѣлу возможную красоту, гибкость, проворство и здоровье. Въ 16 лѣтъ юноша Аѳинскій оканчивалъ свое школьное образованіе. Отъ 16 до 18 лѣтъ онъ занимался преимущественно гимнастическими упражненіями. Восемнадцати лѣтъ юноша дѣлался эфебомъ и съ этихъ поръ обязанъ былъ служить государству, обходя вмѣстѣ съ другими эфебами границы Аттики. Со вступленіемъ юноши въ эфебы ему предоставлялась полная свобода, онъ могъ заниматься чѣмъ хотѣлъ. Бѣдные должны были, разумѣется, заботиться только о снисканіи средствъ къ жизни. Часто и достаточные родители старались склонить сына къ прибыльному занятію. Но большая

— Отецъ мой былъ далеко не богатъ, возразилъ Хариклъ. Да къ тому же ему много стоили тріерархіи и хорагіи [7]) и другія государственныя повинности. Но когда дѣло шло о моемъ воспитаніи, онъ не жалѣлъ никакихъ издержекъ. Я помню, въ какой гнѣвъ онъ пришелъ, когда однажды одинъ изъ его друзей посовѣтовалъ ему отдать меня въ болѣе дешевую школу Элпіаса близъ Тезейона [8]), вмѣсто того, чтобы посылать къ Гермипосу, лучшему учителю того времени, слава о которомъ вѣроятно дошла и до тебя.

— Да, я его знаю, сказалъ молодой человѣкъ и улыбнулся; но какъ это случилось, что отецъ твой оставилъ Аѳины, и отчего держалъ онъ тебя такъ долго на чужбинѣ?

— Онъ сдѣлалъ это не по своей волѣ, возразилъ тотъ;

часть богатой молодежи съ поступленіемъ въ эфебы предавалась разнымъ забавамъ и удовольствіямъ, и лишь немногіе посѣщали философовъ.

[7]) Важнѣйшія изъ повинностей, лежавшихъ на богатыхъ, были слѣдующія три: 1) *хорагія*. Она состояла въ томъ, что богатые должны были по очереди принимать на себя содержаніе хора при трагическихъ, политическихъ и сатирическихъ играхъ. Хорагъ платилъ учителю хора, давалъ хористамъ платье, вѣнки, украшенія и содержалъ ихъ во все время ихъ занятій и представленій. 2) Служить извѣстный срокъ всадникомъ или гоплитомъ, и въ это время содержать на свой счетъ коня и имѣть необходимое вооруженіе. Наконецъ 3) въ продолженіе года заботиться о вооруженіи и снабженіи войскомъ военнаго корабля (триремы), принадлежащаго государству. Эта повинность называлась *тріерархіей*. По истеченіи этого года гражданинъ на три года былъ свободенъ отъ тріерархіи.

[8]) Тезейонъ, храмъ народнаго героя Тезея, онъ былъ похожъ на Парѳенонъ, только въ гораздо меньшихъ размѣрахъ.

несчастное стеченіе обстоятельствъ, которымъ воспользовались гнусные сикофанты [9]) изгнало отца моего изъ родины. Ты конечно помнишь тотъ ужасъ, который овладѣлъ Аѳинами послѣ битвы при Херонеѣ.

— Помню-ли я! Никогда не изгладится у меня изъ памяти воспоминаніе объ ужасахъ того дня, когда разнеслась эта несчастная вѣсть. Я какъ теперь вижу, какъ народъ поспѣшно стремится по улицамъ къ мѣсту собранія, какъ свободныя женщины, стоя у дверей своихъ домовъ, томимыя мучительною неизвѣстностью, забывая почти всѣ приличія, дрожа и со страхомъ спрашивали у прохожихъ объ участи своихъ мужей, отцовъ и братьевъ; какъ пожилые люди, почти старцы, которыхъ законъ уже давно освободилъ отъ воинской службы, ходили по городу въ одеждѣ воиновъ; какъ страдала аѳинская гордость, когда, послѣ потери 3000 гражданъ, настоятельная опасность заставила республику прибѣгнуть къ отчаянному рѣшенію: признать рабовъ свободными, союзниковъ гражданами, лишеннымъ чести возвратить ихъ права.

— Да, ты рисуешь вѣрную картину, продолжалъ Хариклъ. Я былъ тогда еще совершеннымъ мальчикомъ, мнѣ было лѣтъ четырнадцать, и я конечно вовсе не заботился о дѣлахъ общественныхъ, но, несмотря на то, даже и я въ то время не могъ не замѣтить всеобщаго унынія; но въ особенности для насъ была грозна ужасная будущность. Мой отецъ уѣхалъ на кораблѣ за нѣсколько часовъ до обнародованія извѣстія. Онъ ссудилъ значительную сумму денегъ одному Ликійскому купцу, съ

[9]) Сикофантъ, доносчикъ, извѣтчикъ.

тѣмъ чтобы тотъ отвезъ въ Критъ вино и другіе товары, и затѣмъ привезъ обратно въ Аѳины грузъ Египетскаго зерна. Предполагаемый срокъ его возвращенія давно уже истекъ, какъ вдругъ пришло извѣстіе что корабль вошелъ въ гавань Эпидавръ, и распродаетъ тамъ свой грузъ. Мой отецъ, которому, помимо риска потерять капиталъ, грозила еще опасность заслужить упрекъ въ томъ, что ссудилъ деньги для противозаконной торговли [10]), сѣлъ тотчасъ же, несмотря на свою болѣзнь, на корабль, отправлявшійся въ Эпидавръ, съ цѣлью лично привлечь безчестнаго къ отвѣту. Дѣйствительно ему удалось найти должника, и Ликіецъ обѣщалъ уплатить всю сумму, лишь только распродастъ свой грузъ. Но путешествіе усилило болѣзнь отца, а быстро дошедшее до Эпидавра извѣстіе о несчастіи Аѳинъ потрясло его такъ сильно, что онъ слегъ въ постель, и долженъ былъ остаться въ городѣ. Безчестный Ликіецъ воспользовался его болѣзнью, и отплылъ, съ нераспроданною еще частью груза, въ Аѳины, расчитывая на лучшія цѣны. Здѣсь еще засталъ его отецъ, вернувшійся послѣ болѣзни. Городъ успѣлъ уже оправиться послѣ перваго страха; опасеніе дальнѣйшихъ несчастій миновало, такъ какъ Филиппъ показалъ себя умѣреннымъ. Но тѣмъ обширнѣе было поле для преслѣдованій и подозрѣній противъ всѣхъ, на кого можно было взвести хоть тѣнь вины въ несчастіи государства.

— Я предвижу дальнѣйшій ходъ дѣла, сказалъ незна-

[10]) Въ Аѳинахъ существовалъ законъ, запрещавшій Аѳинянамъ давать въ долгъ деньги для торговли хлѣбомъ въ чужихъ гаваняхъ.

комецъ. На твоего отца сдѣлали доносъ, въ которомъ его обвиняли въ томъ, что онъ нарушивъ народную волю, покинулъ свое отечество въ минуту опасности.

— Объ этомъ конечно никто бы и не подумалъ, не будь гнуснаго Ликійца, который подкупилъ двухъ извѣстныхъ сикофантовъ, съ тѣмъ чтобы избавиться, во-первыхъ, отъ своего долговаго обязательства, и во-вторыхъ, избѣжать самому двойной отвѣтственности. Сначала отецъ мой отвѣчалъ лишь презрѣніемъ на угрозы; но, когда онъ сталъ замѣчать, что тамъ и сямъ его встрѣчали уже холодно, когда онъ узналъ, что два недоброжелательно относившіеся къ нему представителя народа намѣрены выступить противъ него, тогда только понялъ онъ, какъ опасно ставить свою жизнь въ зависимость отъ минутнаго возбужденія волнующихся страстей; онъ вспомнилъ объ участи, постигшей Лизикла [11]) и другихъ, о позорѣ, который могъ пасть на его домъ, и рѣшился, сознавая вполнѣ свою невинность, бѣжать однакожъ отъ обвиненія. Какъ описать горестное смятеніе, овладѣвшее всѣми нами въ ту минуту, когда отецъ, сдѣлавшій втайнѣ всѣ нужныя къ тому приготовленія, объявилъ намъ однажды вечеромъ, что мы должны покинуть Аѳины и жить впредь чужими среди чужихъ. Мы уѣзжали не днемъ, не изъ открытой гавани, не напутствуемые пожеланіями прощающихся друзей; какъ преступники, прокрались мы во мракѣ ночи черезъ маленькія ворота къ берегу, гдѣ насъ ожидалъ корабль, на который рабы наши сдали за-

[11]) Лизиклъ былъ приговоренъ къ смерти.

ранѣе вещи. Мы поселились сначала въ Треценѣ, но дурной климатъ этой мѣстности заставилъ насъ ѣхать далѣе въ Сицилію. Такъ прожили мы пять лѣтъ въ Сиракузахъ. Но ни время, ни отдаленіе не могли нисколько уменьшить страданій моихъ родителей. Въ первый же годъ нашего тамъ пребыванія умерла моя мать; нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послѣдовалъ за ней и отецъ. Исполнивъ всѣ обязанности, предписываемыя правилами благочестія, и обративъ остатокъ нашего состоянія въ деньги, возвращаюсь я теперь одинъ, полный горести, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полный страстнаго желанія вновь увидѣть родину, потому что ничто на свѣтѣ не замѣнитъ намъ отечества. Аѳины все таки прекраснѣйшій изъ всѣхъ городовъ, хотя мой отецъ постоянно говорилъ, что чужестранецъ найдетъ Аѳины полными очарованія и прелести, а гражданинъ—полными опасностей.

— Твой отецъ былъ правъ, замѣтилъ молодой человѣкъ. То, что зрачекъ въ глазу, то Аѳины въ Элладѣ. Но къ сожалѣнію, народъ нашъ легкомысленъ и ненадеженъ; его также легко вдохновить всякою возвышенною идеею, какъ и увлечь во всѣ ужасы несправедливости. Вотъ, онъ теперь глубоко взволнованъ, онъ проливаетъ слезы сострадавія надъ трагическимъ концомъ Эдипа или надъ горемъ несчастныхъ Троянокъ, а вслѣдъ затѣмъ, рядомъ всевозможныхъ козней, старается навлечь несчастіе и погибель на домъ своего собственнаго согражданина. Избалованное дитя, полное капризовъ и тщеславія, онъ грѣется въ блескѣ прежняго времени, темныя пятна котораго скрываются за свѣтомъ великихъ дѣяній. Тщесла-

вясь пустымъ именемъ чистѣйшей эллинской крови, тѣмъ что среди него впервые были примѣнены законъ и правосудіе, онъ питаетъ въ нѣдрахъ своихъ ядовитѣйшее отродье безчестныхъ сикофантовъ, и подчиняетъ всякій законъ минутному капризу. Постоянно твердитъ о свободѣ, а угрожаетъ смертью или изгнаніемъ всякому, кто дерзнетъ произнести свободное слово, несогласное съ мнѣніемъ толпы. Народъ, характеръ котораго представляетъ опять-таки самое пріятное соединеніе серьезнаго элемента съ веселымъ, легко и весело живетъ онъ, доволенъ, когда имѣетъ возможность поспорить или посмѣяться; равно способенъ понять, какъ самое возвышенное произведеніе трагическаго искусства, такъ и самую шутливую каррикатуру комедіи. Умѣетъ обходиться съ самъмы серьезнымъ философомъ и самою легкомысленною гетерою; скупой въ своемъ домашнемъ обиходѣ, мелочный у стола трапецита [12]), но расточительный, когда приходится блеснуть въ хорагіи или выставить какое-нибудь произведеніе искусства.

— Приблизительно такое же мнѣніе имѣлъ и мой отецъ, сказалъ Хариклъ. Но, вотъ ты знаешь теперь не только мое имя, но и мою исторію; скажи теперь кто ты. Смутное предчувствіе говоритъ и мнѣ, что мы встрѣчаемся съ тобою не впервые.

— Хариклъ, воскликнулъ молодой человѣкъ, и сталъ передъ нимъ, глядя ему прямо въ лицо. Я узналъ тебя

---

[12]) Трапециты соотвѣтствовали нашимъ банкирамъ и мѣняламъ. Греки нерѣдко отдавали имъ свои капиталы на храненіе и брали у нихъ заимообразно.

съ перваго взгляда; ты же, ты не помнишь болѣе меня. А было время, когда мы видались съ тобою ежедневно, моя бѣдность не помѣшала тебѣ быть моимъ другомъ и товарищемъ. Ты ужъ не помнишь болѣе того бѣднаго мальчика, который въ школѣ Гермипоса исполнялъ обязанности слуги, на что онъ впрочемъ не былъ рожденъ, который долженъ былъ то разводить краску для писанія, то мести классную комнату, то чистить губкою скамейки.

— Ктезифонъ, вскричалъ юноша, вскакивая и хватая друга за руку. Это ты, да это ты, мое чувство лучше, чѣмъ моя память, подсказало мнѣ, что мы будемъ друзьями. Могъ-ли я забыть тебя? Какъ не помнить тысячи услугъ, которыя ты мнѣ оказывалъ; любя меня больше другихъ, то дарилъ ты мнѣ вырѣзанную тобою изъ пробки колесницу, то ловилъ для меня жужжащаго золотаго жука и искусно привязывалъ его за ногу ниткою; а потомъ позднѣе ты помогалъ мнѣ писать и считать, такъ какъ всегда былъ готовъ ранѣе другихъ, за что полюбилъ тебя даже строгій педагогъ и благосклонно смотрѣлъ на нашу дружбу, несмотря на то, что ты былъ постарше меня, и что онъ обращалъ не мало вниманія на одежду. Но твоя борода измѣнила тебя, да и кто бы могъ узнать въ этомъ загорѣломъ отъ солнца атлетѣ того блѣднаго и слабаго мальчика? Вотъ ужъ восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, что мы съ тобой не видались. Отчего же ты такъ внезапно оставилъ школу Гермипоса?

— Позволь разсказать тебѣ это по дорогѣ, возразилъ

Ктезифонъ. Полдень уже близокъ, и намъ надо поспѣшить въ Клеону. Оттуда до Коринѳа остается еще восемьдесятъ стадій [13]).

Друзья поднялись. Хариклъ перекинулъ поводъ черезъ голову лошади, которую Манъ снова взнуздалъ, и повелъ ее вслѣдъ за собою; самъ же продолжалъ свой путь пѣшкомъ, идя рядомъ съ Ктезифономъ, котораго просилъ разсказать исторію его жизни за послѣдніе восемь лѣтъ.

Ктезифонъ былъ сынъ зажиточнаго гражданина Аттики, который, потерявъ жену и всѣхъ дѣтей, за исключеніемъ одного единственнаго сына, женился во второй разъ на дочери своего роднаго брата. Отъ этого-то втораго брака родился Ктезифонъ и еще одна дочь, которая была моложе его. Отецъ, желая обогатиться, велъ обширную торговлю, и долженъ былъ по своимъ дѣламъ, предпринять путешествіе во Фракію и Понтъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ передалъ на всякій случай брату своему, связанному съ его дѣтьми двойными узами родства, свое духовное завѣщаніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и все свое состояніе, превышавшее 15 талантовъ [14]), и заключавшееся частью въ наличныхъ деньгахъ, частью въ долгахъ у разныхъ лицъ. Отецъ не возвращался. Безчестный опекунъ скрывалъ его смерть до той поры, пока не завладѣлъ всѣми запечатанными документами покойнаго. Затѣмъ онъ объявилъ о его смерти, выдалъ вдову замужъ, не давъ однако всего назначеннаго ей прида-

---

[13]) Стадія равнялась 600 футамъ.

[14]) Талантъ равнялся 1442 руб. сер.

наго, и принялъ на себя заботу о воспитаніи восьмилѣтняго Ктезифона и его сестры, а равно и попечительство надъ старшимъ братомъ. Когда же сей послѣдній, по достиженіи восемнадцатилѣтняго возраста, былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, онъ призвалъ къ себѣ всѣхъ троихъ и объяснилъ имъ, что отецъ оставилъ всего на всего 20 минъ [15]) серебра и 30 статерновъ [16]) золота, что, воспитывая ихъ, онъ уже потратилъ гораздо болѣе того и не имѣетъ возможности заботиться болѣе объ нихъ.

— Ты уже взрослый, сказалъ онъ, обращаясь къ старшему, и теперь твое дѣло пріискать средства къ вашему существованію. Затѣмъ бѣдняжки были выгнаны изъ отцовскаго дома, въ который опекунъ переселился самъ. Онъ не далъ имъ ни одежды, ни обуви, не далъ даже ни единаго раба для услуженія, ни единаго покрывала для ночнаго ложа; однимъ словомъ ровно ничего изъ всего богатаго наслѣдства. Младшіе остались въ самомъ безпомощномъ положеніи. Ихъ мать умерла за годъ до того; старшій братъ пошелъ служить воиномъ на чужбину. Некому было защитить ихъ, начать дѣло противъ вѣроломнаго опекуна. Одинъ родственникъ, жившій самъ въ большой бѣдности, пріютилъ у себя сиротъ. Онъ-то и былъ помощникомъ въ школѣ грамматика, и расчитывалъ конечно на то, что принятый имъ мальчикъ будетъ отчасти оплачивать свое содержаніе, прислуживая въ

[15]) Мина равнялась 24 р. 3 к. сер.

[16]) Статернъ равнялся по вѣсу 2 серебряннымъ драхмамъ а по цѣнности 20-драхмамъ (драхма равнялась 24 к. с.). Пять статерновъ составляли мину.

школѣ, хотя онъ и не былъ на то рожденъ. Умъ и привѣтливость Ктезифона пріобрѣли ему не мало друзей среди мальчиковъ, посѣщавшихъ школу; и послѣ смерти одного изъ нихъ, единственнаго сына весьма уважаемаго гражданина, отецъ умершаго, усыновилъ четырнадцатилѣтняго Ктезифона.

— Мой благодѣтель умеръ также, заключилъ Ктезифонъ свой разсказъ, и я былъ теперь въ Аргосѣ для того, чтобы получить долгъ, составляющій часть моего наслѣдства; оно не значительно, но все таки даетъ мнѣ возможность жить просто и скромно, какъ я люблю. Къ счастью я предпочелъ эту болѣе тѣнистую дорогу другой кратчайшей пѣшеходной, и мнѣ привелось такимъ образомъ первому привѣтствовать тебя по возвращеніи на родину.

— Корабль, на которомъ я возвратился, сказалъ Хариклъ, присталъ въ гавани Эпидавра. Я рѣшился сдѣлать остальную часть путешествія сухимъ путемъ, и избралъ дорогу черезъ Аргосъ и Клеону именно потому, что ближайшая горная дорога въ Коринѳъ была бы утомительна для моей лошади, да къ тому же мнѣ хотѣлось посѣтить одного стариннаго друга моего отца.

Разговаривая такимъ образомъ, друзья достигли равнины, на которую смотрѣли съ холма расположенные террасами дома Клеоны. Отдохнувъ здѣсь немного, они продолжали свой путь въ Коринѳъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гетеры[1]).

Солнце стояло уже довольно низко, когда друзья, пройдя лѣсокъ, состоящій изъ сосенъ и кипарисовъ, очутились передъ могущественнымъ городомъ, который, господствуя надъ двумя морями, лежалъ въ тоже время

[1]) Гетера (ἑταίρα) по гречески значитъ пріятельница.

Изображая жизнь грековъ, невозможно обойти молчаніемъ этотъ классъ женщинъ, который игралъ такую значительную роль въ греческой жизни. Конечно гетеры, за исключеніемъ одной Аспазіи, никогда не пользовались уваженіемъ, и если на нихъ не смотрѣли съ тѣмъ презрѣніемъ, съ какимъ смотрятъ теперь на женщинъ, промышляющихъ подобнымъ ремесломъ, тѣмъ не менѣе относительно ихъ всякій позволялъ себѣ всевозможныя шутки и насмѣшки, вызываемыя отчасти какъ-бы самимъ закономъ, который дозвалялъ по отношенію къ нимъ такіе поступки, которые были строго воспрещены относительно другихъ честныхъ женщинъ. Но это не мѣшало имъ составлять центръ удовольствій и мѣсто сборища молодежи. Къ такому поведенію молодыхъ людей общество относилось чрезвы-

на перекресткѣ двухъ дорогъ міра, передъ городомъ, который своею двойною гаванью соединялъ востокъ съ за-

---

чайно снисходительно; даже люди женатые подобными вещами не роняли себя нисколько въ общественномъ мнѣніи, если только они не преступали всѣхъ границъ приличія и уваженія къ своей женѣ. Изъ многаго можно даже заключить, что на отношенія эти смотрѣли какъ на вещь весьма обыкновенную. Безспорно, снисходительность эта объясняется нежеланіемъ грековъ имѣть многочисленное потомство. При рѣшительной склонности грековъ къ чувственнымъ удовольствіямъ, составлявшей отличительную черту ихъ характера, было бы весьма трудно избѣжать этого неудобства, еслибъ они не искали подобныхъ отношеній внѣ семьи. Всѣхъ гетеръ вообще можно распредѣлить на нѣсколько категорій, и самою низкою изъ всѣхъ считалась та, къ которой принадлежали женщины содержавшіяся въ общественныхъ домахъ (πορνείοις), существовавшихъ въ Аѳинахъ, какъ государственное учрежденіе. Впрочемъ должно замѣтить, что учрежденія эти облагороживались нѣсколько тѣмъ, что они были соединены съ служеніемъ Афродитѣ (Ἀφροδίτη Πάνδημος). Такъ при каждомъ храмѣ этой богини содержалось нѣкоторое число рабынь (гіеродулъ), красота которыхъ составляла доходную статью храма. Ко второй категоріи относятся дома (πορνοβοσκοί), въ которыхъ мужчины или женщины содержали, какъ свою собственность, дѣвушекъ для той же цѣли. Случалось часто, что молодые люди, желая быть единственными обладателями дѣвушки, которая имъ нравилась, выкупали ее совершенно или же заключали формальныя письменныя условія, которыя упрочивали за ними права на нее въ теченіе извѣстнаго времени. Въ числѣ дѣвушекъ, содержимыхъ въ подобныхъ домахъ, находилось не мало такихъ, которыя попадали туда вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ, и по воспитанію и по своему образу мыслей стояли гораздо выше ремесла, которымъ онѣ принуждены были заниматься.

Наконецъ было еще множество отдѣльно живущихъ гетеръ, которыя сами торговали своею красотой. Къ нимъ нужно причислить прежде всего многочисленный классъ отпущенницъ, среди которыхъ встрѣчались преимущественно флейтщицы и киѳаристки (т. е. игравшія на киѳарѣ), приглашавшіяся на домашнія жертвоприношенія и на

падомъ и сѣверную Грецію съ южною [2]). Гордый Акрополисъ возвышался въ нѣсколькихъ стадіяхъ передъ ними, скрывая отъ глазъ главную часть города, расположенную у подножія крутаго сѣвернаго склона; нѣкоторые же отдѣльные дома и виллы были разсѣяны вплоть до южной равнины. Направо отъ дороги по обѣимъ сторонамъ источника стояли каменныя скамейки, манившія путника къ отдыху. Множество молодыхъ рабынь съ высоко-поднятою одеждою, принадлежащихъ вѣроятно обитателямъ близлежащихъ домовъ, наполняли гидріи [3])

симпозіоны. Эти женщины были по большей части въ тоже время и гетерами, и жилище ихъ служило нерѣдко мѣстомъ сборищъ для молодыхъ людей. Многія изъ нихъ отличались можетъ быть красотою и остроуміемъ, но тѣ замѣчательныя женщины, которыя своимъ умомъ и любезностью, болѣе чѣмъ красотою, пріобрѣли такое большое вліяніе на свой вѣкъ, и своими отношеніями съ замѣчательными людьми составили себѣ историческую извѣстность, тѣ женщины не принадлежали къ этому разряду. Аспазія и Коринѳская Лаиса, Фрина и Пиѳіониса были иностранками, а Ламія была дочь Аѳинскаго гражданина. Больше всего гетеръ было въ Коринѳѣ. Богатство и блескъ этого города, а также и торговля его, привлекавшая туда постоянно множество богатыхъ и легкомысленныхъ людей, привлекали и гетеръ, расчитывавшихъ на богатую добычу, а храмъ Афродиты содержалъ болѣе тысячи гіеродулъ. Умъ, образованіе, остроуміе и живость многихъ изъ гетеръ придавали особенную прелесть ихъ обществу, и если женщины эти и не имѣли дѣйствительно серьезнаго образованія, тѣмъ не менѣе въ сравненіи съ образованіемъ другихъ греческихъ женщинъ, оно было весьма значительно. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. Леонтія, были даже слушательницами философовъ.

[2]) Коринѳъ былъ расположенъ на перешейкѣ, отдѣляющемъ Пелопонезъ отъ материка Греціи. Онъ имѣлъ гавани на двухъ противоположныхъ моряхъ. Одна изъ нихъ называлась Лехеонъ, а другая Кенхрея.

[3]) Гидріи (ὑδρία) большіе широкіе глиняные сосуды съ короткимъ

прозрачною какъ кристаллъ водою, бившею тремя струями среди цвѣточныхъ гирляндъ, которыя спускались на бѣлую мраморную плиту и были поддерживаемы здѣсь барельефами, изображавшими миловидныхъ мальчиковъ.

Друзья разстались близъ этого прелестнаго мѣстечка. Ктезифонъ, намѣревавшійся искать гостепріимства въ домѣ одного знакомаго, повернулъ налѣво по направленію къ воротамъ сикіонскимъ, а Хариклъ пошелъ направо по пути, ведущему сквозь оливковыя и гранатовыя рощи прямо къ Краніону. Не имѣя вовсе друзей въ этомъ, совершенно ему незнакомомъ городѣ, онъ хотѣлъ остановиться въ одномъ изъ такихъ домовъ, въ которыхъ путешественники за извѣстную плату находили себѣ радушный пріемъ. Другъ его въ Аргосѣ говорилъ ему про домъ нѣкоего Сотада, человѣка порядочнаго и очень внимательнаго къ своимъ гостямъ. Къ тому же веселому, любящему удовольствія молодому человѣку было далеко не непріятно услышать, что женскій персоналъ этого дома былъ настолько же очарователенъ, насколько и свободенъ въ обращеніи съ мужчинами, и что, такъ по крайней мѣрѣ увѣряли, эти красавицы давно уже были посвящены, при яркомъ свѣтѣ факеловъ [4]), во всѣ тайны

горлышкомъ; они употреблялись для того, чтобы носить воду. Особенность этихъ сосудовъ составляетъ третья ручка, посрединѣ утолщенной части сосуда, съ помощью которой было гораздо легче зачерпывать воду и поднимать наполненную кружку на голову.

[4]) Здѣсь намекается на существовавшій у грековъ обычай сопровождать съ зажженными факелами брачное шествіе изъ дома родителей невѣсты въ домъ жениха (о подробностяхъ смотри примѣчаніе къ главѣ XII).

Афродиты; говорили даже, что хотя тамъ и старались избѣгать по наружности жизни настоящихъ гетеръ, но что мать едвали отвергала щедрую руку того, кто домогался ночныхъ наслажденій съ ея дочерьми. Ктезифонъ предупреждалъ неопытнаго друга, онъ изобразилъ ему всѣ опасности, которымъ здѣсь въ Коринѳѣ болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, подвергался человѣкъ, неосторожно попавшій въ сѣти этихъ обольстительницъ; онъ объяснилъ ему значеніе пословицы: «Не всякому идетъ въ прокъ поѣздка въ Коринѳъ», и привелъ въ доказательство множество примѣровъ, когда купцы оставляли все свое состояніе, весь свой грузъ и даже корабли въ рукахъ алчныхъ гетеръ. Но Хариклъ обѣщался другу оставаться въ Коринѳѣ никакъ не болѣе трехъ дней, а въ такое короткое время казалось невозможнымъ протратить и десятой доли 2,000 драхмъ [5]), которыя онъ везъ съ собою. Поэтому-то онъ и направился въ самомъ лучшемъ настроеніи духа къ Краніону, вблизи котораго жилъ Сотадъ.

Это было самое многолюдное мѣсто во всемъ Коринѳѣ: здѣсь въ вѣчно зеленой кипарисовой рощѣ находились святилище Беллерофона [6]) и храмъ Афродиты. Въ этомъ

---

[5]) Драхма равнялась 24 коп., дидрахма—48 коп. и тедрахма—96 коп.

[6]) Вотъ сказаніе о Беллерофонѣ: Главкъ, сынъ Сизифа, внукъ Эола, имѣлъ сына Беллерофона. Беллерофонъ попалъ въ юности ко двору Прэта, царствовавшаго въ Коринѳѣ. Сѳенобея, царица (она же Антея) воспылала къ юношѣ любовью и неотступно всюду преслѣдовала его, но не находя отвѣта, оклеветала его передъ супругомъ своимъ. Разгнѣванный Прэтъ отослалъ Беллерофона къ тестю своему, Ликійскому царю Іобату, съ тайнымъ повелѣніемъ умертвить посланнаго. Царь назначилъ ему такіе тяжелые труды, при

древнѣйшемъ мѣстопребыванiи богини болѣе тысячи гiеродулъ [7]) продавали свои прелести множеству стекавшихся здѣсь иностранцевъ, и, служа такимъ образомъ источникомъ богатства для города и храма, были вмѣстѣ съ тѣмъ для легкомысленнаго купца гибелью болѣе вѣрною, чѣмъ всепоглощающая пучина Харибды [8]). Какъ-бы въ предостереженiе отъ опасностей, грозившихъ въ этомъ мѣстѣ, стоялъ здѣсь надгробный памятникъ Лаисы [9]) съ изображенiемъ львицы, держащей въ лапахъ похищеннаго барана,—символъ ея жизни. Какое удивительное стеченiе

исполненiи которыхъ ему неминуемо нужно было погибнуть. Но боги стояли за невиннаго. Беллерофону былъ посланъ крылатый конь Пегасъ. Богиня Аѳина научила его управлять имъ. Съ Пегасомъ Беллерофонъ нетолько избѣжалъ всѣхъ опасностей, но даже поразилъ Химеру и избавилъ отъ этого чудовища цѣлую страну. Затѣмъ онъ отразилъ многочисленныхъ враговъ Iобата и между прочимъ разсѣялъ полчища Амазонокъ. Тогда, возгордившись своими успѣхами, Беллерофонъ вздумалъ взлетѣть на своемъ Пегасѣ до самаго неба, и разгнѣванный Зевесъ, ниспровергъ его на землю.

[7]) Гiеродулы были служителями мужскаго и женскаго пола въ храмахъ; они исполняли низшiя должности и со всѣмъ своимъ потомствомъ принадлежали храму. Впрочемъ, въ Грецiи они были далеко не такъ распространены, какъ въ Азiи, гдѣ напр. во времена Страбона, въ одномъ изъ храмовъ въ Каподокiи находилось до 6,000 гiеродулъ.

[8]) Харибда и Сцилла чудовища, подъ которыми древнiя олицетворяли бурливыя неправильныя волненiя и водовороты въ Мессинскомъ проливѣ, причиняемыя въ немъ столкновенiемъ различныхъ теченiй находящихся въ связи съ приливами и отливами.

[9]) Имя извѣстной своею красотою греческой гетеры. Она жила въ V вѣкѣ до Р. Х. въ г. Коринѳѣ и завлекала въ свои сѣти лучшихъ граждань города. Разсказываютъ, что она была убита въ Ѳессалiи въ храмѣ Афродиты женщинами, завидовавшими ея красотѣ. Но эта смерть приписывается нѣкоторыми и Лаисѣ младшей, жившей около 370 г. до Р. Х.

обстоятельствъ: должно же было такъ случиться, что немного позже именно это мѣсто было избрано для могилы Діогена Синопскаго [10]), чтобы такимъ образомъ примѣръ противоестественнаго отреченія могъ служить контрастомъ этой развратной пышности. Удовольствія, здѣсь находимыя, привлекали сюда ежедневно огромное число посѣтителей, какъ туземцевъ, такъ и иностранцевъ, а это стеченіе народа привлекало въ свою очередь множество продавцевъ. Всюду бродили дѣвушки, однѣ съ хлѣбомъ и пирожками, другія съ вѣнками и букетами, а мальчики съ корзинами фруктовъ; всѣ предлагали гуляющимъ и сидящимъ свой товаръ, а можетъ быть и самихъ себя. Но если здѣсь искали только удовольствія и отдохновенія, то улица, которая вела изъ гавани Кенхрея, пред-

---

[10]) Знаменитый философъ-циникъ Діогенъ родился въ Синопѣ въ Пафлагоніи, откуда онъ долженъ былъ бѣжать въ Аѳины. Здѣсь онъ примкнулъ къ Антисѳену, ученику Сократа, который проповѣдывалъ крайнее отреченіе отъ всѣхъ потребностей человѣческихъ. Съ свойственной ему энергіей и равнодушіемъ къ мнѣнію людей, Діогенъ старался въ теченіе всей своей жизни доказывать истину философской теоріи, извѣстной подъ названіемъ цинизма. Во время своего переѣзда изъ Аѳинъ въ Эгину, онъ попалъ въ руки морскихъ разбойниковъ, которые увезли его съ собою на островъ Критъ. Дорогою онъ ободрялъ и поддерживалъ своихъ, упавшихъ духомъ сотоварищей, а когда его выставили для продажи на рынкѣ, то онъ самъ себя предлагалъ покупателямъ, говоря: «Кому нужно купить господина». Одинъ благородный коринѳіецъ купилъ его, поручилъ ему воспитаніе своихъ сыновей, а потомъ освободилъ его. Діогенъ продолжалъ свой прежній образъ жизни, живя то въ Аѳинахъ, то въ Коринѳѣ. Онъ дожилъ до 90 лѣтъ. По смерти его въ 324 г. до Р. Х. Коринѳяне воздвигли въ честь его памятникъ, кромѣ того ему былъ поставленъ памятникъ и въ Синопѣ.

ставляла, напротивъ того, картину самой оживленной дѣятельности. Здѣсь люди и животныя были постоянно заняты перевозкою груза съ кораблей въ городъ или въ Лехеонъ, гавань, лежащую на противоположной сторонѣ, и обратно. Вы встрѣчали здѣсь постоянно множество вьючныхъ животныхъ, доставлявшихъ въ городъ хлѣбъ изъ Византіи, цѣлые ряды повозокъ, одна часть которыхъ везла на западъ вино греческихъ острововъ, другая же доставляла въ города Греціи не менѣе благородныя растительныя произведенія Сициліи и Италіи; здѣсь осторожно ступающіе мулы несли любителямъ искусства въ Сициліи тщательно упакованныя мраморныя статуи, художественныя произведенія мастерскихъ Аттики; тамъ везли для отправки на корабляхъ въ города Малой Азіи не менѣе цѣнныя произведенія Коринѳа и Сикіона [11]). Какое множество великолѣпнѣйшихъ и драгоцѣннѣйшихъ продуктовъ заключали въ себѣ эти безчисленные ящики и тюки. Всѣ благовонія душистыхъ полей Аравіи, всѣ произведенія Индіи: драгоцѣннѣйшія ткани, слоновая кость и рѣдкое дерево, великолѣпнѣйшіе, съ необыкновеннымъ трудомъ сотканные, ковры вавилонскіе, шерсть милетскихъ овецъ, газовыя ткани косскихъ дѣвушекъ,—все доставлялось сюда, въ это складочное мѣсто половины міра.

Съ пріятнымъ изумленіемъ шелъ Хариклъ среди этой массы народа, представлявшей ему совершенно необычное зрѣлище. Картины жизни аѳинской успѣли уже нѣсколько изгладиться въ его воспоминаніи въ теченіе шести лѣтъ, что онъ былъ въ отсутствіи. Всѣ города, ви-

[11]) Коринѳъ и Сикіонъ знамениты своими сосудами.

дѣнные имъ въ Сициліи, были до того пустынны, что въ нихъ гнѣздилась дичь, а въ предмѣстьяхъ городовъ устраивались нерѣдко охоты. Даже Сиракузы, которыя Тимолеонъ [12]) нашелъ дотого безлюдными, что лошади паслись въ высокой травѣ, покрывавшей рынокъ, успѣли возвратить себѣ лишь въ ничтожной степени свое прежнее оживленіе. Въ Коринѳѣ онъ встрѣтилъ такую жизнь, которая могла равняться развѣ только съ живою дѣятельностью Пирея или съ оживленіемъ Аѳинской агоры [13]). Онъ попросилъ мальчика, предложившаго ему фрукты, указать домъ Сотада.

— Отца прекрасной Мелиссы и Стефаніонъ, сказалъ улыбаясь мальчикъ. Онъ живетъ близёхонько отсюда, прибавилъ онъ, предложивъ довести до дома, и весело пошелъ впереди Харикла лишь только этотъ согласился.

Домъ Сотада не былъ обыкновенною гостинницею, въ которой принимали всякаго, искавшаго крова, гдѣ бы могъ останавливаться путешественникъ, какого бы состоянія онъ ни былъ, получать тамъ удовлетвореніе потребностей настоящей минуты, укрываться отъ непогоды или же находить отдыхъ. Онъ пускалъ къ себѣ только нѣкоторыхъ по большей части хорошо извѣстныхъ ему по-

---

[12]) Коринѳскій полководецъ. Братъ его хотѣлъ захватить верховную власть въ Коринѳѣ. Тимолеонъ убилъ его и оставилъ отечественный городъ. Призванный жителями Сиракузъ, на помощь противъ Діонисія Младшаго, онъ освободилъ отъ тираніи Сиракузы, за 340 лѣтъ до Р. Х.; послѣ того жилъ въ уединеніи до самой смерти въ 337 году.

[13]) Агора (ἀγορά) народное собраніе въ Аѳинахъ. Агорою называлась также площадь или мѣсто, гдѣ происходило народное собраніе, а также и городской рынокъ.

сѣтителей, которые пріѣзжали по нѣскольку разъ въ годъ и оставались въ городѣ довольно долго. Для многихъ не было тайною, что двѣ дѣвушки, которыхъ Сотадъ выдавалъ за своихъ дочерей, были основнымъ капиталомъ, процентами съ котораго жила семья, а также и то, что ихъ мать Никипа, обыкновенно называемая также Эгедіонъ (козленокъ), была извѣстна сначала подъ именемъ Амалатеи и содержала прежде весь домъ. Между тѣмъ Сотадъ старался показать передъ посторонними, что онъ ничего не знаетъ о ремеслѣ своихъ дочерей, тогда какъ мать, хитрая посредница во всѣхъ подобныхъ исканіяхъ, пользовалась этою наружною строгостью хозяина дома для того, чтобы достичь какъ можно болѣе выгодныхъ условій.

Въ сопровожденіи мальчика Хариклъ дошелъ до дома, довольно невзрачнаго на видъ, стоявшаго не вдалекѣ отъ Кенхрейскихъ воротъ на одномъ изъ самыхъ бойкихъ мѣстъ, гдѣ всюду кругомъ были лавки мелочныхъ и винныхъ торговцевъ. Сосѣдство съ Краніономъ и улицею гавани приводило и сюда множество народа. Здѣсь находилъ всякій, и питающійся лукомъ матросъ, и натирающійся душистыми мазями щеголь, первый за пару оболовъ [14]), составляющую, можетъ быть, болѣе половины его дневнаго заработка, второй за горсть серебра, мѣсто, гдѣ принимала ихъ нѣжная красавица, готовая удовлетворить желанія каждаго изъ нихъ. Давъ своему проводнику нѣсколько монетъ, Хариклъ собирался уже идти къ двери, но въ это время мальчикъ, указывая на

---

[14]) Оболъ равнялся 4 коп.

коренастаго, не совсѣмъ опрятно одѣтаго мужчину съ наглою физіономіею и осанкою, закричалъ ему, что человѣкъ этотъ и есть возвращающійся домой Сотадъ.

Юноша подошелъ къ Сотаду и объяснилъ въ короткихъ словахъ что онъ ищетъ гостепріимства на нѣсколько дней, и что другъ изъ Аргоса совѣтовалъ ему обратиться сюда. Незнакомецъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы, словно выдающій ссуду трапецитъ, и съ удовольствіемъ остановилъ свой взоръ на статной лошади и тяжело-навьюченномъ благообразномъ рабѣ, сказавъ нѣсколько недовольнымъ тономъ:

— Мой домъ въ сущности не мѣсто, гдѣ бы могъ останавливаться всякій; ты бы гораздо лучше сдѣлалъ если бы пошелъ въ ближайшую гостинницу. Я имѣю дочерей, красота которыхъ и безъ того привлекаетъ слишкомъ много поклонниковъ, и при тѣснотѣ моего дома не такъ-то легко давать пріютъ такимъ молодымъ людямъ, какъ ты. Впрочемъ будь моимъ гостемъ, такъ какъ ты посланъ сюда моимъ другомъ изъ Аргоса; я позабочусь о томъ, чтобы ты и лошадь твоя ни въ чемъ не нуждались. — Съ этими словами онъ отперъ дверь, позвалъ раба, который взялъ лошадь, и, пригласивъ Харикла войти, послѣдовалъ за нимъ въ сопровожденіи Мана.

Грубоватая рѣчь этого человѣка и вообще его манера произвели не совсѣмъ-то благопріятное впечатлѣніе на юношу, а слѣды нѣкотораго безпорядка во дворѣ не способствовали къ тому, чтобы составить особенно выгодное мнѣніе объ образѣ жизни обитателей дома. Черепки битыхъ кружекъ изъ-подъ вина лежали въ одномъ углу, завядшія вѣнки въ другомъ. Изъ внутреннихъ покоевъ

дома доносился шумъ разныхъ голосовъ, къ которому примѣшивалось по временамъ и пѣніе. Можно было бы подумать, что этотъ шумъ происходитъ оттого, что здѣсь пируютъ мужчины, но вѣдь было еще слишкомъ рано, хозяинъ дома только-что возвращался, и солнце еще не сѣло. Дѣйствительно, этотъ безпорядокъ, казалось, отчасти смутилъ, отчасти разсердилъ хозяина, который поспѣшно провелъ гостя по лѣстницѣ на верхъ, гдѣ онъ отвелъ ему такое прекрасное помѣщеніе, существованіе котораго Хариклъ и не подозрѣвалъ въ подобномъ домѣ.

— Надѣюсь, что тебѣ здѣсь понравится, сказалъ онъ. Но ты пришелъ издалека и нуждаешься въ подкрѣпленіи. Пегніонъ, крикнулъ онъ мальчику лѣтъ пятнадцати, принеси масла, чесалку и полотно, и сведи гостя въ ближайшую ванну. Позаботься также о томъ, чтобы за ужиномъ небыло недостатка въ винѣ и кушаньяхъ.

Затѣмъ онъ удалился, а мальчикъ, возвратившійся скоро со всѣми нужными принадлежностями, проводилъ Харикла въ ванну. Возвратясь въ свое помѣщеніе, Хариклъ нашелъ уже готовый ужинъ, за которымъ Пегніону сегодня не пришлось служить особенно долго, такъ какъ отдыхъ и сонъ были юношѣ нужнѣе, чѣмъ пища.

А между тѣмъ не смотря на усталость онъ долго не могъ заснуть. Даже на верхъ къ нему въ комнату все еще доносились изъ глубины дома безпорядочные крики и дикій смѣхъ. Была уже почти ночь, а Хариклъ услышалъ, какъ раздался сильный стукъ у входной двери,

и затѣмъ ворвалась толпа гостей. Ему казалось, что онъ слышитъ ясно имя Стефаніонъ: не такъ ли назвалъ мальчикъ одну изъ дочерей хозяина дома? Значитъ въ самомъ дѣлѣ здѣсь велся не только нѣсколько свободный образъ жизни, какъ увѣрялъ другъ въ Аргосѣ, но образъ жизни настоящихъ гетеръ. А между тѣмъ грубое, почти отталкивающее обращеніе отца совсѣмъ не вязалось съ этимъ. Онъ не былъ похожъ на сводника, который ласково и съ предупредительностью встрѣчаетъ людей, погибель которыхъ замышляетъ въ сердцѣ. Однако должно быть дѣвушки пользуются извѣстностью, такъ какъ даже мальчикъ зналъ ихъ имена. Всѣ говорили, что онѣ прекрасны, и Хариклъ порѣшилъ во что бы то ни стало познакомиться съ ними на слѣдующій день.

Случай къ тому представился скорѣе, нежели онъ ожидалъ. Когда на другой день онъ вышелъ изъ дому, къ нему подошелъ Сотадъ и пригласилъ его отобѣдать въ кругу его семьи.

— Я тщательно оберегаю своихъ дочерей отъ опаснаго знакомства съ посторонними молодыми людьми, но твое лицо выражаетъ такъ много скромности, серьезности и мудрости, что тебя мнѣ бояться нечего.

Молодой человѣкъ принялъ приглашеніе съ улыбкою. Ему казалось, что приглашеніе это разъясняло характеръ его хозяина, очевидно избѣгавшаго придавать гласность своему ремеслу. Тѣмъ сильнѣе становилось любопытство, и никогда въ жизни не ожидалъ онъ еще съ такимъ нетерпѣніемъ обѣденнаго часа. Наконецъ, послѣ долгихъ ожиданій, солнечные часы показали, что уже по-

ра идти въ гостепріимный домъ, гдѣ, въ ожиданіи незнакомца, вся семья уже собралась.

Дѣвушки были удивительно хороши. Высокій ростъ Стефаніонъ, ея роскошные черные локоны, падавшіе на прелестную розовую шею, большіе черные глаза, смотрѣвшіе изъ-подъ тонкой дуги черныхъ какъ смоль бровей, безупречное тѣлосложеніе, которое не могло укрыться отъ взора и подъ довольно тяжелою тканью ея одежды, напоминали собою идеальныя изображенія Геры; но гораздо очаровательнѣе показалась, залюбовавшемуся на нихъ Хариклу, меньшая сестра Мелисса, наивное, веселое существо, въ первомъ цвѣтѣ юности. Она не такъ поражала высокою, правильною красотою, но за то она очаровывала необыкновенною миловидностью, невыразимою граціею, сопровождавшею малѣйшее движеніе ея нѣжныхъ, слегка округленныхъ членовъ. Скромная и приличная ихъ одежда почти-что заставила Харикла усумниться въ заранѣе составленномъ мнѣніи; но непринужденность, съ какою Мелисса заняла свое мѣсто между нимъ и своею матерью, веселость и развязность, съ которою сестры вступали въ разговоръ и принимались за кубокъ, мало согласовались съ обыкновенною робостью греческихъ дѣвушекъ. Да и одѣяніе ихъ становилось мало по малу какъ будто небрежнѣе. Взоры и движенія Мелиссы изобличали страсть, которая не могла быть толь-

ко слѣдствіемъ вина; когда же отецъ удалился на нѣсколько мгновеній изъ комнаты, и Хариклъ подалъ ей свой бокалъ, она тщательно замѣтила то мѣсто, къ которому прикасались его губы, и приложила свои какъ разъ къ тому же мѣсту. Въ пылу желанія юноша взялъ у нея изъ рукъ кубокъ, чтобы сдѣлать тоже, Мелисса довѣрчиво склонилась къ нему, какъ-бы случайно отстегнулась застежка, придерживавшая на плечѣ хитонъ [15])…. Но въ эту самую минуту возвратился Сотадъ и обѣдъ кончился.

Взоръ Мелиссы выражалъ надежду на новое свиданіе, а Хариклъ, уходя, былъ совершенно плѣненъ. Не зачѣмъ было заманивать далѣе; обѣдъ былъ ловушкою, и юноша попался въ нее сразу. Не было сомнѣнія, что эти дѣвушки были гетеры; но этого-то онъ и хотѣлъ; онъ желалъ, чтобы онѣ отдались ему, какъ-бы уступая своему собственному чувству, облекая тайною свое открытое ремесло. Мысль о скоромъ отъѣздѣ была почти оставлена; онъ долженъ былъ непремѣнно обладать Мелиссою. Манъ былъ такъ неловокъ въ подобнаго рода

[15]) Хитонъ (χιτών) составлялъ нижнее платье, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Никакого другаго платья, какъ напр. рубашки подъ хитонъ, какъ кажется, не надѣвалось. Онъ состоялъ изъ продолговатаго, сложеннаго по поламъ куска матеріи; одна изъ рукъ продѣвалась въ прорѣху, сдѣланную для этой цѣли въ закрытой сторонѣ; свободные концы другой стороны прикрѣплялись на другомъ плечѣ застежкою или пуговицею. Съ этой стороны хитонъ оставался или совсѣмъ не сшитымъ до-низу и скрѣплялись только нижніе концы его, или же онъ сшивался, начиная съ бедра до-низу. Его подпоясывали лентою или кушакомъ и вытягивали изъ подъ пояса кверху настолько, чтобъ длина его не мѣшала свободному движенію ногъ.

дѣлахъ, онъ не могъ служить ему въ данномъ случаѣ; нужно было обратиться за этимъ къ прислугѣ дома.

— Пегніонъ, сказалъ онъ вечеромъ, обращаясь къ прислуживавшему ему мальчику, хочешь заработать денегъ?

— Еще бы нѣтъ отвѣчалъ тотъ.

— Это будетъ тебѣ не трудно, продолжалъ Хариклъ. Ты имѣешь прелестныхъ госпожъ, и я люблю Мелиссу. Устрой, чтобы она провела со мною слѣдующую ночь.

— Что съ тобою, сказалъ удивленный Пегніонъ, какъ могло тебѣ придти въ голову относиться, какъ къ продажной дѣвушкѣ, къ дочери порядочныхъ родителей?

— Перестань, возразилъ Хариклъ, я очень хорошо знаю, гдѣ у васъ лежитъ граница приличія, и роль удивленнаго тебѣ вовсе не къ лицу. Но оставимъ это. Достань мнѣ Мелиссу, и въ награду за это ты получишь десять драхмъ.

— Десять драхмъ? сказалъ мальчикъ, нѣтъ нельзя. Конечно Мелисса не будетъ противиться. Дѣвушка сама не своя, съ тѣхъ поръ какъ тебя увидала; она плачетъ, произноситъ твое имя, не хочетъ жить безъ тебя. Мы всѣ полагаемъ, что ты подсыпалъ ей чего-нибудь въ кубокъ.

— Ну, такъ отчего же нельзя? спросилъ Хариклъ. Ты конечно не думаешь, чтобы этому помѣшала мать?

— Нѣтъ, она также не слишкомъ строга, прервалъ Пегніонъ, и, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится семья, четыре или пять золотыхъ заставили бы ее рѣшиться отворить тебѣ двери Парѳенона [16]). Но развѣ ты забылъ, что Сотадъ дома, развѣ ты не замѣчаешь, какъ ревниво онъ ихъ стережетъ?

---

[16]) Парѳенонъ—храмъ дѣвственной Аѳины.

— Да, дѣйствительно, повидимому оно такъ, вскричалъ, смѣясь, Хариклъ; но Никипа съумѣетъ устранить и это препятствіе. Полно, Пегніонъ, не притворяйся. Скажи матери, что она получитъ отъ меня мину серебра, если дастъ мнѣ возможность быть завтра вечеромъ у Мелиссы. Ступай, заработай свои десять драхмъ.

— Десять драхмъ, повторилъ снова мальчикъ. А мнѣ пятнаднадцать лѣтъ.

— Ну, хорошо, такъ ты и получишь пятнадцать, сказалъ юноша, а теперь ступай и устрой хорошенько свое дѣло.

Пегніонъ удалился, увѣряя, что онъ съ своей стороны постарается, но что уладить дѣло будетъ все-таки не легко.

Едва стало разсвѣтать, какъ Хариклъ вскочилъ уже съ своего ложа. Онъ спалъ безпокойно, и подъ утро не ускользнулъ отъ его слуха шумъ какъ-бы отворявшейся внутренней и наружной двери. Мысль, что какой-нибудь счастливый любовникъ Мелиссы возвращался потихоньку отъ нея, обезпокоила его.

Вскорѣ вошелъ Пегніонъ. Веселое лицо его давало надежду на хорошія вѣсти. Онъ сказалъ Хариклу, что господинъ его рѣшился сегодня же непремѣнно съѣздить по дѣлу въ Сикіонъ, и велѣлъ просить его одолжить ему лошадь, которая давно уже стоитъ безъ дѣла. Онъ пробудетъ въ отсутствіи всего двѣ ночи, а Хариклъ врядъ-ли до тѣхъ поръ уѣдетъ изъ Коринѳа. Юношѣ казалось, что онъ отлично понимаетъ цѣль этого путешествія, и, хотя онъ ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что

самъ Сотадъ былъ посредникомъ въ дѣлахъ своихъ дочерей, но ему все-таки было пріятнѣе, что этотъ грубый человѣкъ оставлялъ его одного съ женщинами. Поэтому онъ охотно согласился. О Мелиссѣ Пегніонъ не могъ еще сказать ничего, а на вопросъ Харикла, отчего отворялись ночью двери дома, мальчикъ объяснилъ, что рабыня выходила подъ утро, чтобы зажечь у сосѣда потухшую лампу. Хариклъ заставилъ себя повѣрить.

Сотадъ уѣхалъ; былъ уже давно полдень, а Хариклъ все еще не получалъ никакихъ извѣстій отъ Пегніона, котораго онъ ожидалъ на рынкѣ, гдѣ сошелся и съ Ктезифономъ. Сообщивъ другу свою надежду, онъ уговорилъ его остаться лишній день въ городѣ. Ктезифонъ согласился неохотно, и снова предостерегъ его. Но юноша и не подозрѣвалъ, чтобы за этою, столь обыкновенною игрою могла скрываться какая-нибудь опасность. Въ нетерпѣніи ходилъ онъ взадъ и впередъ. Наконецъ къ нему подошелъ мальчикъ съ желаннымъ извѣстіемъ. Ему удалось уговорить мать, и Мелисса съ нетерпѣніемъ ожидаетъ своего возлюбленнаго. Какъ только всѣ уснутъ, онъ самъ проведетъ его къ тихому покою, гдѣ Діониссъ [17])

[17]) Діониссъ или Вакхъ, у римлянъ—Бахусъ. Миѳъ и почитаніе этого божества происхожденія восточнаго. Въ самомъ началѣ Діониссомъ была олицетворена всепроницающая растительная сила природы въ видѣ сока растительнаго. Отсюда весна—время радости и торжества, а зима—время страданій природы, т. е. Діонисса. Позже къ значенію его присоединены были и представленія подателя радостей, на-

и Афродита, эти неразлучные боги наслажденія, встрѣтятъ его.—Смотри, прибавилъ онъ, не забудь только вручить матери мину серебра, когда она отворитъ тебѣ дверь, вспомни также и объ услугѣ, которую я тебѣ оказалъ.

Въ гостепріимномъ домѣ, въ которомъ остановился Ктезифонъ, шестеро молодыхъ людей, въ томъ числѣ и онъ, а также самъ радушный хозяинъ, возлежали за пиромъ. Разносили вѣнки и благовонія, и мѣшали вино. Веселые разговоры присутствовавшихъ изобличали въ нихъ людей, наслаждавшихся жизнью и хорошо знакомыхъ съ красавицами Коринѳа.

— Мнѣ придется остаться у тебя днемъ долѣе, сказалъ Ктезифонъ своему хозяину. Другъ, съ которымъ я пріѣхалъ, одолжилъ свою лошадь хозяину дома, въ которомъ онъ живетъ, а Сотадъ — такъ зовутъ его—предполагаетъ возвратиться не ранѣе какъ чрезъ три дня.

— Сотадъ, вскричалъ одинъ изъ молодыхъ людей, не тотъ ли, который выдаетъ себя за отца моей Стефаніонъ?

— И очаровательной Мелиссы, прибавилъ другой.

— Да, такъ зовутъ его дочерей, сказалъ Ктесифонъ. Вы его знаете? Онъ поѣхалъ сегодня въ Сикіонъ.

слажденія и веселья, чувствуемыхъ человѣкомъ, испивающимъ благороднаго напитка виноградной лозы. Наконецъ, такъ какъ на посвященныхъ ему весеннихъ и лѣтнихъ празднествахъ, впервые обнаружились проявленія драматическаго искусства, то и стали Діонисса почитать не только богомъ вина, но и покровителемъ театра.

— Не можетъ быть, возразилъ второй, я самъ видѣлъ его давича въ сумеркахъ въ то время, какъ онъ пробирался по направленію къ Истмійскимъ воротамъ; какъ онъ ни скрывался, я все-таки узналъ его. Странно только то, что, минуту спустя, я встрѣтилъ его раба, который дѣйствительно велъ прекрасную лошадь.

— Тутъ что-нибудь да кроется, сказалъ первый, вскакивая съ мѣста. Стефаніонъ прислала сегодня мнѣ сказать, что она больна и чтобъ я къ ней не приходилъ. Я не хочу думать, чтобы дѣвушка, которая на два мѣсяца принадлежитъ мнѣ.....

— Успокойся, сказалъ Ктезифонъ, моему другу нравится младшая сестра, Мелисса.

— Ну, сказалъ этотъ, нѣтъ сомнѣнія, что твоему другу грозитъ какая-нибудь опасность. Этотъ Сотадъ самый безчестный изъ сводниковъ, и твой другъ будетъ уже не первымъ иностранцемъ, котораго онъ сначала заманитъ, а потомъ поступитъ съ нимъ, какъ съ обольстителемъ своей дочери.

— Въ такомъ случаѣ, друзья, вскричалъ хозяинъ Ктезифона, всего лучше будетъ, если мы отправимся къ дому Сотада, и посмотримъ, не можемъ ли мы помѣшать какой-нибудь мошеннической продѣлкѣ.

— Предложеніе было принято тѣмъ охотнѣе, что Главку хотѣлось убѣдиться въ дѣйствительности болѣзни его Стефаніонъ, а другіе надѣялись увидѣть забавную сцену въ домѣ гетеръ.

— Но насъ не впустятъ, сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Объ этомъ нечего хлопотать, у меня есть ключъ

отъ двери сада, а оттуда мы пройдемъ прямо въ женскіе покои. За два золотыхъ статерна Никипа сама дала мнѣ его въ распоряженіе на все то время, пока мнѣ принадлежитъ Стефаніонъ. А въ случаѣ, если изнутри задвинута задвижка, то я съумѣю все-таки одинъ выломить эту дверь. Идемъ скорѣе. Надѣюсь, что мы скоро возвратимся къ нашимъ кубкамъ.

Хариклъ былъ у цѣли своихъ желаній. У дверей маленькой комнатки, которую Никипа заперла снова снаружи, стоялъ Пегніонъ и подслушивалъ. Вотъ онъ тихонько прокрался къ выходной двери, осторожно открылъ ее, и сталъ пытливо озираться среди мрака наступающей ночи. Сначала ему показалась подозрительною группа людей, состоящая изъ пяти-шести человѣкъ; они шли вдоль улицы изъ города и остановились въ нѣкоторомъ разстояніи; но и они удалились, повернувъ въ узкую улицу, которая огибала садъ. Съ наслажденіемъ побрякивалъ Пегніонъ пятнадцатью драхмами, нѣсколько разъ подбрасывая ихъ на рукѣ, а затѣмъ тихонько и съ большой поспѣшностью сталъ пробираться вдоль улицы. Дойдя до четвертаго дома, онъ остановился и постучалъ. Его впустили, и черезъ нѣсколько минутъ оттуда вышли четверо мужчинъ въ сопровожденіи трехъ рабовъ, а за ними шелъ и Пегніонъ. Одинъ изъ нихъ—это былъ Сотадъ—купилъ въ ближайшей лавкѣ пару факеловъ, зажегъ ихъ, и направился къ своему дому.

— Запри дверь, Пегніонъ, сказалъ онъ, когда они вошли; птица-то отъ насъ не улетитъ, да могутъ придти незваные гости.

— Безъ шуму прокрались они къ комнатамъ женщинъ.

Вдругъ дверь распахнулась настежъ, и Сотадъ, какъ бѣшеный, вбѣжалъ въ сопровожденіи своихъ спутниковъ въ комнату, гдѣ сидѣли Хариклъ и Мелисса.

— Подлецъ! вскричалъ онъ, бросаясь къ юношѣ, такъ вотъ какъ ты злоупотребляешь моимъ гостепріимствомъ! Ты позоришь мой домъ и соблазняешь дочь честнаго человѣка!

Юноша вскочилъ.

— Какъ могъ я, воскликнулъ онъ, соблазнить твоихъ дочерей, коли онѣ явно содержатъ твой домъ своею красотою?

—Ты лжешь, кричалъ Сотадъ. Васъ, друзья, васъ, знающихъ какъ безупречна честь моего дома, беру я въ свидѣтели того, какъ засталъ я этого злодѣя на ложѣ обнимающимъ мою дочь. Рабы, хватайте и вяжите его!

Напрасно сильный молодой человѣкъ старался пробиться сквозь своихъ противниковъ. Борьба была слишкомъ не равна, и скоро Сотадъ съ помощью своихъ рабовъ повалилъ и связалъ его.

— Дайте мечъ, вскричалъ онъ. Пусть онъ искупитъ жизнью позоръ, который навлекъ на мой домъ.

— Сотадъ, сказалъ Хариклъ, не совершай преступленія, которое вѣдь не останется безнаказаннымъ. Я не хотѣлъ опозорить твой домъ. Твоя жена сама продала мнѣ твою дочь за мину серебра. Если же я дѣйствительно нанесъ тебѣ вредъ,—развѣ тебѣ поможетъ то, что ты меня убьешь. Возьми выкупъ и отпусти меня.

— Не я, а законъ моею рукою убиваетъ тебя. Ты заслужилъ смерть, прибавилъ онъ немного подумавъ, но я пощажу твою молодость. Дай мнѣ три тысячи драхмъ, и ты будешь свободенъ.

— У меня нѣтъ при себѣ трехъ тысячъ, нѣтъ здѣсь также и друзей, къ которымъ бы я могъ обратиться съ просьбою сдѣлать для меня складчину [18]). Но тѣ деньги, что при мнѣ, ихъ около двухъ тысячъ, ты получишь.

— Согласенъ, сказалъ Сотадъ, но лишь съ условіемъ, что завтра же рано утромъ ты оставишь Коринѳъ. А ты, недостойная дочь, обратился онъ къ Мелиссѣ, скрывавшей лицо свое въ подушкахъ ложа, считай себя счастливою, если я не похороню тебя завтра, подобно тому аѳинянину, вмѣстѣ съ конемъ твоего любовника.

Онъ произнесъ послѣднія слова съ величайшимъ па-

[18]) Здѣсь говорится о прекрасномъ обычаѣ, существовавшемъ вѣроятно не въ однѣхъ Аѳинахъ, и въ силу котораго человѣкъ, находящійся въ нуждѣ или во временно стѣснительныхъ обстоятельствахъ, обращался за помощью къ своимъ друзьямъ, которые считали тогда своею обязанностью сдѣлать складчину по мѣрѣ средствъ и возможности и выручить друга.

ѳосомъ. Громкій смѣхъ, раздавшійся у входа въ комнату, былъ ему отвѣтомъ. Это былъ Ктезифонъ и его друзья, которые незамѣтно вошли въ двери.

— Собака, вскричалъ хозяинъ Ктезифона, выходя впередъ, какъ смѣешь ты вязать свободнаго человѣка и вымогать у него деньги?

— Тебѣ что за дѣло? Зачѣмъ вы ворвались въ мой домъ? вскричалъ грубо очевидно смущенный Сотадъ. Этотъ человѣкъ опозорилъ мой домъ.

Раздался вторичный взрывъ хохота.

— Опозорилъ твой домъ! вскричалъ Ктезифонъ, хочешь ты, чтобы я тебѣ сказалъ, кто по письменному условію нанялъ у тебя твою Стефаніонъ на два мѣсяца.

Между тѣмъ Главкъ и прочіе вошли также.

— Скажи пожалуйста, Сотадъ сказалъ одинъ изъ нихъ, отъ какого брака родились у тебя эти дѣвушки? Мнѣ кажется, не прошло еще и десяти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ знаменитая гетера Эгедіонъ стала твоею женою и принесла съ собою этихъ двухъ дочерей, которыя напрасно бы искали своихъ отцовъ по всей Греціи.

Сотадъ поблѣднѣлъ; свидѣтели, имъ приведенные, скрылись изъ комнаты. Ктезифонъ подошелъ къ Хариклу и развязалъ веревки, которыми онъ былъ связанъ.

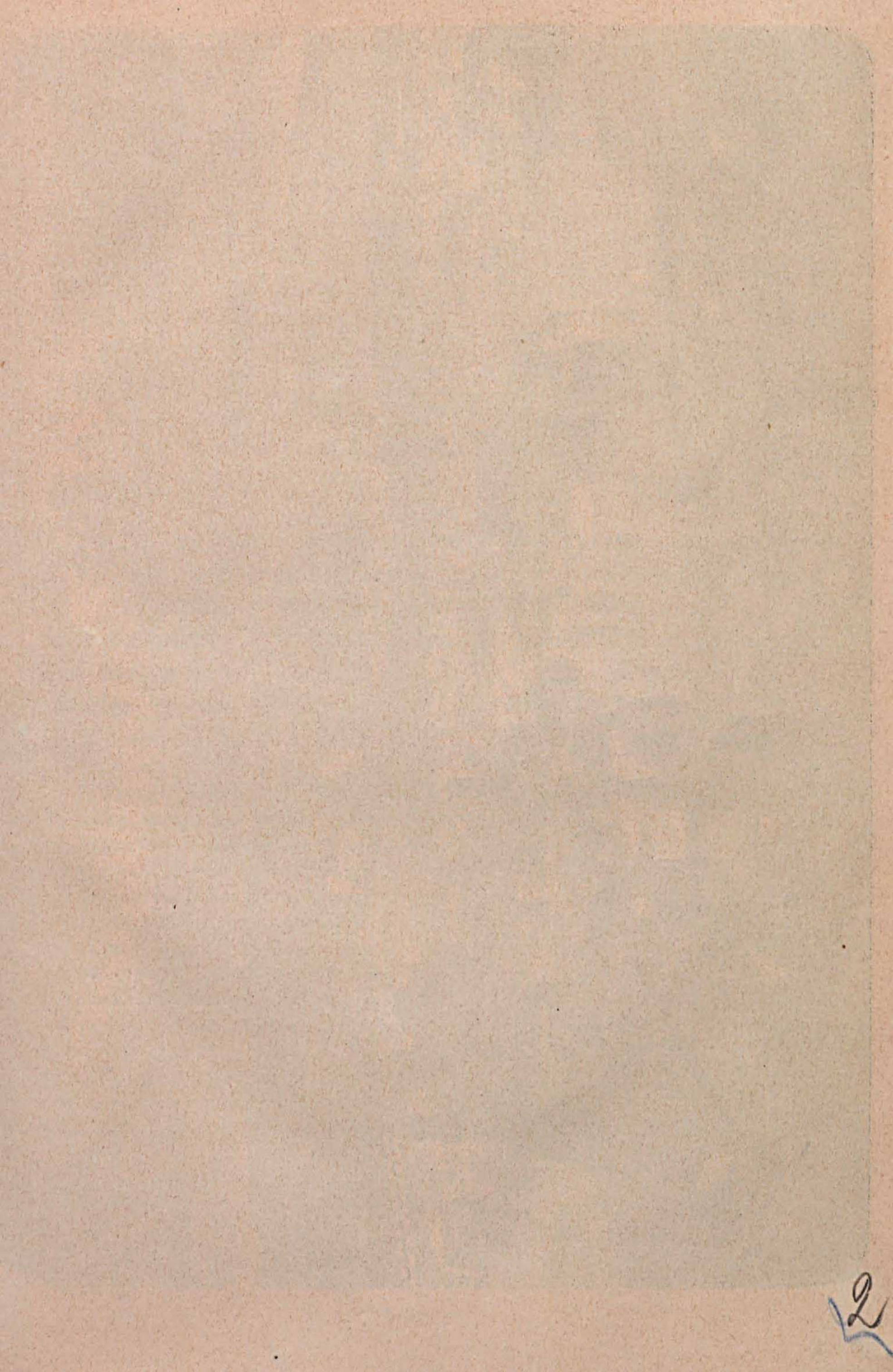
— Вы мнѣ поплатитесь за это, кричалъ Сотадъ, скрипя зубами и въ бѣшенствѣ сжимая кулаки.

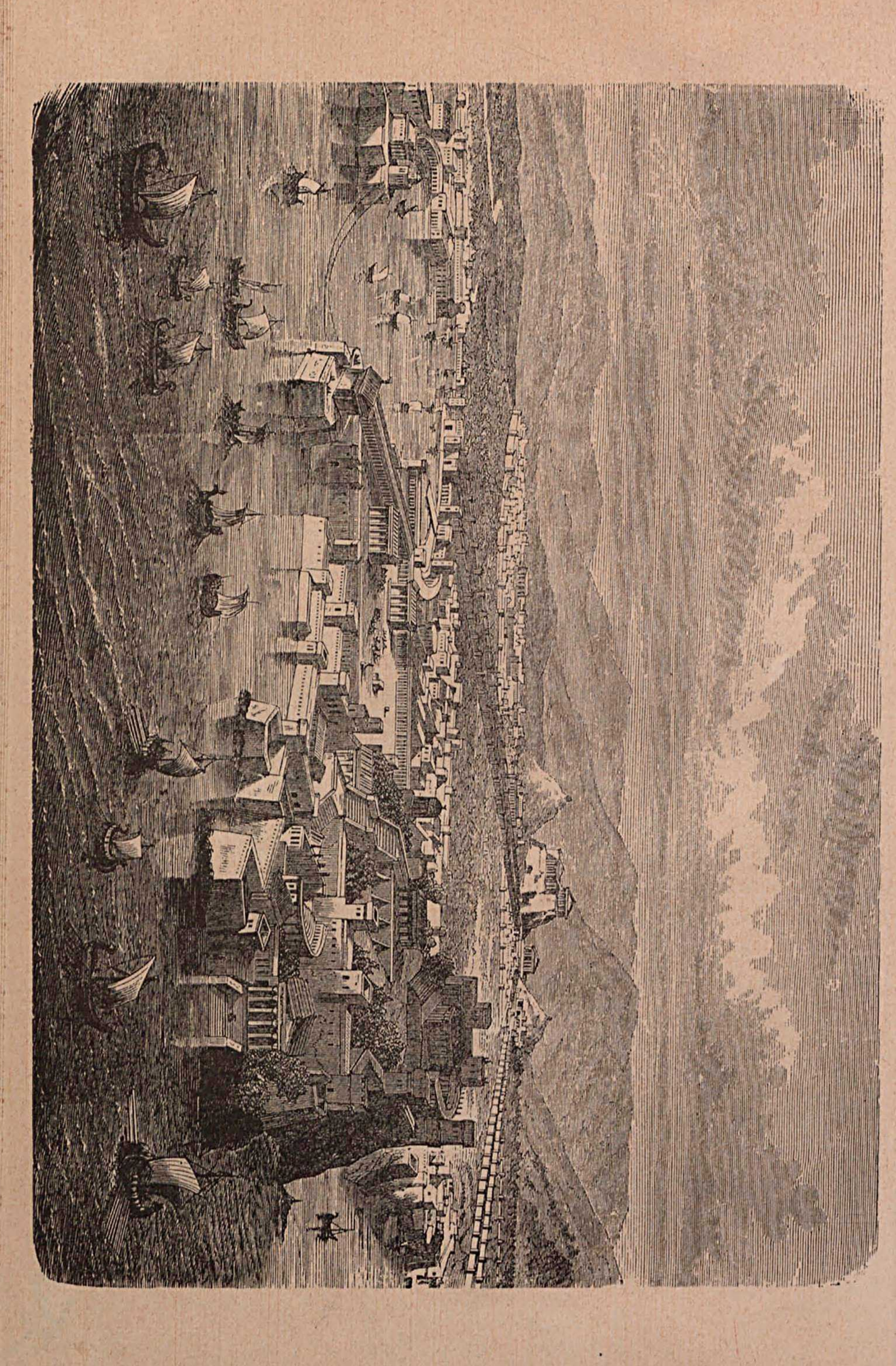
— Будь доволенъ, сказалъ хозяинъ Ктезифона, если мы, изъ уваженія къ друзьямъ твоихъ дочерей, не станемъ подавать на тебя жалобы. Теперь же, Хариклъ,

вели перенести твои вещи въ мой домъ и оставайся у меня до отъѣзда.

Всѣ семеро пошли въ комнату Харикла. Сотадъ и Мелисса остались одни.

— Дура! сказалъ ей Сотадъ: про дверь-то изъ сада ты и забыла.


2



ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Отцовскій домъ.

Три дня спустя послѣ этого приключенія друзья вышли на берегъ въ Пиреѣ [1]). Нѣсколько пристыженный и разстроенный Хариклъ согласился охотно на предложеніе Ктезифона, полагавшаго избрать кратчайшій путь моремъ вмѣсто того, чтобы продолжать путешествіе сухимъ путемъ черезъ Мегару. Отплывавшій какъ нарочно въ это время корабль, согласился взять Ха-

[1]) Городъ Аѳины (см. рисунокъ 2), вмѣстѣ съ своею гаванью Пиреемъ, имѣли въ самое цвѣтущее время четыре нѣмецкихъ мили въ окружности. Всѣ гавани находились на выдающемся въ морѣ полуостровкѣ. Самою западною изъ всѣхъ былъ обширный Пирей, далѣе къ востоку шла неглубокая гавань Мунихій бухта Зеа и наконецъ старый Фалеросъ, впослѣдствіи совсѣмъ обмелѣвшій. Весь этотъ полуостровъ былъ застроенъ, укрѣпленъ и составлялъ портовый городъ Пирей, соединявшійся съ Аѳинами двумя длинными стѣнами. Оба города, изрѣзанные по большей части кривыми и узкими улицами, заключали въ себѣ около десяти тысячъ домовъ и сто восемдесятъ тысячъ жителей. Почти по самой серединѣ Аѳинъ возвышался Акрополисъ (см. рисунокъ 1 въ началѣ книги), расположенный на скалѣ, представлявшей со всѣхъ сторонъ крутыя террасы и доступной только съ запада. Путь, ведущій на гору, былъ за-

рикла съ его рабомъ и лошадью за одну драхму, а Ктезифона, не имѣвшаго никакой клади, за три обола. Какъ сильно забилось сердце юноши, когда онъ ступилъ на родную землю и привѣтствовалъ эти, столь знакомыя ему мѣста, съ которыми соединялось такъ много воспомина-

---

щищенъ у подошвы ея тройными воротами, на случай нападенія. Онъ поднимался широкою улицею, приспособленною по серединѣ для колесницъ, а по сторонамъ для пѣшеходовъ. Тротуары состояли изъ мраморныхъ лѣстницъ и площадокъ. Входъ къ Акрополисъ составляли пропилеи. Во всю ширину (168 футовъ) гора была украшена зданіями благороднѣйшаго стиля. Но выступѣ, на право, возвышался изящный храмъ богини побѣды Ники аптеросъ. Фасадъ пропилей составляли: срединное зданіе, длиною въ 58 футовъ, и два меньшія, выступавшія по сторонамъ. Впереди послѣднихъ, направо и налѣво, на высокихъ пьедесталахъ, стояли колоссальныя изображенія героевъ, укрощающихъ коней. Три широкія мрамормыя ступени вели отсюда въ первую крытую мраморную колоннаду, раздѣленную внутри на три части посредствомъ шести легкихъ іонійскихъ колоннъ, трехъ направо и трехъ налѣво. Отсюда можно было перейти въ боковыя зданія. Изъ нихъ особенно замѣчательна налѣво мраморная открытая зала или галлерея знаменитѣйшихъ афинскихъ живописцевъ — пинакотека. Далѣе взорамъ представлялось открытое пространство, наполненное безчисленнымъ множествомъ бронзовыхъ и мраморныхъ статуй, колесницъ, треножниковъ, жертвенниковъ и храмовъ. Изъ нихъ особенное вниманіе обращали на себя: 1) исполинская статуя Аѳины-Промахосъ (воительницы) (см. рисунокъ 8 въ началѣ 7 главы); 2) храмъ Эрехтея, посвященный также Аѳинѣ-Поліасъ (градохранительницѣ), гдѣ находились: гробница миѳическаго царя Эрехтея, масличное дерево Аѳины и ручей Посейдона, и наконецъ 3) Парѳенонъ, совершеннѣйшее созданіе искусства временъ Перикла, которое поражаетъ насъ не столько величіемъ и громадностью, сколько поэзіею мысли, лежавшею въ основаніи храма, чудною ясностью, простотою формъ и искусствомъ въ исполненіи цѣлаго и частей.

Мы не станемъ описывать остальныя части города: приложенный къ этой главѣ видъ Аѳинъ (рис. 2) и нижеслѣдующій, объяснительный

ній. Здѣсь нашелъ онъ все ту же суматоху и давку толпы, стремящейся сюда, къ этому большому базару, гдѣ купцы всѣхъ частей свѣта выставляли образцы своихъ товаровъ, чтобы затѣмъ отсюда распродавать ихъ во всѣ страны. И точно, выборъ былъ здѣсь богаче, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Все, что въ другомъ мѣстѣ можно

чертежъ (рис. 3) лучше всякаго описанія дадутъ понятіе о расположеніи города.

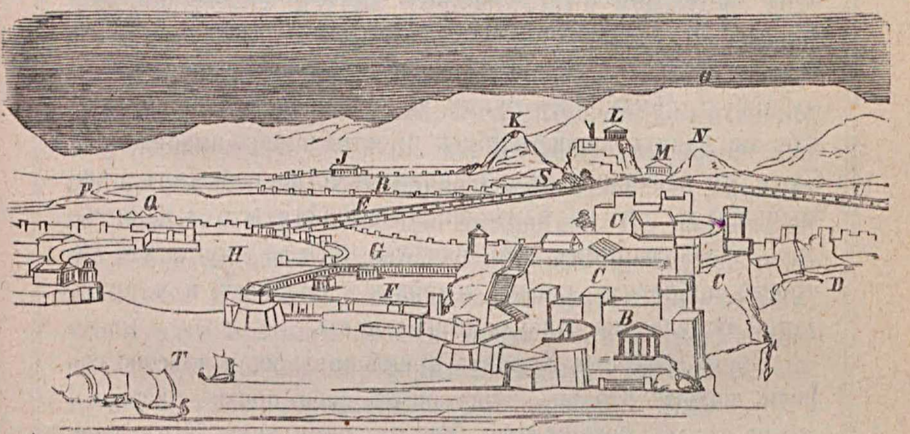


Рис. 3. Объяснительный чертежъ къ рис. 2.

A. Театръ. *B*. Храмъ Посейдона. *C*. Крѣпость Мунихій съ гаванью того же имени, вмѣщавшею только 50 кораблей. (Послѣдняя передъ агорою Пирея). *D*. Заливъ Фалеросъ. *E*. Длинныя стѣны въ 27 метровъ вышины, которыя, начиная съ 457 г. до Р. Х. соединяли Аѳины съ Пиреемъ. *F*. Рынокъ (агора) портоваго города Пирея. *G*. Городъ Пирей. *H*. Гавань Пирей, вмѣщавшая 400 большихъ кораблей, окруженная доками и магазинами, съ запертымъ цѣпями входомъ. *I*. Храмъ Тезея. *K*. Гора Анхемосъ съ Пниксомъ (мѣстомъ, гдѣ происходило народное собраніе). *L*. Акрополисъ. *M*. Храмъ Зевеса Олимпійскаго. *N*. Холмъ музеума съ памятникомъ Филопаппоса. *O*. Гора Пентеликосъ, имѣвшая 1140 метровъ вышины, доставлявшая мраморъ для

было найти лишь въ самомъ ограниченномъ числѣ, было здѣсь, въ этомъ главномъ пунктѣ греческой торговли, въ изобиліи. Гавань была настоящимъ городомъ, гдѣ можно было найти все, необходимое для чужестранца; тутъ были и гостинницы, и таверны, и мастерскія всевозможныхъ родовъ, тутъ же, рядомъ съ пользующимися дурною славою домами, находились и благодѣтельныя заведенія, подающихъ помощь врачей. Конечно, перспектива совершить легко выгодную операцію, привлекала именно сюда, немало аферистовъ и сикофантовъ; здѣсь составлялись даже цѣлыя общества, всегда готовыя помочь какому нибудь обманщику купцу въ его нечестныхъ дѣлахъ, или же надуть какого-нибудь простодушнаго иностранца. Сюда же стекалось ежедневно множество горожанъ, приходившихъ, кто съ намѣреніемъ встрѣтиться съ какимъ-либо чужестранцемъ, кто ожидать пріѣзда друга, кто же просто побродить среди товарныхъ складовъ и у пристани, любуясь на живую дѣятельность.

Но къ радости Харикла примѣшивалось и чувство горечи, потому что онъ чувствовалъ себя почти чуждымъ среди своихъ согражданъ. Въ то время какъ Ктезифонъ безпрестанно встрѣчалъ знакомыхъ, которые останавли-

---

построекъ города, слѣва, на заднемъ планѣ Парнасъ, справа, на переднемъ планѣ, Гиметосъ, имѣвшій 1050 метровъ вышины и извѣстный, какъ въ древности, такъ и нынѣ своимъ медомъ. *P*. Рѣчка Кефиссосъ. *Q*. Некрополисъ (мѣсто погребенія). *R*. Собственно городъ Аѳины. *S*. Ареопагъ или холмъ Ареса, гдѣ кромѣ многихъ храмовъ, находилось зданіе, въ которомъ происходили засѣданія ареопага, непосредственно передъ нимъ находилась агора, т. е. рынокъ. *T*. Греческіе военные корабли. *U*. Фалерскія стѣны, шедшія изъ Аѳинъ въ Фалеросъ.

вали его за одежду и ласково привѣтствовали, Хариклъ, еще мальчикомъ покинувшій городъ, шелъ одинокимъ среди толпы. Впрочемъ, онъ надѣялся, что ему удастся скоро не только возобновить старыя знакомства, но и завести новыя. Ктезифонъ отправился домой не тотчасъ. Онъ встрѣтилъ у пристани своего раба и, приказавъ ему идти домой и ожидать тамъ его прихода, отправился самъ въ Ликаіонъ [2]), гдѣ расчитывалъ встрѣтить большинство своихъ друзей, гимнастикою и купаньемъ подготовлявшихся къ близкому уже обѣду. Хариклъ пошелъ съ нимъ, такъ какъ близъ Діохарскихъ воротъ, ведущихъ изъ города въ Ликаіонъ, находился домъ одного стариннаго друга его отца, къ которому умиравшій Хариносъ совѣтовалъ ему обратиться, говоря что въ немъ онъ найдетъ и защитника, и помощника. Въ удостовѣреніе своей личности Хариклъ везъ рекомендательное письмо одного изъ своихъ сиракузскихъ друзей. Вмѣсто того, чтобы идти прямымъ путемъ, чрезъ узкія и кривыя улицы, друзья, дойдя до города, пошли другою, болѣе пріятною дорогою, вдоль городской стѣны, по берегу Илисса [3]).

Какъ счастливъ былъ Хариклъ, увидѣвъ вновь посвященныя музамъ воды Илисса. Рѣчка эта была не глубока, но за то воды ея были прозрачны, какъ кристаллъ.

—Снимемъ подошвы [4]), сказалъ онъ своему другу и, под-

---

[2]) Въ Аѳинахъ были 4 знаменитыхъ гимназіи: Ликаіонъ и Киносаргъ суть древнѣйшія изъ заведеній этого рода, потомъ Академія, основанная Гиппархомъ, и наконецъ еще позднѣйшаго происхожденія—Стадіонъ. Подробности смотри въ примѣчаніи 17 къ гл. V.

[3]) Илиссъ—рѣчка, протекавшая по южной части Аѳинъ.

[4]) см. примѣч. 3 къ гл. VI.

нимаясь вверхъ по рѣчкѣ, омочимъ ноги въ свѣжей водѣ. Я часто дѣлалъ это, будучи еще мальчикомъ, когда мой педагогъ позволялъ мнѣ на возвратномъ пути изъ Палэстры [5]), погулять за городомъ. Недалеко отсюда находится то мѣсто, гдѣ, по преданію, Борей похитилъ Оривію [6]); прелестный уголокъ, достойный быть мѣстомъ забавъ царской дочери. Посмотри на стоящій тамъ вдали высокій платанъ, подымающій высоко, надъ товарищами, свою тѣнистую верхушку; это мѣсто было для меня всегда полно очарованія. Великолѣпное, высокое дерево, съ своими далеко раскинутыми вѣтвями, растущій вокругъ него тѣнистый кустарникъ вербы, цвѣты котораго распространяли въ воздухѣ благоуханіе, прелестный ручеекъ студеной воды, протекающій у подножія платана, наконецъ всегда тутъ вѣющій, свѣжій вѣтерокъ, лѣтнее пѣніе многочисленнаго хора цикадъ, и въ особенности роскошная, высокая трава, доставляющая мягкое ложе, ищущему отдохновенія человѣку; все соединилось здѣсь, чтобъ сдѣлать изъ этого мѣстечка самый очаровательный уголокъ.

— Чудакъ, возразилъ Ктезифонъ, ты говоришь такъ, какъ будто передъ тобою стоитъ чужестранецъ, которому ты долженъ описывать красоты страны. Неужели ты думаешь, что мнѣ все это не такъ же хорошо знакомо, какъ и тебѣ, что я никогда не выхожу за городскую стѣну.

---

[5]) Палэстра (Παλαίστρα отъ πάλη борьба) было мѣсто, гдѣ юноши упражнялись въ борьбѣ и кулачномъ бою.

[6]) Борей, сынъ Эосъ или Авроры и Астрея, бога звѣздваго неба, похитилъ прекрасную Оривію, дочь аттическаго царя Кекропса и женился на ней.

— Прости меня, сказалъ юноша. Съ самаго дѣтства, отецъ пріучилъ меня находить невинное удовольствіе въ наслажденіи природою; весною упиваться благоуханіемъ цвѣтовъ, любоваться красотою серебристыхъ листьевъ тополя, прислушиваться къ ропоту вяза и платана. Воспоминаніе о счастливыхъ часахъ, прожитыхъ мною среди подобныхъ удовольствій, и именно у этого платана, заставило меня забыть, что тебѣ описывать это незачѣмъ. А между тѣмъ, прибавилъ онъ, какое множество людей живетъ круглый годъ среди людской суматохи, и вовсе неспособно чувствовать, и, даже имѣть малѣйшее понятіе о всѣхъ красотахъ природы.

Среди подобныхъ разговоровъ друзья дошли до воротъ, у которыхъ Хариклъ долженъ былъ разстаться съ Ктезифономъ, и идти отыскивать домъ Форіона. Они сговорились встрѣтиться на слѣдующее утро на рынкѣ у столовъ мѣнялъ, такъ какъ денежныя дѣла Харикла призывали его туда.

Домъ Форіона стоялъ въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ городской стѣны, и по наружному виду своему былъ также мраченъ и непривѣтливъ, каковымъ, судя по слухамъ, былъ и самъ владѣлецъ его. Хариклъ узналъ уже отъ своего друга, что всѣ считали Форіона человѣкомъ чрезвычайно богатымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшно скупымъ. Все слышанное имъ о странностяхъ и мрачномъ характерѣ старика не подавало ему надежды на особенно ласковый пріемъ. Между тѣмъ онъ зналъ, что въ былые годы Форіонъ былъ близкимъ другомъ его отца, и что еще недавно, хотя не имъ лично, но благо-

даря его посредничеству, и, какъ говорили, даже цѣною значительныхъ денежныхъ пожертвованій съ его стороны, были устранены тѣ затрудненія, которыя препятствовали возвращенію Хариноса на родину и могли даже, по смерти его, безпокоить его сына. Не имѣлъ ли послѣ этого Хариклъ основанія обратиться къ нему тотчасъ по пріѣздѣ своемъ въ Аѳины.

Въ дверяхъ лавочки, недалеко отъ воротъ, стояла старая женщина. Хариклъ спросилъ ее, не можетъ ли она указать ему домъ Форіона.

— Отчего не указать, отвѣчала она, онъ живетъ вотъ здѣсь рядомъ. Видишь эти окна, выходящія прямо на ворота, и дверь, по обѣимъ сторонамъ которой стоятъ Гермы? [7]) Это и есть его домъ. Но если ты идешь къ нему въ гости, то я бы посовѣтовала тебѣ сначала поужинать и припасти корму для твоей лошади [8]).

— Какъ такъ? спросилъ Хариклъ, которому хотѣлось узнать какія-нибудь подробности о характерѣ этого человѣка: развѣ Форіонъ не богатъ?

— Богатъ-то онъ богатъ, но онъ скупъ еще болѣе, чѣмъ богатъ. Онъ и аѳинянина не слишкомъ-то охотно

---

[7]) Такъ какъ Гермесъ, у римлянъ Меркурій, считался покровителемъ государственныхъ и торговыхъ путей, то въ этихъ мѣстахъ становились его изображенія, т. е. собственно изображенія его головы, поставленной на каменномъ столбѣ. Эти-то изображенія и назывались гермами. Ихъ ставили также на всѣхъ публичныхъ мѣстахъ и улицахъ, а также и у входа въ дома гражданъ.

[8]) Человѣкъ, принимавшій къ себѣ въ домъ чужестранца, не былъ обязанъ заботиться о его продовольствіи и приглашать его къ своему обѣду. Онъ давалъ ему только помѣщеніе. Впрочемъ было въ обычаѣ посылать гостю подарки, состоявшіе изъ жизненныхъ припасовъ.

пускаетъ къ себѣ въ домъ, а тѣмъ болѣе трудно попасть къ нему иностранцу. Разумѣется на то есть своя причина.

— Какая же? спросилъ Хариклъ съ любопытсвомъ.

— А та, отвѣчала женщина, что онъ владѣетъ жезломъ Гермеса [9]) и проводитъ цѣлый день въ отыскиваніи скрытыхъ кладовъ, посредствомъ колдовства и жертвоприношеній. Впрочемъ, онъ представляетъ ясное доказательство того, что пріобрѣтенныя подобнымъ способомъ богатства не приносятъ благословенія. Несмотря на всѣ свои сокровища, Форіонъ ведетъ самую жалкую жизнь. Всѣ его дѣти умерли, онъ самъ едва отваживается выходить изъ дому даже днемъ, а всю ночь бродитъ, говорятъ, по дому, охраняя скрытое золото, и осматриваетъ стѣну, общую съ сосѣднимъ домомъ, боясь, чтобъ ктонибудь не сдѣлалъ въ ней пролома. Онъ до того труслив, что пугается малѣйшаго шороха и принимаетъ за воровъ даже колонны своего собственнаго двора.

— Но мнѣ кажется, возразилъ Хариклъ, что прежде онъ не пользовался такою репутаціей?

— Скупъ-то онъ былъ всегда, сказала женщина, но такимъ сталъ приблизительно лѣтъ пять тому назадъ. Онъ купилъ въ тотъ годъ домъ одного гражданина, который долженъ былъ бѣжать изъ города, и говорятъ, что тамъ, подъ статуей Гермеса, стоявшей на дворѣ, нашелъ онъ огромное богатство. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно ищетъ новыхъ кладовъ.

---

[9]) Жезлу Гермеса приписывали множество чудесныхъ свойствъ. Подъ именемъ этимъ подразумѣвали, кажется, волшебные жезлы вообще.

Эти слова видимо обезпокоили Харикла. Пять лѣтъ: столько именно времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ былъ проданъ домъ его отца и во дворѣ дома дѣйствительно стояла подобная статуя. Неужели Форіонъ,—владѣлецъ этого дома и въ самомъ дѣлѣ воспользовался богатствомъ, которое было тамъ сокрыто однимъ изъ предковъ Харикла? Онъ поблагодарилъ женщину и поспѣшилъ пойти познакомиться съ человѣкомъ, который пріобрѣталъ теперь для него еще больше интереса.

Описаніе, сдѣланное женщиною, могло служить примѣромъ того, какъ преувеличиваетъ обыкновенно молва изъ зависти и недоброжелательства недостатки тѣхъ людей, которые находятся въ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ другіе, обстоятельствахъ. А Форіонъ къ тому же подавалъ достаточно поводовъ къ распространенію подобныхъ слуховъ. Онъ былъ дѣйствительно богатъ; жилъ хотя и въ большомъ, но весьма невзрачномъ домѣ; имѣлъ сотни рабовъ, которые всѣ работали для него какъ ремесленники въ рудникахъ, а у себя въ услуженіи держалъ только одного раба. Этотъ-то рабъ, вмѣстѣ съ угрюмымъ привратникомъ и еще одною женщиною, составляли всю его прислугу. Изъ дому онъ выходилъ только по дѣламъ—къ столамъ мѣнялъ, въ товарные склады Пирея или же въ судъ. Его никогда не видали ни въ одномъ изъ обыкновенныхъ мѣстъ общественныхъ сборищъ. Онъ сидѣлъ дома съ запертой дверью, и посѣтителямъ рѣдко удавалось добраться до него [10]). Одинъ пожилой человѣкъ, жив-

[10]) Въ Аѳинахъ мужчина находился бо̀льшую часть дня внѣ дома. Онъ проводилъ почти все время на рынкѣ, въ гимназіи, въ купаль-

шій съ нимъ, былъ его единственнымъ собесѣдникомъ. Обыкновенно онъ долженъ былъ принимать людей, желавшихъ говорить съ Форіономъ, и извиняться передъ ними, говоря, что хозяинъ дома занятъ спѣшными дѣлами. Всѣ полагали, что человѣкъ этотъ служилъ Форіону прорицателемъ во время его частыхъ жертвоприношеній и указывалъ ему на скрытые клады, или же, можетъ быть, доставлялъ ему только свѣдѣнія о самыхъ богатыхъ мѣстахъ въ рудникахъ. Независимо отъ этого, онъ слылъ за человѣка весьма ученаго, на котораго Форіонъ возложилъ попеченіе о своей богатой библіотекѣ и коллекціяхъ различныхъ произведеній искусства и рѣдкостей, къ которымъ имѣлъ особенную страсть. Библіотека его была дѣйствительно довольно значительна для того времени. Въ ней находились не только произведенія знаменитыхъ поэтовъ, начиная съ Гомера, имѣвшагося даже въ нѣсколькихъ экземплярахъ, о древности которыхъ свидѣтельствовалъ цвѣтъ бумаги, да многочисленныя червоточины; нѣтъ, въ ней были и сочиненія философовъ, ораторовъ и историковъ. Артемидоръ, такъ звали этого человѣка, старался покупать только прекрасные и точные списки, а если возможно, то и подлинныя рукописи авторовъ; такъ, напримѣръ, ему удалось достать у одного торговца благовоніями нѣсколько комедій Анаксандрида [11]), который, не получивъ за свои произведенія желаемой цѣны, предна-

нѣ, въ тавернахъ и тому подобныхъ мѣстахъ. Это было до того въ обычаѣ у Грековъ, что людямъ, избѣгавшимъ посѣщать эти общественныя мѣста, ставилось это въ укоръ.

[11]) Анаксандридъ—греческій комикъ, жившій въ IV вѣкѣ до Р. Х.

*

значилъ ихъ на макулатуру. Конечно, при этомъ Форіонъ могъ иногда ошибиться и, принявъ произведеніе переписчика за какой-нибудь знаменитый автографъ, дать за него большую цѣну. Кто могъ сказать навѣрное, что эти трагедіи Софокла [12]), эта исторія Геродота [13]) были писаны рукою самихъ авторовъ, что эти тайно сохраняемые лоскутки были дѣйствительно спасшіеся отъ огня куски осужденной рукописи Протагора [14]), что эти три свертка были оригиналы сочиненій пиѳагорейца Филолая [15]), купленные Платономъ на вѣсъ золота, и которыми онъ пользовался потомъ, работая надъ своимъ Тимеосомъ? Не менѣе цѣнно въ своемъ родѣ было и собраніе различныхъ произведеній искусства и замѣчательныхъ въ историческомъ отношеніи предметовъ. Тамъ были, между прочимъ, дощечки, на которыхъ писалъ Эсхилъ [16]), и которыя были спасены отъ нечестивыхъ рукъ Діонисія; палка, кото-

---

[12]) Софоклъ, одинъ изъ лучшихъ греческихъ трагиковъ, жилъ въ V столѣтіи до Р. Х. Изъ сочиненій его сохранились вполнѣ только семь трагедій.

[13]) Геродотъ, названный отцомъ исторіи, жилъ въ V столѣтіи до Р. Х. и былъ самымъ замѣчательнымъ греческимъ историкомъ. Сочиненіе его принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ памятникамъ древности.

[14]) Протагоръ, философъ-софистъ, жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х. Онъ былъ обвиненъ въ безбожіи и изгнанъ изъ Аттики, а всѣ его сочиненія сожжены аѳинскими властями.

[15]) Филолай, пиѳагорейскій философъ, жилъ въ V вѣкѣ до Р. Х., первый изъ учениковъ Пиѳагора училъ о движеніи земли.

[16]) Эсхилъ, одинъ изъ величайшихъ греческихъ трагиковъ, основатель греческой трагедіи. Жилъ въ концѣ IV и первой половинѣ V столѣтія. Изъ его 70 пьесъ дошло до насъ только 7.

рою будто-бы Антисѳенъ [17]) погрозилъ Діогену, и тому подобныя достопримѣчательности. Рядомъ съ ними находились поразительные образцы искусства и терпѣнія: самыя мелкія издѣлія изъ слоновой кости, особенно замѣчательными между ними были, напримѣръ, экипажъ, запряженный четверкою лошадей, который муха могла прикрыть своими крыльями; муравей въ натуральную величину, а также сезимовое зерно, на которомъ еле замѣтными золотыми буквами были написаны два стиха изъ Гомера. Но особенное пристрастіе владѣлецъ имѣлъ повидимому къ нѣжнымъ работамъ изъ воска. Коллекція его была особенно богата произведеніями этого рода, преимущественно же самыми разнообразными фруктами, которые по цвѣту и формѣ поразительно походили на настоящіе. На подобныя вещи Форіонъ тратилъ значительныя суммы, между тѣмъ какъ жилъ болѣе чѣмъ просто, почему и прослылъ за скупца среди людей, не знавшихъ какъ часто онъ давалъ приданое дочерямъ небогатыхъ гражданъ и не бралъ обратно денегъ, данныхъ въ долгъ нуждающимся.

Хариклъ подошелъ къ двери дома и громко постучалъ въ нее мѣднымъ кольцомъ [18]). Прошло нѣсколько времени, пока пришелъ привратникъ и снялъ засовъ.

Пріотворивъ немного дверь и увидѣвъ юношу въ до-

---

[17]) Антисѳенъ греческій философъ, ученикъ Сократа, основатель школы циниковъ. Родился около 422 г. до Р. Х.

[18]) Хотя днемъ, по большей части, дверь не запиралась, тѣмъ неменѣе постучать въ нее, прежде чѣмъ войти, считалось непремѣннымъ правиломъ приличія.

рожномъ платьѣ, онъ проворчалъ:—Что тебѣ надо? Ему некогда. Съ этими словами онъ снова захлопнулъ дверь.

Хариклъ постучалъ вторично.

Но рабъ уже задвинулъ засовъ и крикнулъ изнутри: развѣ ты не слышишь, что ему некогда.

— Любезный, сказалъ юноша, доложи только своему господину. Скажи ему, что я Хариклъ, сынъ Хариноса, и привезъ ему письмо изъ Сиракузъ.

Рабъ удалился, ворча что-то про себя.

Наконецъ онъ вернулся, отворилъ дверь и сказалъ немного привѣтливѣе: ступай, онъ зоветъ тебя.

Форіонъ и Артемидоръ расположились только-что за свой довольно скромный обѣдъ, поставленный передъ ними на маленькомъ столѣ. Когда Хариклъ вошелъ въ комнату, старикъ не всталъ съ своего мѣста, но подалъ ему руку и ласково привѣтствовалъ его. Юноша передалъ письмо. Осмотрѣвъ тщательно печать, онъ открылъ его.

— Ты не нуждаешься въ этой рекомендаціи, сказалъ онъ, прочитавъ. Правда, что я все еще надѣялся увидѣть здѣсь твоего отца, до той минуты, пока, нѣсколько дней тому назадъ, не получилъ извѣстія о томъ, что прахъ его покоится въ чужой землѣ. Но я не менѣе радушно привѣтствую и его сына. Тебѣ волей неволей придется удовольствоваться помѣщеніемъ въ моемъ домѣ до тѣхъ поръ, пока ты не устроишь вновь домъ твоего отца.

— Домъ моего отца? сказалъ съ удивленіемъ юноша.

— Ты полагаешь, что онъ проданъ, возразилъ Форіонъ. Совершенно вѣрно, и поспѣшность трапецита, которому отецъ твой при своемъ бѣгствѣ въ торопяхъ поручилъ

продажу дома, чуть не лишила меня возможности сохранить тебѣ жилище твоихъ предковъ и святилище боговъ, изображенія которыхъ они тамъ чтили. Къ счастью я узналъ еще во время, что сдѣлано публичное объявленіе о продажѣ этого дома. Я купилъ его; никто не жилъ въ немъ съ тѣхъ поръ, и завтра я возвращу его тебѣ, если только сорокъ минъ, которыя я далъ за него, не покажутся тебѣ цѣною слишкомъ высокою.

Хариклъ былъ полонъ радостнаго изумленія. Развѣ то были слова человѣка, какимъ представили его Ктезифонъ и женщина? Но не купилъ ли онъ дома только ради клада? подумалъ Хариклъ. Впрочемъ, еслибы онъ былъ человѣкомъ нечестнымъ, что могло бы помѣшать ему оставить за собою и домъ, стоившій можетъ быть вдвое? И такъ онъ горячо поблагодарилъ старика и сказалъ, что охотно заплатитъ ему завтра эти сорокъ минъ.

— Теперь, сказалъ Форіонъ, рабъ мой проводитъ тебя въ твое помѣщеніе и въ ванну, а затѣмъ воротись сюда раздѣлить съ нами нашъ скромный обѣдъ.

Помѣщеніе для пріѣзжихъ, въ которомъ поселился Хариклъ, находилось въ маленькомъ домикѣ рядомъ съ главнымъ зданіемъ. Одною изъ сторонъ оно примыкало къ сосѣднему дому и имѣло общую съ нимъ стѣну. Оно представляло такимъ образомъ то удобство, что тутъ можно было жить совершенно спокойно и по своему. Но юноша все-таки не располагалъ оставаться здѣсь долго; ему хотѣлось какъ можно скорѣе привести домъ своего отца въ такое состояніе, чтобы можно было переѣхать въ него.

Рано утромъ вскочилъ онъ съ своего ложа, горя нетерпѣніемъ увидѣть скорѣе дорогое мѣсто, гдѣ провелъ счастливые дни своей юности. Форіонъ хотѣлъ непремѣнно самъ проводить его. Наканунѣ вечеромъ юноша убѣждался все болѣе и болѣе въ томъ, что характеръ его хозяина, хотя можетъ быть и исполненный странностей, вовсе не оправдывалъ распространяемыхъ про него слуховъ. Только подозрѣнія насчетъ клада никакъ не могъ онъ побороть въ себѣ. Онъ не могъ удержаться, и въ разговорѣ о домѣ отца, спросилъ про статую Гермеса. Отвѣчая на вопросъ, Форіонъ былъ очевидно въ смущеніи, а на устахъ серьезнаго Артемидора мелькнула улыбка. Вѣдь можетъ быть и то, что, довольствуясь богатой добычей, Форіонъ хочетъ теперь корчить изъ себя великодушнаго человѣка? Хариклъ былъ погруженъ еще въ эти размышленія, когда вошелъ рабъ, принесшій ему къ завтраку хлѣбъ и вино, и доложилъ, что его господинъ готовъ уже идти. Хариклъ обмакнулъ нѣсколько кусочковъ хлѣба въ вино и, въ сопровожденіи Мана, поспѣшилъ догнать Форіона, который выходилъ изъ дверей дома. За нимъ шелъ рабъ, державшій въ рукахъ запечатанный ящикъ. На старикѣ лежалъ сегодня отпечатокъ какой-то таинственности; онъ былъ молчаливъ и безпрестанно оглядывался на раба, какъ-бы боясь потерять его изъ виду.

Было еще рано, а улицы были уже оживлены и полны народа. Тутъ были люди, спѣшившіе къ своимъ знакомымъ, чтобъ застать ихъ еще дома, прежде нежели они выйдутъ; мальчики, шедшіе въ сопровожденіи своихъ педагоговъ въ школу или въ гимназію; женщины и рабы-

ни, поднявшіяся рано, чтобы принести воды изъ Эннеакруна [19]); поселяне, принесшіе на продажу свои произведенія, всевозможные продавцы, приготовляющіеся къ началу рынка; словомъ живая дѣятельность кипѣла здѣсь уже съ ранняго утра. Форіонъ и его спутникъ, повернули за уголъ улицы Триподовъ и чрезъ нѣсколько мгновеній Хариклъ стоялъ уже передъ знакомымъ ему домомъ, привѣтствуя боговъ-покровителей, охраняющихъ входъ въ него. Еще нетронутымъ стоялъ Агіеюсъ, имѣвшій по обычаю древнихъ, форму кеглей, зеленѣющій лавръ простиралъ надъ нимъ свои могучія вѣтви, и, будто привѣтствуя возвращающагося ласковымъ взоромъ, смотрѣла на него изъ-за забора голова Гермы, украшенная, вѣроятно какимъ-нибудь прохожимъ, вѣнкомъ и лентами. Форіонъ открылъ дверь дома, трезубымъ, лаконическимъ ключомъ. Скрипъ петлей показалъ ясно, что дверь эта давно не отворялась.

Съ грустнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радостнымъ чувствомъ, вошелъ Хариклъ во дворъ покинутаго дома. Каморка привратника была пуста, а цѣпь чуткой собаки лежала заржавленная. Въ колоннадахъ двора и въ открытыхъ мѣстахъ андронитиса, ласточки свили гнѣзда, и трудолюбивые пауки сплели свои сѣти вокругъ капителей колоннъ. Зеленый мохъ сталъ уже покрывать полы ходовъ; площадка поросла высокою травою. Здѣсь

---

[19]) Эннеакрунъ, источникъ въ Аѳинахъ, называвшійся такъ потому, что вытекалъ изъ девяти трубъ. За свою превосходную воду назывался также Каллирое.

стояла статуя божества, хранившая тайныя сокровища дома; юношѣ показалось, что положеніе ея пьедестала измѣнилось. Онъ отлично помнилъ, что пьедесталъ этотъ съ одной стороны вдавался нѣсколько въ землю, теперь же, онъ лежалъ повидимому совершенно правильно. Чтобы убѣдиться, онъ подошелъ ближе; теперь не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія: красныя жилки камня, обращенныя прежде ко входу, находились теперь на противуположной сторонѣ.

Форіонъ замѣтилъ его удивленіе. Онъ, казалось, угадывалъ, какія мысли заставили юношу примолкнуть и задуматься. Ласково подошелъ онъ къ Хариклу и взялъ его за руку.

— Можетъ быть, сказалъ онъ, и до тебя уже дошли слухи о томъ, что божество это хранило подъ своимъ подножіемъ большое богатство.

Хариклъ молчалъ.

— Это правда, продолжалъ Форіонъ; когда я купилъ домъ, въ надеждѣ возвратить его когда-нибудь твоему отцу, то я увидѣлъ, что пьедесталъ, на которомъ стоитъ божество, склонился совсѣмъ на бокъ, и что самой статуѣ грозитъ паденіе. Я велѣлъ снять ее, и нашелъ подъ нимъ кружку, въ которой лежало двѣ тысячи статерновъ чистѣйшаго золота. Вотъ, сказалъ онъ, взявъ у раба тяжелый ящикъ, я передаю тебѣ эти деньги, такъ какъ ты возвратился на родину; конечно предокъ твой предназначалъ ихъ только гражданину этого города, хотя найти это золото суждено было можетъ быть одному изъ отдаленнѣйшихъ его потомковъ.

Хариклъ былъ до того пораженъ и пристыженъ, что не зналъ, что отвѣчать.

— Я знаю, продолжалъ Форіонъ, все, что разсказываютъ про меня, но я былъ далекъ даже отъ мысли коснуться богатства, которое принадлежало не моимъ предкамъ, а было положено здѣсь другимъ для его потомковъ. Я никогда не стану молить боговъ о томъ, чтобы они указывали мнѣ на подобныя сокровища, или имѣть дѣло съ прорицателями, которые стали бы совѣтовать мнѣ извлекать изъ нѣдръ земли, лежащія въ нихъ сокровища. Развѣ богатство можетъ быть для меня пріобрѣтеніемъ столь драгоцѣннымъ, какимъ считаю я сознаніе своей честности и благородство души? Неужели стану я мѣнять лучшее на худшее? Ставить деньги выше спокойствія честной души?

— Чудный человѣкъ! вскричалъ Хариклъ, со слезами на глазахъ, ты представляешься мнѣ, словно божество! Ты возвратилъ меня на родину, ты ввелъ меня въ домъ отца моего, который я считалъ потеряннымъ, и наконецъ, ты же честно передалъ мнѣ богатство, которое хранилось здѣсь невѣдомо, въ нѣдрахъ земли.

— Молю боговъ, чтобы они даровали тебѣ въ этомъ домѣ жизнь болѣе счастливую, чѣмъ жизнь твоего отца, сказалъ старецъ. Осмотрись хорошенько, и сдѣлай необходимыя распоряженія для возобновленія его. Если тебѣ понадобятся мой совѣтъ, или моя помощь, то обратись ко мнѣ; но сохрани въ глубокой тайнѣ все, что произошло сегодня между нами.

Затѣмъ онъ пожалъ юношѣ руку и удалился въ сопровожденіи раба.

Хариклъ стоялъ еще долго, точно во снѣ, передъ изображеніемъ божества, къ ногамъ котораго онъ поставилъ распечатанный ящикъ. Онъ дивился благородству этого человѣка, стыдился за свое недовѣріе къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ радовался, что нетолько обладаетъ отцовскимъ домомъ, но что и состояніе его такъ значительно увеличилось. Наконецъ, очнувшись, онъ пошелъ осмотрѣть остальныя части дома [20]). Чрезъ среднюю

---

[20]) Описаніе и составленіе плана греческаго дома, представляется задачею весьма трудною, въ виду неполноты имѣющихся по этому предмету свѣдѣній, различнаго значенія, даваемаго писателями названіямъ отдѣльныхъ частей, и наконецъ совершеннаго отсутствія остатковъ домовъ того времени. Но, взявъ въ основаніе планъ Витрувія, римскаго архитектора временъ Августа и Тиберія, пополнивъ и измѣнивъ его, согласно указаніямъ, встрѣчающимся у греческихъ писателей, Беккеръ предлагаетъ слѣдующій примѣрный планъ греческаго дома въ эпоху, описываемую имъ въ настоящемъ разсказѣ.

Черезъ входную дверь (αὔλιος θύρα) входили въ тирорейонъ (θυρωρεῖον) или сѣни (а); направо отъ него находились помѣщенія для домашнихъ животныхъ, конюшни и т. п., а налѣво каморка привратника; тирорейонъ велъ въ аулу (αὐλή) или перистиль (А) открытый дворъ, окруженный со всѣхъ четырехъ сторонъ колоннадою (στοαί). Въ эту аулу со всѣхъ сторонъ были выходы изъ расположенныхъ вокругъ нея комнатъ (о). Тутъ были комнаты хозяина дома и прислуживавшихъ ему рабовъ большая столовая (παστάς) и комнаты для симпозіоновъ, можетъ быть также и кладовыя. По срединѣ этой аулы находился алтарь для домашнихъ жертвоприношеній. Эта часть дома называлась андронитисъ (ἀνδρωνῖτις). Изъ андронитиса, этой мужской половины дома, дверь, называемая μέσαυλος (м), вела въ гинэконитисъ (γυναικωνῖτις), женскую половину дома. Гинэконитисъ также имѣлъ свою аулу (Г), но она была окружена колоннадою лишь съ трехъ сторонъ, съ четвертой же стороны на большомъ другъ отъ друга разстояніи находились только два пилястра, между которыми пространство оставалось открытымъ и составляло входъ въ родъ комнаты (προστάς)

дверь, онъ вошелъ въ покои женщинъ. Тутъ была комната его матери, здѣсь зала, гдѣ, при свѣтѣ лампы, въ

(II), имѣвшей только три стѣны. За нею помѣщались комнаты, предназначавшіяся для работъ женщинъ (I). Тутъ же находилась вѣроятно

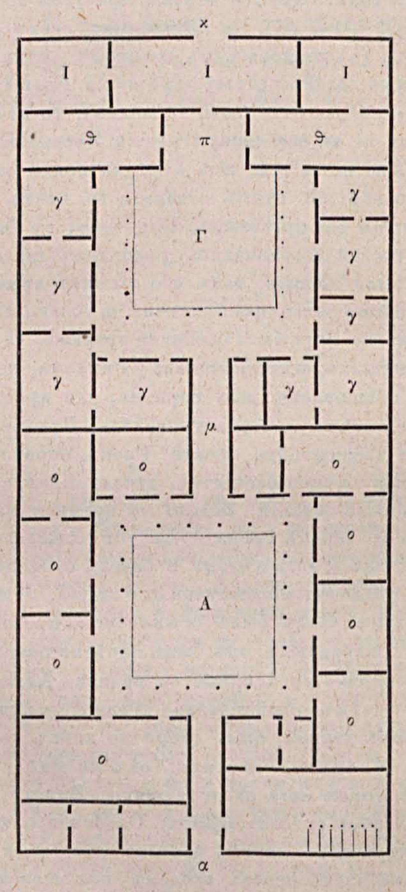


Рис. 4. Планъ греческаго дома.

кругу женщинъ, онъ игралъ у ногъ своей няньки или слушалъ ея разсказы. Глубокая грусть охватила его,

---

дверь κηπαία θύρα, называвшаяся такъ потому, что вела въ большинствѣ случаевъ въ садъ. Слѣва и справа простаса помѣщались спальни, θάλαμος и αμφιθάλαμος (d). По остальнымъ тремъ сторонамъ аулы были расположены (γ) столовыя, въ которыхъ обѣдали ежедневно, и прочія необходимыя хозяйственныя помѣщенія. Если домъ имѣлъ верхній этажъ ὑπερῷον, δίῆρες (что было не всегда), то этажъ этотъ былъ по большей части не во всю длину строенія. Здѣсь помѣщались обыкновенно рабы. Лѣстница туда шла нерѣдко прямо съ улицы. Случалось иногда, что верхній этажъ отдавали въ наемъ или устраивали въ немъ помѣщенія для пріѣзжихъ. Впрочемъ, въ большихъ домахъ помѣщенія для гостей устраивались рядомъ съ главнымъ зданіемъ. Крыши домовъ были плоскія, такъ что по нимъ можно было ходить; крыши съ фронтономъ считались приличными только для храмовъ. Наружный видъ дома не могъ быть особенно красивъ. О мраморѣ и тому подобныхъ украшеніяхъ, встрѣчавшихся у Римлянъ, не было и помину. Дома строились обыкновенно изъ кирпича, или простаго камня, или же изъ дерева и затѣмъ оштукатуривались. Ихъ внутреннее убранство было также чрезвычайно просто. Грекъ, перенося всѣ свои помышленія и заботы на свое отечество, думалъ прежде всего объ украшеніи общественныхъ зданій. Только со временъ македонскаго владычества, когда въ сердцѣ Грека почти уничтожилась любовь къ родинѣ и онъ пересталъ думать о славѣ и блескѣ отчизны, тогда только, одновременно съ упадкомъ общественныхъ зданій, появляется роскошь въ домахъ гражданъ. Полъ былъ обыкновенно простой каменный, но въ домахъ, болѣе нарядныхъ, онъ былъ нерѣдко разноцвѣтный. Стѣнная живопись встрѣчается впервые во времена Алкивіада. Дверей въ домѣ было болѣе, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ дверей, были двери во всѣхъ кладовыхъ, спальняхъ и прочихъ жилыхъ комнатахъ; ихъ не имѣли только залы и помѣщенія, въ которыя могъ входить всякій. Вмѣсто дверей употреблялись часто занавѣсы (παραπετάσματα). Особеннаго vestibulum, т. е. свободнаго пространства передъ входною дверью, какъ у Римлянъ, небыло; но весьма часто передъ входомъ помѣщался алтарь Апполона Агіеюса, который состоялъ изъ простаго остроконечнаго столба,

когда онъ увидѣлъ все въ такомъ запустѣніи, а себя совсѣмъ одинокимъ среди обширныхъ покоевъ. Онъ рѣшилъ купить тотчасъ же нѣсколькихъ рабовъ и необходимую мебель и посуду.

И безъ того уже была пора идти на рынокъ, чтобы встрѣтиться съ Ктезифономъ и отыскать трапецита, котораго ему нужно было видѣть; поэтому, передавъ Ману ящикъ съ золотомъ и велѣвъ ему слѣдовать за собою, онъ вышелъ изъ дому.

долженствовавшаго изображать самаго бога, а возлѣ него нерѣдко росло лавровое дерево. Нѣкоторые дома обносились заборомъ. Мнѣніе, будто дома Грековъ не имѣли оконъ вообще, или покрайней мѣрѣ на улицу, положительно ложно. Конечно, у нихъ не было, какъ у насъ, цѣлаго ряда высокихъ и широкихъ оконъ; комнаты ихъ освѣщались отчасти сверху, отчасти же черезъ выходы въ аулу, но и окна (θυρίδες), даже выходящія на улицу, не были вещью необыкновенною. Отопленіе дома, необходимость въ которомъ чувствовалась конечно гораздо менѣе въ томъ прекрасномъ климатѣ, производилось посредствомъ передвижныхъ очаговъ (ἐσχάρια, ἐσχαρίδες). Очаги эти вѣроятно были нѣчто въ родѣ жаровни (ἀνθράκια) Въ болѣе раннія времена въ домахъ грековъ была всего одна аула, которая помѣщалась въ передней части дома. Здѣсь были покои андронитиса, а за аулой начинался гинэконитисъ. Во времена же Гомера покои женщинъ помѣщались въ верхнемъ этажѣ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Трапециты.

Рынокъ былъ уже полонъ, когда Хариклъ пришелъ туда [1]). Во всѣхъ его отдѣленіяхъ продавцы скрѣпили уже плетенки своихъ лавокъ и выставили товаръ на столахъ и на скамейкахъ. Тутъ булочницы сложили въ высокія кучи свои круглые хлѣбы и пироги и преслѣдовали крикомъ и бранью прохожаго, который, нечаянно опрокидывалъ одну изъ этихъ пирамидъ; рядомъ дымились котлы съ вареным горохомъ и другими овощами. Тамъ, въ горшечномъ рынкѣ, горшечники восхваляли досто-

---

[1]) Когда рѣчь идетъ о рынкѣ какого-нибудь древне-греческаго города, отнюдь не слѣдуетъ представлять себѣ рынокъ этотъ помѣщающимся на какой-нибудь площади. Подъ рынкомъ надо скорѣе разумѣть цѣлый пространный кварталъ, который подраздѣлялся на отдѣльныя меньшія части. Каждая изъ отраслей промышленности имѣла въ немъ свое извѣстное отдѣленіе, которое и называлось по имени товара, въ немъ продававшагося: рыбнымъ, овощеннымъ, горшечнымъ миртовымъ рынкомъ и т. д. Аѳинянинъ дѣлалъ на рынкѣ свои ежедневныя закупки или самъ, или чрезъ раба. Рабъ, на котораго была

инство своей посуды, далѣе, на миртовомъ рынкѣ продавались вѣнки и ленты, и не одна хорошенькая продавщица принимала къ вечеру заказы на вѣнки, а можетъ статься и на что-нибудь иное. Здѣсь можно было найти все необходимое, начиная съ ячменной крупы и до самыхъ лакомыхъ рыбъ, чеснокъ и ѳиміамъ, чистое прозрачное масло и превосходнѣйшія благовонныя мази, свѣжій сыръ и сладкій медъ гиметтійскихъ пчелъ, наконецъ наемныхъ поваровъ и продажныхъ рабовъ и рабынь—все это было здѣсь въ изобиліи, и каждое на своемъ мѣстѣ. Съ громкими криками носили свой товаръ разносчики, а время отъ времени проходилъ по рынку общественный глашатай, воз-

---

возложена эта обязанность, назывался *ἀγοραστής*. Случалось впрочемъ, что закупки производились и рабынями. Свободныя женщины никогда не посѣщали рынка. Показываться на рынкѣ могли лишь гетеры, но отнюдь не почтенныя гражданки. Лавки продавцовъ *σκηνάς* устраивались, какъ кажется, изъ плетенокъ, сдѣланныхъ изъ прутьевъ. Болѣе всего посѣщаемымъ и самымъ важнымъ для гастронома отдѣленіемъ былъ рыбный рынокъ. Продажа рыбы начиналась въ извѣстный часъ. О началѣ ея возвѣщалось звонкомъ, вслѣдъ за которымъ все устремлялось туда. На рынкѣ помѣщались также и столы трапецитовъ *αἱ τράπεζαι*. По всѣмъ вѣроятіямъ отдѣленіе трапецитовъ служило также мѣстомъ, гдѣ сходились люди богатые и знатные. Собирались на рынкѣ поутру, въ началѣ третьяго часа, который соотвѣтствовалъ нашему девятому, а расходились никакъ не позже полудня. Впрочемъ, какъ мѣсто прогулки, рынокъ посѣщался и во всякое другое время дня. Должно однакоже замѣтить, что продажа товаровъ и въ особенности жизненныхъ припасовъ производилась нетолько на рынкѣ, но и въ другихъ частяхъ города, а нѣкоторые изъ предметовъ, какъ напримѣръ соленая рыба, должны были продаваться за городскими воротами. Надзоръ за продажею возлагался на такъ-называемыхъ агорономовъ, которые и составляли рыночную и торговую полицію.

вѣщавшій громкимъ голосомъ продажу дома и вновь прибывшихъ товаровъ, или же объявлявшій о наградѣ назначенной за открытіе какого-либо воровства или за поимку сбѣжавшаго раба.

Рабы и рабыни, а также и люди свободные, выбирая и торгуясь, расхаживали по рядамъ продавцевъ и запасались всѣмъ необходимымъ на день. Иной останавливался долѣе чѣмъ нужно у стола хорошенькой продавщицы, или же, подойдя къ корзинкѣ торговца плодами, ласково заговаривалъ съ нимъ съ цѣлью поѣсть незамѣтно фруктовъ, въ то время, какъ кто-нибудь другой покупалъ или размѣнивалъ драхму. Но вотъ раздался звонокъ на рыбномъ рынкѣ и возвѣстилъ о началѣ торговли. Всѣ устремились туда, чтобы не прозѣвать своей важнѣйшей покупки. Идя къ столамъ мѣнялъ, Хариклъ долженъ былъ пройти по этой части рынка. Было забавно смотрѣть, какъ любители рыбы пускали въ ходъ все свое краснорѣчіе въ надеждѣ побѣдить убійственное хладнокровіе продавцовъ, упорно стоявшихъ на своей цѣнѣ.

— Что будутъ стоить эти щуки, коли я возьму ихъ пару?—спросилъ торговца какой то гастрономъ, стоявшій возлѣ него.

— Десять оболовъ, отвѣчалъ тотъ, почти не глядя на вопрошавшаго.

— Дорого возражалъ этотъ, ты отдашь за восемь.

— Да, одну.

— Другъ, продолжалъ покупатель, подавая ему восемь оболовъ, бери деньги и не шути.

— Я сказалъ ихъ цѣну, не хочешь, такъ проходи мимо.

Подобныхъ сценъ было не мало, и Хариклъ съ удовольствіемъ остался бы здѣсь долѣе, не будь съ нимъ Мана, который несъ драгоцѣнный ящикъ.

Въ отдѣленіи трапецитовъ онъ встрѣтился съ Ктезифономъ, который, въ ожиданіи его, ходилъ взадъ и впередъ. Какъ хотѣлось ему подѣлиться съ нимъ своимъ счастьемъ, но чудный старецъ строго запретилъ ему говорить о случившемся. Впрочемъ то, что онъ вновь купилъ домъ своего отца, не могло оставаться тайною, разсказать же другу, что онъ узналъ Форіона, какъ честнѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, считалъ онъ своею обязанностью, такъ какъ и Ктезифонъ слышалъ про него дурное.

— Непостижимо только то, сказалъ онъ въ заключеніе, какъ могъ этотъ человѣкъ, олицетвореніе честности и великодушія, прослыть за скупца и ростовщика.

— Это меня нисколько не удивляетъ, сказалъ Ктезифонъ. Толпа судитъ обыкновенно по внѣшности. Часто самый отъявленный негодяй слыветъ за образецъ добродѣтели, между тѣмъ какъ порядочнаго человѣка не умѣютъ цѣнить по заслугамъ. Я думалъ именно объ этомъ въ ту минуту, какъ ты пришелъ. Посмотри-ка, вонъ тамъ пробирается вдоль стѣнки человѣкъ, съ кислой физіономіей и длинной бородою; онъ подражаетъ спартанцамъ, а потому ходитъ постоянно босикомъ, въ плохенькой одеждѣ и не обращаетъ повидимому никакого вниманія на то, что происходитъ вокругъ него. Не слѣдуетъ ли счесть его за человѣка въ высшей степени серьезнаго, скромнаго и самыхъ строгихъ правилъ. Но, могу тебя увѣрить, нѣтъ той гадости, которой бы онъ не творилъ ночью, когда

сходится съ товарищами въ своемъ притонѣ. Да—продолжалъ онъ—человѣку, желающему изучать людей, весьма полезно ходить сюда почаще и наблюдать. Взгляни еще вотъ на этого человѣка, который идетъ намъ навстрѣчу въ сопровожденіи трехъ рабовъ. Какъ онъ гордо смотритъ передъ собою, даже не поворачиваетъ головы, чтобъ не имѣть необходимости поклониться кому-нибудь. Его одежда спускается до самыхъ пятъ, а руки разукрашены множествомъ колецъ [2]); онъ громко говоритъ съ своими рабами о серебряныхъ кубкахъ, рогахъ и чашахъ для того, чтобы всѣ проходящіе слышали его, и чванится, какъ будто нѣтъ ему равнаго на свѣтѣ. Ну, а какъ ты думаешь, кто онъ такой? Человѣкъ самаго низкаго происхожденія, который еще недавно былъ въ нищетѣ, а теперь разбогатѣлъ. Теперь онъ показывается только въ отдѣленіи трапецитовъ и недовольный своимъ именемъ, удлиннилъ его на два слога, сталъ называть себя вмѣсто Симона—Симонидомъ. Онъ полагаетъ вѣроятно, что имя измѣняетъ человѣка. Я часто видывалъ его прежде, какъ онъ въ грязномъ платьѣ носилъ покупки за ничтожную плату, а теперь онъ обидѣлся бы ужасно, еслибъ дурно одѣтый человѣкъ вздумалъ заговорить съ нимъ. Посмотри также и сюда направо: видишь этого сухощаваго человѣка, съ черными взъерошенными волосами, который расхаживаетъ по рыбному рынку, ничего не покупая, и только за всѣмъ наблюдаетъ; это одинъ изъ опаснѣйшихъ сико-

---

[2]) У грековъ было давно въ обыкновеніи носить кольца. Они служили имъ отчасти какъ печать, отчасти какъ украшеніе. Ношеніе колецъ считалось также признакомъ свободнаго человѣка.

фантовъ. Подобно змѣѣ или скорпіону, ползаетъ онъ по всему рынку и, держа всегда на-готовѣ свое ядовитое жало, зорко высматриваетъ, нѣтъ ли гдѣ человѣка, котораго бы можно было погубить, сдѣлать несчастнымъ, или по крайней мѣрѣ хорошенько обобрать, пригрозивъ подачею опаснаго доноса. Ты никогда не увидишь, чтобы кто-нибудь съ нимъ разговаривалъ или былъ въ его обществѣ; но, какъ тѣнь безбожника въ царствѣ Гадеса [3]), по изображенію живописца, человѣка этого постоянно окружаютъ проклятія, клевета, зависть, раздоръ и вражда. Да, въ этомъ заключается несчастіе нашего города, что онъ питаетъ и поддерживаетъ ядовитое отродье сикофантовъ, и пользуется ими, какъ обвинителями, такъ что самый честный человѣкъ вынужденъ льстить имъ и стараться привлечь ихъ на свою сторону, чтобы оградить себя отъ опасности [4]).

— Да, конечно, это можно поставить въ укоръ Аѳинамъ, сказалъ Хариклъ; но знаешь ли, кто обращаетъ на себя мое вниманіе гораздо болѣе, чѣмъ всѣ тѣ, на которыхъ ты мнѣ указывалъ? Вонъ тѣ молодые люди, которые шля-

---

[3]) Гадесъ, Аидесъ, Аидоней, позже Плутонъ былъ богъ внутренности земли, подземнаго невѣдомаго міра, аида или ада.

[4]) Аѳиняне держались того же мнѣнія, какъ и Цицеронъ, что: accusatores multos esse in civitate utilo est, ut metu contineatur audacia; государство нуждалось въ обвинителяхъ, а потому и вознаграждало ихъ, хотя и не непосредственно. Вслѣдствіе этого были люди, которыя положительно существовали тѣмъ, что за деньги выступали обвинителями, въ большинствѣ же случаевъ вымогали ихъ страхомъ доноса. Хотя за неправильную жалобу и наказывали, но самое ремесло, это συκοφαντεῖν μισθοῦ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, было врядъ ли запрещено закономъ.

ются около продавщицъ благовонныхъ мазей. Посмотри какими франтами они расхаживаютъ, какъ растопыриваютъ руку, чтобы самымъ кончикомъ пальца почесать голову или тщательно поправить волосы, черный цвѣтъ которыхъ, можетъ быть, купленъ ими здѣсь же. Для меня нѣтъ ничего противнѣе молодаго человѣка, съ такимъ женственнымъ лицомъ и сладкимъ голосомъ, отъ котораго разитъ благовонными мазями, и который, чего добраго, держитъ въ рукахъ букетъ цвѣтовъ, или душистый плодъ. Вообще, какъ отличается нынѣшняя жизнь на рынкѣ отъ той, которую рисовалъ мнѣ отецъ по воспоминаніямъ изъ своей юности, когда молодые люди совсѣмъ не посѣщали рынка, или, краснѣя и со стыдомъ торопились пройти черезъ него, если необходимость заставляла ихъ сдѣлать это.

— О, эти времена давно уже прошли, сказалъ Ктезифонъ, мы сами развѣ не молодые люди, однакожъ мы на рынкѣ.

— Да, но по необходимости, возразилъ Хариклъ, и ты мнѣ во время напоминаешь, что нужно идти разыскать трапецитовъ Діотима и Ликона. Мнѣ бы хотѣлось, чтобы ты пошелъ со мною. Я знаю, что дѣла съ мѣнялами производятся обыкновенно безъ свидѣтелей, но въ данномъ случаѣ ты можешь мнѣ понадобиться. Эти мѣнялы не всегда бываютъ людьми честными и часто водятъ за носъ человѣка неопытнаго, посредствомъ всевозможныхъ обѣщаній и увертокъ. Ктезифонъ охотно согласился.

Трапециты, изъ рукъ которыхъ Хариклъ долженъ былъ получить большую часть своего состоянія, были двѣ со-

вершенно различныя личности. Діотимъ, человѣкъ уже пожилой, пользовался репутаціею чрезвычайно честнаго человѣка. Онъ былъ нетолько мѣнялою, но другомъ и довѣреннымъ лицомъ Хариноса. Когда послѣдній, боясь обвиненія, рѣшился оставить Аѳины, то онъ возложилъ на этого, уже испытаннаго трапецита, продажу своего дома, рабовъ и прочаго имущества. Ему же поручилъ онъ также собрать большую часть розданныхъ въ займы денегъ. У Діотима должна была храниться еще довольно значительная сумма, которую Хариклъ и намѣренъ былъ потребовать теперь обратно.

Въ ту минуту, какъ онъ подошелъ къ нему, Діотимъ выплачивалъ деньги какому-то человѣку, повидимому иностранцу. На столѣ, съ котораго тотъ бралъ пересчитанныя деньги, лежалъ листъ бумаги, заключавшій въ себѣ долговое обязательство получателя.

— Ты получилъ отъ меня всю сумму сполна и чистыми деньгами, сказалъ трапецитъ; а взамѣнъ нея, оставляешь мнѣ клочекъ бумаги, купленный тобою вѣроятно за два халкуса [5]). Но помни, что существуютъ законы, которые защитятъ мои права.

Человѣкъ обѣщалъ исполнить всѣ условія договора и удалился. Діотимъ досталъ свою торговую книгу, вписалъ въ нее нѣсколько словъ, спряталъ бумагу въ ящикъ, въ которомъ лежало много такихъ же документовъ, и обратился затѣмъ къ слѣдующему, дожидав-

---

[5]) Халкусъ, самая мелкая монета, $^1/_8$ часть обола, слѣдовательно $^1/_2$ копѣйки.

шемуся вмѣстѣ съ другимъ, повидимому неважнаго происхожденія, человѣкомъ.

— Я купилъ у него раба за двѣ мины, сказалъ первый. Заплати ихъ ему. Изъ моей расчетной книги видно, что у тебя есть еще моихъ семьсотъ драхмъ.

Трапецитъ взялъ снова свою книгу.

— Расчетъ твой вѣренъ, сказалъ онъ. Ты забылъ только, лажъ на триста пятьдесятъ эгинетійскихъ драхмъ, которыя я заплатилъ Пазеасу [6]) за купленную тобою слоновую кость.

Купившій раба не могъ не несогласиться съ этимъ; двѣ мины были уплачены, и оба удалились. Теперь только Діотимъ обратилъ вниманіе на молодыхъ людей, стоявшихъ нѣсколько въ отдаленіи.

— Кто ты? спросилъ онъ подошедшаго Харикла, и что тебѣ нужно?

— Я Хариклъ, сынъ Хариноса, возвратившійся изъ Сиракузъ, сказалъ онъ. Вотъ тебѣ кольцо съ печатью отца въ удостовѣреніе моей личности; кольцо это, конечно, хорошо знакомо тебѣ. Какъ наслѣдникъ отца, я пришелъ получить хранящіяся у тебя его деньги.

— Значитъ Хариносъ умеръ? воскликнулъ трапецитъ.

— Да, мы предали прахъ его землѣ въ Сициліи, сказалъ молодой человѣкъ, и онъ покоится пока тамъ. Вѣрный слуга привезетъ его въ Аѳины, и тогда я поставлю его въ гробницу нашихъ предковъ.

---

[6]) Эгинетійская драхма была тяжелѣе, а слѣдовательно и цѣннѣе аттической.

— Старикъ опустилъ голову и заплакалъ.

— По словамъ завѣщанія моего отца, сказалъ Хариклъ, немного погодя, когда Діотимъ успокоился, у тебя должны храниться одинъ талантъ и четыре тысячи драхмъ; можетъ быть мнѣ скоро понадобятся эти деньги.

— Не совсѣмъ такъ, сказалъ Діотимъ, но твой отецъ не могъ знать этого. Я недавно еще получилъ за него долгъ въ три тысячи драхмъ, сверхъ того капиталъ значительно увеличился наросшими на него процентами: тебѣ придется получить съ меня болѣе двухъ съ половиною талантовъ.

Онъ разсказалъ юношѣ, какъ мало по малу, нерѣдко съ большимъ трудомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, собиралъ деньги, которыя иностранные купцы были должны его отцу.

— Только съ одного купца изъ Андроса не могъ я ничего получить, такъ какъ онъ уже давно не былъ въ Аѳинахъ, самъ же я ужъ слишкомъ старъ, чтобы предпринять путешествіе моремъ. Ты лучше всего сдѣлаешь, если съѣздишь къ нему самъ, если только не хочешь потерять двѣ тысячи драхмъ. Затѣмъ —прибавилъ онъ—отецъ твой, еще до несчастія, его постигшаго, заказалъ нѣсколько статуй, намѣреваясь поставить ихъ въ городѣ. Статуи эти стоятъ до сихъ поръ у художника, въ улицѣ скульпторовъ. Конечно, исполняя волю твоего отца, ты не захочешь отнять у боговъ тѣ почести, которыя онъ намѣревался имъ воздать.

Хариклъ поблагодарилъ честнаго человѣка за труды и заботы объ отцовскомъ состояніи. Незадумываясь,

онъ оставилъ у него и двѣ тысячи дарейковъ [7]), находившихся въ ящикѣ, и затѣмъ отправился съ Ктезифономъ къ другому трапециту. Человѣкъ этотъ былъ ему совершенно чуждъ, и онъ шелъ къ нему по дѣлу, совсѣмъ особаго рода. Когда Хариклъ уѣзжалъ изъ Сиракузъ, то тотъ самый другъ, который далъ ему рекомендательное письмо къ Форіону, предложилъ ему оставить въ его рукахъ большую часть состоянія, а взамѣнъ оставленнаго, получить такую же сумму въ Аѳинахъ.

— Зачѣмъ, говорилъ, онъ ему, будешь ты рисковать всѣмъ своимъ состояніемъ, беря его съ собою въ далекое морское путешествіе, гдѣ ему грозитъ опасность отъ бурь, морскихъ разбойниковъ и даже отъ самихъ кораблехозяевъ? У трапецита Ликона, въ Аѳинахъ, лежатъ мои три таланта; оставь мнѣ здѣсь эту сумму, а онъ выплатитъ ихъ тебѣ.

Хариклъ согласился съ удовольствіемъ. Сиракузецъ далъ ему письмо, въ которомъ заключался приказъ уплатить три таланта, а также симболонъ, (условный знакъ), который, по обоюдному съ трапецитомъ соглашенію, долженъ былъ служить удостовѣреніемъ личности того, кому будетъ поручено получить деньги. Для большей вѣрности, было указано еще на Форіона, какъ на человѣка, который поручится за тождество лица, въ случаѣ если того потребуетъ Ликонъ.

Подойдя къ столу трапецита, Хариклъ увидѣлъ угрюмаго человѣка, съ желтымъ изсохшимъ лицомъ. Около

---

[7]) Дарейкъ золотая монета, равнявшаяся по вѣсу двумъ аттическимъ драхмамъ, а по цѣнности отъ 20—28 драхмамъ.

него лежали вѣсы, на которыхъ онъ только-что взвѣшивалъ полученныя имъ серебряныя монеты. На другой сторонѣ стола онъ придерживалъ рукою различныя, пожелтѣвшія, повидимому отъ времени, бумаги, а передъ нимъ лежала счетная доска, на которой онъ расчитывалъ, вѣроятно, проценты, накопившіеся по какому нибудь долговому обязательству. Хариклъ съ непріятнымъ чувствомъ подошелъ къ столу этого человѣка, и въ короткихъ словахъ объяснилъ причину своего прихода. При имени сиракузца, трапецитъ еще болѣе нахмурился.

— Я не зналъ, сказалъ онъ, что Состенъ имѣетъ право получить съ меня такъ много. Развѣ онъ забылъ, что я долженъ былъ уплатить восемь тысячъ драхмъ Гераклеоту. Вотъ, посмотри въ моей книгѣ. Что значится здѣсь: «Состенъ, сынъ Форміона изъ Сиракузъ, внесъ два таланта. Изъ нихъ уплатить восемь тысячъ драхмъ Гераклеоту Фриніону, представителемъ котораго будетъ Пиреецъ Эпикратъ». Ты видишь, что у него осталось всего четыре тысячи драхмъ.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Хариклъ, такъ говорилъ мнѣ и Состенъ; но, возвратясь изъ Понта, въ мѣсяцѣ элафеболіонѣ, онъ внесъ тебѣ еще два таланта и двѣ тысячи драхмъ. Такимъ образомъ, ты видишь, онъ имѣетъ полное право требовать съ тебя три таланта.

Трапецитъ былъ видимо смущенъ; но онъ старался скрыть свое смущеніе, придавая запальчивый тонъ своимъ словамъ.

— Какое мнѣ дѣло до тебя, продолжалъ онъ, горячась.

Почемъ я знаю, кто ты? Любой сикофантъ можетъ явиться ко мнѣ и отъ имени другаго требовать денегъ.

— Ты до сихъ поръ не далъ мнѣ возможности передать тебѣ удостовѣреніе. Вотъ письмо Состена. Знакома ли тебѣ его печать?

— Да, кажется, это его печать, сказалъ мѣняла недовольнымъ тономъ.

— Въ письмѣ лежитъ и симболонъ, который долженъ быть тебѣ хорошо извѣстенъ.

— Можетъ быть фальшивый, проворчалъ онъ съ неудовольствіемъ, распечатывая письмо и читая его въ полголоса. Дойдя до того мѣста, гдѣ говорилось о Форіонѣ, онъ замолчалъ и мрачно глядѣлъ передъ собою, какъ бы пріискивая способъ отвертѣться.

— Ликонъ, вмѣшался тутъ Ктезифонъ, не задумывай новыхъ козней. Еще свѣжа въ памяти у всѣхъ та штука, которую ты сыгралъ недавно съ византійскимъ купцомъ, когда онъ потребовалъ обратно деньги, положенныя имъ у тебя. Весь городъ знаетъ, какъ ты отдѣлался отъ единственнаго, знавшаго про то раба, и сталъ затѣмъ нетолько отвергать самое требованіе византійца, но пытался даже, посредствомъ подкупленныхъ свидѣтелей, доказать, что твой кредиторъ самъ занялъ у тебя шесть талантовъ. Человѣку этому удалось тогда доказать свое право лишь съ помощію Форіона; пусть же имя его, упоминаемое здѣсь въ письмѣ, послужитъ тебѣ предостереженіемъ.

Трапецитъ уже собирался рѣзко отвѣтить, но вдругъ взоръ его остановился на какомъ-то предметѣ вдали.

Онъ замѣтилъ Форіона, направлявшагося къ столамъ мѣнялъ.

. — Кто же станетъ отрекаться, сказалъ онъ, смутясь, У меня нѣтъ теперь денегъ на готовѣ, и если я обойду всѣ столы, то все таки не найду никого, кто бы могъ одолжить мнѣ три таланта. Приходи завтра, я приготовлю тебѣ деньги.

— Такъ я приведу съ собою Форіона, чтобъ ты не имѣлъ никакого сомнѣнія относительно моей личности.

— Нѣтъ, не надо, отвѣчалъ поспѣшно мѣняла. Симболонъ есть, и ты получишь деньги сполна.

Между тѣмъ былъ уже почти полдень, и суета на рынкѣ стала мало по малу утихать.

— Пора закусить, сказалъ Ктезифонъ, уходя. Зайдемъ въ одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ собираются обыкновенно въ это время молодые люди. Ты встрѣтишь тамъ навѣрно кого-нибудь изъ товарищей своего дѣтства.

---

*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Забавы юношества.

Ближайшій домъ, въ который Ктезифонъ повелъ своего друга, принадлежалъ отпущеннику Диску, извлекавшему довольно значительные доходы изъ постоянныхъ сборищъ молодыхъ людей. Ежедневно ихъ собиралось у него немало. Кто приходилъ сюда, чтобъ попытать счастье въ кости или въ астрагалы [1]), кто для того, чтобы устроить бой пѣтуховъ и перепе-

---

[1]) Одною изъ любимыхъ игръ Грековъ была игра въ кости (κύβοι, κυβεία, κυβευτήρια, tesseræ). Для игры употреблялось первоначально три, впослѣдствіи двѣ кости. На параллельно лежащихъ сторонахъ кости были означены цифры: 1 и 6, 2 и 5, 3 и 4; во избѣжаніе обмана, кости эти клались въ коническій кубокъ, внутри котораго были сдѣланы уступы въ видѣ ступеней (πύργος, turricula), и изъ него бросали ихъ. Для другаго рода игры въ кости употреблялись астрагалы (ἀστράγαλοι, tali), продолговатыя кости, двѣ поверхности которыхъ были плоски, третья выпукла, а четвертая нѣсколько вдавлена. На этой послѣдней стояло: 1, на противоположной ей стояло 6 а на первыхъ двухъ 3 и 4. Чиселъ 2 и 5 не было вовсе. При игрѣ употреблялось постоянно четыре астрагала. Самымъ счастливымъ паденіемъ считалось то, когда всѣ кости показывали 6. Оно называлось паденіемъ Афродиты и рѣшало обыкновенно выборъ Симпозіарха (см. гл. VI.)

ловъ [2]), которыхъ держалъ для этой цѣли Дискъ, кто же просто поболтать о новостяхъ дня, о купленныхъ собакахъ и лошадяхъ, о похищенныхъ киѳаристкахъ или о вновь появившихся гетерахъ и хорошенькихъ мальчикахъ. Часто нѣсколько молодыхъ людей устраивали въ складчину симпозіонъ, и никто не могъ угодить молодымъ людямъ такъ, какъ Дискъ, умѣвшій всегда выбрать и самыя лакомыя блюда, и лучшее вино, и самыхъ хорошенькихъ флейтщицъ. Правда, не всегда обходилось здѣсь безъ шуму и насилія: не болѣе какъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, поссорившись изъ-за любимца мальчика, ревниво охраняемаго Дискомъ, нѣсколько пьяныхъ ворвались ночью въ домъ, перебили посуду, разбросали по улицѣ астрагалы и кости, убили всѣхъ пѣтуховъ и перепеловъ, а самого хозяина привязали къ колоннѣ и колотили такъ сильно, что на крикъ его сбѣжались проснувшіеся сосѣди. Но Дискъ умѣлъ вознаграждать себя за подобные убытки, умно эксплоатируя моло-

Каждое паденіе имѣло свое особенное названіе, которыхъ насчитываютъ до 64.

[2]) Аѳиняне имѣли большое пристрастіе къ пѣтушьимъ и перепелинымъ боямъ. Говорятъ даже, что послѣ войны съ персами, въ память побѣды надъ ними, Ѳемистоклъ учредилъ празднество, которое должно было повторяться ежегодно и во время котораго происходили пѣтушьи бои. Самыя большія и сильныя птицы привозились изъ Танагры, Родоса, Халкиды и Мидіи. Чтобъ возбудить въ птицѣ ярость, ее кормили передъ боемъ чеснокомъ; на ноги ей надѣвались острыя металлическія шпоры, и затѣмъ ее ставили на круглый столъ, края котораго подымались въ видѣ высокаго ободка. Въ предѣлахъ этого-то круга и долженъ былъ происходить бой. Зрители и владѣльцы сражавшихся бились при-этомъ объ закладъ, и предлагаемыя пари достигали иногда громадныхъ размѣровъ.

дыхъ людей, а также, какъ говорили, пуская иногда въ ходъ фальшивыя кости.

И сегодня тамъ не было недостатка въ посѣтителяхъ въ то время, какъ вошли Хариклъ и Ктезифонъ. Въ одной изъ комнатъ сидѣло и стояло нѣсколько игроковъ въ кости, горячо споря между собой о томъ, слѣдуетъ ли считать дѣйствительнымъ паденіе только-что кинутыхъ кѣмъ-то костей. Въ сосѣдней комнатѣ другіе, послѣ сытнаго завтрака, вопреки обычаю, принялись уже за раннюю выпивку, и для препровожденія времени играли, конечно болѣе для забавы, чѣмъ ради выигрыша, въ четъ и нечетъ, или же занимались верченіемъ поставленной ребромъ монеты, стараясь, въ то время какъ она вертѣлась, остановить ее легкимъ прикосновеніемъ къ ней сверху пальца. На дворѣ шелъ оживленный разговоръ о достоинствахъ двухъ лошадей. Вопросъ заключался въ томъ, кому отдать предпочтеніе: коппскому ли жеребцу, купленному недавно однимъ изъ спорящихъ за двадцать минъ, или самфорасу другаго [3]. Оба владѣльца отстаивали съ такимъ жаромъ честь своихъ коней, что можно было опасаться серьезной ссоры. Но въ это самое время всеобщее вниманіе на дворѣ было привлечено другимъ споромъ объ закладъ. Дискъ уже успѣлъ замѣнить своихъ убитыхъ пѣтуховъ и перепеловъ новыми, и въ числѣ ихъ былъ одинъ перепелъ, который до сихъ поръ оставался постоянно побѣдителемъ въ бояхъ. Не одну мину выигрывалъ черезъ него его

---

[3]) Изъ знаменитыхъ породъ лошадей болѣе другихъ извѣстны двѣ породы, имѣвшія клейма: Коппа и Санъ, откуда названія *κοππατίας* и *σαμφόρας*.

счастливый обладатель, и тѣмъ, конечно, еще сильнѣе возбуждалъ честолюбіе побѣжденныхъ. Въ эту минуту было предложено новое пари, и рабъ принесъ уже подставку съ кругомъ, въ предѣлахъ котораго долженъ былъ происходить бой. Молодой человѣкъ, побившійся объ закладъ, въ надеждѣ на храбрость своей птицы, взялъ осторожно перепела, котораго держалъ бережно подъ мышкою лѣвой руки, и посадилъ въ кругъ.

— Кто хочетъ биться объ закладъ, что птица эта не вылетитъ изъ круга, какъ-бы ее ни дразнили?

Нашлось сейчасъ же нѣсколько охотниковъ. Но какъ только кто-нибудь дотрогивался до нея пальцемъ, или дергалъ ее за перья головы, птица быстро поворачивалась къ дразнившему и приготовлялась къ оборонѣ. Но вотъ и Дискъ принесъ своего перепела.

— Что ставишь, перепела или деньги? спросилъ молодой человѣкъ.

— Я разумѣется не проиграю своей птицы, возразилъ Дискъ, но тѣмъ не менѣе я никогда не ставлю ее въ закладъ.

— Въ такомъ случаѣ, вскричалъ первый, пари на пятьдесятъ драхмъ.

Маленькихъ бойцевъ поставили въ кругъ, и лишь только они увидѣли другъ друга, какъ перья ихъ взъерошились, и, растопыривъ крылья, они съ яростью бросились одинъ на другаго. Не одинъ изъ нихъ не уступалъ; сколько разъ бой ни возобновлялся, каждый оставался на своемъ мѣстѣ, или же занималъ мѣсто противника; въ

теченіе нѣкотораго времени трудно было рѣшить, за кѣмъ останется побѣда.

— Ставлю еще пятьдесятъ драхмъ противъ тебя, Дискъ! вскричалъ одинъ изъ стоявшихъ тутъ и съ страстнымъ увлеченіемъ слѣдившихъ за ходомъ боя.

Но едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ птица Диска, словно возмущенная тѣмъ, что усомнились въ ея храбрости, бросилась съ удвоенною силою на своего противника, такъ что тотъ, ошеломленный внезапнымъ ударомъ, послѣ недолгаго сопротивленія, бѣжалъ съ мѣста сраженія.

— Побѣждена! побѣждена! закричало множество голосовъ.

Владѣтель побѣжденной, схвативъ поспѣшно свою птицу, сталъ громко говорить ей на ухо, стараясь, такимъ образомъ, изгладить по возможности всякое воспоминаніе о крикѣ побѣдителя, между тѣмъ какъ сей послѣдній, осыпаемый всевозможными похвалами, былъ съ тріумфомъ унесенъ Дискомъ.

Хариклъ и Ктезифонъ, позавтракавъ, также присоединились къ числу зрителей. Не тронулись только одни игроки въ кости; шумъ въ ихъ комнатѣ становился все сильнѣе и сильнѣе; отъ словъ дошло до дѣла. Всѣ напали на одного пожилаго человѣка, повидимому, простаго происхожденія. Благодаря ли своему счастію, или же какимъ-нибудь непозволительнымъ продѣлкамъ, онъ выигралъ всѣ деньги, поставленныя игравшими, а теперь находился въ опасности лишиться всего выиграннаго. Безропотно, какъ спартанецъ у алтаря Ортіи [1]), выно-

[1]) Ортія или Ортозія одно изъ именъ Артемиды. Въ Спартѣ, во

силъ онъ сыпавшіеся на него со всѣхъ сторонъ удары. Готовый лучше пожертвовать жизнью, чѣмъ разстаться съ выигрышемъ, онъ заботился только о томъ, какъ-бы спасти свои деньги, часть которыхъ онъ спряталъ въ полѣ своего хитона, а другую держалъ въ судорожно-сжатыхъ рукахъ. Но сопротивленіе его было тщетно. Въ то время, какъ одни силою разжимали ему руки, другіе рвали его одежду и обирали его, пока, весь избитый, съ синякомъ подъ глазомъ и въ изодранной одеждѣ, онъ не бѣжалъ наконецъ изъ дому, провожаемый при громкомъ хохотѣ, толчками и пинками.

— По дѣломъ ему, замѣтили нѣкоторые изъ стоявшихъ на дворѣ; зачѣмъ суется въ подобное общество.

— Развѣ онъ не будетъ жаловаться, спросилъ Хариклъ.

— Жаловаться на побои, нанесенные во время игры? сказалъ одинъ; онъ и не подумаетъ объ этомъ. А слышали ли вы, продолжалъ онъ, что вчера осудили Ктезипа?

— Да, вмѣшался другой, его или, вѣрнѣе говоря, его отца, присудили къ уплатѣ двухъ тысячъ драхмъ за сущій вздоръ.

— Какой это Ктезипъ? спросилъ Хариклъ, и многіе, незнавшіе еще этой новости, подошли поближе къ говорившимъ.

— Сынъ Ктезія, отвѣчалъ первый. Вы конечно слыхали про то веселое общество, которое извѣстно всѣмъ своими безпрестанными ссорами и драками, за что и по-

времена законодательства Ликурга, существовалъ обычай приносить юношей въ жертву Ортіи.

лучило названіе трибалловъ? [5]) Ктезипъ принадлежитъ къ нему.

— Такъ за что же его осудили? продолжалъ спрашивать Хариклъ.

— За вздоръ, увѣрялъ снова второй, за простую шутку, весьма простительную молодымъ людямъ, находящимся подъ вліяніемъ вина.

— Нѣтъ, сказалъ третій, шуткою назвать это никакъ нельзя. Я отлично знаю, какъ все происходило, и былъ самъ свидѣтелемъ возмутительнаго поведенія этихъ молодыхъ людей у діэтета [6]). Хороша была бы у насъ общественная безопасность, еслибъ подобныя вещи оставались безнаказанными.

— Разскажи же намъ, пожалуйста, сказалъ Ктезифонъ, кто жаловался, и вообще въ чемъ состояло дѣло.

— Зовутъ его Аристофономъ, отвѣтилъ тотъ, никто про него не скажетъ дурнаго слова. Еще раньше, будучи въ походѣ, онъ пожаловался однажды стратегу [7]) на грубое и непристойное поведеніе Ктезипа, чѣмъ и навлекъ на него наказаніе. Съ тѣхъ поръ отецъ и сынъ преслѣдуютъ его своею ненавистью. Недавно, въ сумеркахъ, Аристофонъ съ своимъ другомъ отправился прогуляться по рынку. Здѣсь повстрѣчался съ ними совершенно пьяный Ктезипъ, который, завидя своего врага, сталъ вор-

---

[5]) Трибаллы—древній народъ въ верхней Мизіи, въ западной части ея по берегу Дуная.

[6]) Діэтетъ—посредникъ или третейскій судья. Всѣхъ діэтетовъ въ Аттикѣ было до 1200, позднѣе число ихъ было уменьшено до 300.

[7]) Стратегъ или командующій войсками. Всѣхъ стратеговъ въ Аттикѣ было 10 и они избирались народомъ.

чать себѣ подъ носъ какія-то непонятныя слова. Онъ шелъ въ Мелиту, гдѣ, какъ оказалось впослѣдствіи, собралось на попойку нѣсколько человѣкъ изъ его общества, въ томъ числѣ и его отецъ. Ктезипъ объяснилъ имъ, что представляется удобный случай наказать Аристофона, и, всѣ вмѣстѣ, они отправляются на рынокъ. Между тѣмъ Аристофонъ уже возвращался съ прогулки, и они встрѣчаются съ нимъ почти на томъ же самомъ мѣстѣ. Тогда двое изъ нихъ хватаютъ его спутника и держатъ, а Ктезипъ, его отецъ и еще третій бросаются на несчастнаго Аристофона, срываютъ съ него одежду, валятъ въ грязь, бьютъ и топчутъ его ногами, произнося при-этомъ самыя площадныя ругательства, и вотъ, въ то время, какъ онъ лежитъ такимъ образомъ, въ совершенно безпомощномъ состояніи, Ктезій становится передъ нимъ, крича, какъ пѣтухъ послѣ побѣды, и вмѣсто крыльевъ махая руками. Затѣмъ всѣ удаляются, унося съ собой и его одежду. Прохожіе подняли несчастнаго въ такомъ жалкомъ положеніи, что нужно было обратиться къ помощи врача.

— Да, воскликнулъ Хариклъ, если это называть шуткой, то насилія не существуетъ.

— Ну вотъ, возразилъ молодой человѣкъ, который прежде игралъ роль защитника, надо принять въ соображеніе, что онъ былъ пьянъ; и мы живемъ вѣдь не въ Митиленѣ [8]), гдѣ Питтакъ [9]) причислилъ опьяненіе къ

[8]) Митилена—городъ на островѣ Лесбосѣ.

[9]) Питтакъ, одинъ изъ семи мудрецовъ Греціи, родился въ Митиленѣ въ 649 г. до Р. Х., былъ правителемъ въ этомъ городѣ, умеръ въ 579 г. Ему приписываютъ много элегій, рѣчей, и правилъ для жизни.

увеличивающимъ вину обстоятельствамъ. Я знаю много молодыхъ людей изъ весьма уважаемыхъ семействъ, которые часто имѣли драки изъ-за гетеръ и хорошенькихъ мальчиковъ, что же касается до брани, то много ли найдется такихъ, которые бы не называли другъ друга шутя автолекитами [10]);

— Да, но развѣ это заслуживаетъ похвалы, продолжалъ разсказчикъ; впрочемъ, еслибы хмѣль и могъ служить имъ извиненіемъ, то поступокъ ихъ является еще болѣе возмутительнымъ, вслѣдствіе ихъ послѣдующаго поведенія. Естественно, что Аристофонъ подалъ жалобу на нанесеніе ему побоевъ. Когда дѣло должно было разбираться у діэтета, онъ просилъ меня и еще нѣкоторыхъ друзей своихъ присутствовать при разбирательствѣ. Вызванные къ суду заставили ждать себя очень долго. Только къ вечеру явились отецъ съ сыномъ и еще нѣкоторые изъ ихъ общества и то только для того, чтобы насмѣяться надъ святостью суда. Не возражая на жалобу, отказываясь даже прочесть письменныя показанія свидѣтелей, они все время глумились самымъ пошлымъ образомъ. Они приводили насъ по одиночкѣ къ алтарю и требовали присяги, или же сами писали показанія о такихъ вещахъ, которыя не имѣли ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу. Если послѣ такого недостойнаго поведенія, такого поруганія законовъ, не послѣдовало бы наказанія, то гдѣ бы можно было найти защиту противъ оскорбленій всякаго рода?

[10]) Автолекиты (αὐτοληκύθους) потомки Автолика, сына Гермеса. Автоликъ былъ извѣстный воръ, обманщикъ и клятвопреступникъ.

— Ты правъ, сказалъ красивый молодой человѣкъ, пришедшій изъ комнаты, чтобы послушать разсказъ. Я самъ не прочь повеселиться и отчего же не поспорить иногда изъ-за хорошенькой женщины, но съ такими буянами, какъ эти трибаллы, я не желалъ бы имѣть ничего общаго. Я знаю давно Ктезипа, онъ былъ самымъ грубымъ, самымъ необузданнымъ мальчишкой въ школѣ Гермипоса, гдѣ за свои скверныя продѣлки ему приходилось зачастую отвѣдывать учительскихъ розогъ.

При имени Гермипоса Хариклъ взглянулъ на говорившаго.

— Клянусь собакою [11]), вѣдь это Лизитлъ, вскричалъ онъ и поспѣшно подошелъ къ нему.

— Хариклъ, воскликнулъ тотъ съ удивленіемъ, ты здѣсь? съ которыхъ поръ?

— Я возвратился вчера изъ Сиракузъ, отвѣчалъ Хариклъ.

— Привѣтствую тебя, другъ дѣтства, сказалъ Лизитлъ. Мы отпразднуемъ пріѣздъ твой знатнымъ пиромъ; ты сегодня мой гость

— Благодарю тебя за приглашеніе, но я не могу воспользоваться имъ; я обѣщалъ уже обѣдать сегодня у моего благороднаго друга, у котораго теперь живу.

— Ну, такъ приходи завтра, сказалъ молодой человѣкъ, дай руку въ знакъ согласія.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Хариклъ, но куда?

---

[11]) Эта клятва была весьма употребительна у Грековъ. Во избѣжаніе клятвы именемъ боговъ, Греки клялись различными предметами, какъ-то: собакою (такъ клялся Сократъ), капустою и т. п.

— Въ мой домъ въ Керамейкосѣ [12]), ты вѣрно его помнишь? Намъ никто не помѣшаетъ; и тебѣ нечего бояться, чтобы угрюмый отецъ пришелъ разогнать веселыхъ кутилъ. Ты встрѣтишь у меня нѣсколькихъ знакомыхъ.

Онъ хотѣлъ распросить его еще о многомъ, но пришлось отложить распросы до завтра, такъ какъ Хариклу было уже пора уходить.

Прошелъ первый часъ пополудни; на улицахъ стало замѣтно тише. Важнѣйшія дѣла дня были справлены; рынокъ былъ совершенно тихъ; только въ мастерскихъ ремесленниковъ продолжалась еще живая дѣятельность. Вся городская жизнь, сосредоточивавшаяся еще недавно въ центрѣ города, расплылась теперь по всѣмъ сторонамъ, и исчезла изъ центра для того, чтобы проявиться вновь, хотя и въ иной формѣ, въ лежащихъ внѣ города гимназіяхъ, и тому подобныхъ мѣстахъ. Поэтому оживленнѣе всѣхъ были теперь улицы, ведущія въ Академію, Ликаіонъ и Кинозаргъ. Свободный человѣкъ, котораго не привязывало къ душному дому ремесло, отправлялся въ эти общественныя мѣста, для того, чтобы подкрѣпляющимъ тѣлеснымъ движеніемъ, холодною или теплою ванною, а можетъ быть и просто прогулкою по дрому [13]) возбудить аппетитъ къ предстоящему обѣду,

---

[12]) Внутренній Керамейкосъ—широкая улица, проходившая черезъ всѣ Аѳины по направленію съ сѣвера къ югу. Наружный Керамейкосъ—предмѣстье города.

[13]) Дромомъ (δρόμος) называлось мѣсто, гдѣ упражнялись въ бѣгѣ, и которое служило также для прогулокъ. Дромы устраивались въ гим-

или только просто для того, чтобы полюбоваться на ловкость, искусство и превосходное тѣлосложеніе борцовъ, или же наконецъ, чтобы искать пищи для ума въ поучительныхъ и привлекательныхъ бесѣдахъ.

Сдѣлавъ еще нѣсколько покупокъ Хариклъ также отправился туда, съ намѣреніемъ принять участіе въ гимнастической борьбѣ, удовольствіи, котораго онъ былъ такъ долго лишенъ, и, взявъ затѣмъ ванну, отправиться къ Форіону. Съ самаго ранняго дѣтства отецъ пріучалъ его къ тѣлеснымъ упражненіямъ. Занятія у педотриба [14]) считалъ онъ не менѣе важными, чѣмъ занятія въ школѣ; когда же мальчикъ сталъ юношею, то онъ старался точно также побуждать его и къ болѣе труднымъ гимнастическимъ упражненіямъ въ Палэстрѣ. Онъ рѣшительно порицалъ одностороннее направленіе атлетовъ, но разумную гимнастику, управленіе конями и охоту, вмѣстѣ съ обществомъ людей ученыхъ, считалъ единственными занятіями, приличными свободному человѣку. Настроеніе нашихъ мыслей зависитъ отъ нашихъ занятій,—говаривалъ онъ часто своему сыну,—занятіе даетъ направленіе уму человѣка. Кто проводитъ свой день за ничтожными дѣлами, за низкой работой, въ сердцѣ того не можетъ возникнуть ни возвышенной мысли, ни юношеской отваги, равно какъ не могутъ гнѣздиться низкія и мелочныя мысли въ душѣ человѣка, занятаго благородными и досто-

---

назіяхъ и отдѣльно, нерѣдко также при домахъ богатыхъ гражданъ. Въ гимназіи дромомъ называлось, кажется, всякое мѣсто, гдѣ бѣгали и гуляли.

[14]) Педотрибъ—гимнастъ.

славными дѣлами. Поэтому-то Хариклъ былъ искусенъ во всѣхъ родахъ борьбы, проворенъ въ бѣгѣ и ловокъ въ скаканіи. Съ силою и искусствомъ бросалъ онъ копье и дискъ, ловко кидалъ мячъ, и въ Сиракузахъ считался однимъ изъ лучшихъ борцовъ. Отецъ его не терпѣлъ только кулачнаго боя и панкратіона [15]), и одобрялъ законы спартанскіе, запрещавшіе эти роды борьбы.

Молодой человѣкъ, полный пріятныхъ воспоминаній былаго прошелъ чрезъ Діохарскія ворота, и направился садами къ Ликаіону. Онъ нашелъ въ гимназіи множество посѣтителей [16]). Въ залахъ, окружавшихъ перистиль,

---

[15]) Такъ называлось одно изъ гимнастическихъ упражненій, состоявшее изъ борьбы и кулачнаго боя.

[16]) Гимназіи (γυμνάσιον) устраивались первоначально въ простыхъ домахъ, или въ тѣни платановъ, на вольномъ воздухѣ; впослѣдствіи для нихъ стали воздвигать великолѣпныя, обширныя зданія. Развалины этихъ зданій видны еще и донынѣ. Витрувій описываетъ подробно устройство гимназій. По его словамъ первую часть гимназіи составлялъ обширный четыреугольникъ, имѣвшій 2 стадіи, или 1200 футовъ въ окружности. Открытое пространство (περιστύλιον) окружено было съ трехъ сторонъ однимъ рядомъ колоннъ, а съ четвертой—двойнымъ рядомъ. За этимъ послѣднимъ портикомъ находились слѣдующія помѣщенія: въ самой серединѣ Эѳебеумъ (ἐφηβεῖον), мѣсто, назначенное для упражненій юношей (эѳебовъ); рядомъ съ нимъ, направо былъ Корицеумъ. Здѣсь упражнялись въ раскачиваніи висячаго мѣшка, наполненнаго пескомъ, и называвшагося Корикосъ (κώρυκος). Можетъ быть въ этомъ же отдѣленіи находился и сферистеріонъ (σφαιριστήριον), т. е. комната для игры въ мячь, и аподитеріумъ (ἀποδυτήριον), т. е. комната, гдѣ оставляли платье. Корицей непосредственно сообщался съ конистеріумомъ (κονιστήριον), гдѣ посыпали тѣло пескомъ и пылью, чтобы во время борьбы рука не скользила по тѣлу; далѣе въ углу находился Лутронъ (λουτρόν), т. е. купальня. Налѣво же отъ эѳебея шли слѣдующія отдѣленія: элеотезій (ἐλαιοθέσιον) комната,

составились большіе и маленькіе кружки изъ молодыхъ и пожилыхъ людей, оживленно разговаривавшихъ между собою. Здѣсь училъ, прогуливаясь въ портикѣ, извѣстный,

---

гдѣ приготовлялись къ борьбѣ, смазывали тѣло масломъ (элеонъ), далѣе фригидарій, т. е. холодильникъ, пропнигей, т. е. предбанникъ. Еще далѣе—судаторій, комната для потѣнія, и лаконикумъ, гдѣ тоже потѣли, но въ сухомъ жарѣ; наконецъ калидаріумъ—баня. Къ простымъ портикамъ (съ однимъ рядомъ колоннъ) примыкали обширныя помѣщенія (exedræ), въ которыхъ были устроены сидѣнья для философовъ и риторовъ и для ихъ слушателей. Открытое пространство, замкнутое со всѣхъ сторонъ портиками, служило для всевозможныхъ физическихъ упражненій, и нѣтъ сомнѣнія, что при хорошей погодѣ его предпочитали портикамъ. Другая часть гимназіи, граничившая съ первой, имѣла также квадратную форму и была окружена тремя колоннадами, изъ которыхъ двѣ простыя, т. е. въ одинъ рядъ, а одна двойная. На свободномъ пространствѣ между портиками шли аллеи платановъ. Мѣсто это называлось ксистумъ ξυστός и служило для гулянья и отдыха, а отчасти и для упражненій; въ концѣ этого втораго отдѣленія находился обширный стадіонъ, гдѣ было довольно мѣста, чтобы помѣститься и зрителямъ, и состязающимся въ борьбѣ, бѣганьи и т. п. Само собою разумѣется, что не всѣ греческія гимназіи устраивались по этому плану: различныя условія, мѣстность, время и т. п. имѣли вліяніе на расположеніе ихъ. Въ прежнія времена, по всѣмъ вѣроятіямъ, гимназіи имѣли только одну первую часть. Открытые въ новѣйшее время остатки гимназій въ Малой Азіи, а именно въ Эфесѣ, Гіераполѣ и Александріи, представляютъ устройство, повидимому, въ очень многомъ отличающееся отъ только что описаннаго. Такъ въ гимназіи въ Эфесѣ, построенной вѣроятно при Императорѣ Адріанѣ, нѣтъ средняго открытаго пространства (перистиля) напротивъ того все зданіе снаружи окружено крытымъ портикомъ, къ которому примыкаетъ множество экзедръ, имѣющихъ видъ небольшихъ четыреугольныхъ и круглыхъ нишъ. Изъ портика входишь прежде всего въ открытое пространство, которое очевидно замѣняетъ собою вышеозначенный перистиль, а затѣмъ изъ него и въ остальныя помѣщенія гимназіи, центръ которыхъ и здѣсь составлялъ Эфебеумъ.

недавно пріѣхавшій въ Аѳины, философъ, окруженный толпою почтительныхъ учениковъ, часть которыхъ пріѣхала съ нимъ изъ чужбины. Стоило посмотрѣть, какъ, ловя каждое его слово, они боялись въ то же время стѣснить его и разступались по обѣ стороны каждый разъ, какъ онъ поворачивался, чтобы затѣмъ снова слѣдовать за нимъ. Тамъ сидѣлъ опытный старецъ, серьезно разговаривавшій съ нѣсколькими молодыми друзьями. Разговоръ ихъ былъ пріятно прерванъ приходомъ юноши, извѣстнаго въ городѣ своею красотою. Каждому хотѣлось сѣсть поближе къ красавцу, отчего произошла давка, грозившая столкнуть съ мраморной скамейки крайнихъ изъ сидѣвшихъ, пока наконецъ одинъ изъ нихъ, не хотѣвшій быть лишеннымъ удовольствія смотрѣть на прекраснаго мальчика, не вскочилъ съ своего мѣста и его примѣру не послѣдовали другіе, вслѣдствіе чего образовался цѣлый полукругъ вокругъ предмета всеобщаго вниманія. Разговоръ его со старикомъ доказалъ скоро, что онъ обладалъ и внутренними достоинствами не менѣе прекрасными. Во многихъ мѣстахъ образовались группы, въ которыхъ разсуждали о великихъ событіяхъ въ Азіи. Только что были получены новыя вѣсти объ успѣхахъ

Гимнастика составляла самую существенную часть древне-греческаго образованія; поэтому не удивительно, что гимназіи были во всѣхъ городахъ. Знаменитѣйшія изъ нихъ находились въ Аѳинахъ Дельфахъ, Олимпіи и Аргосѣ. Въ Аѳинахъ были четыре гимназіи: Ликаіонъ, Кинозаргъ, Академія и Стадіонъ: всѣ онѣ помѣщались за городомъ. Академія особенно знаменита тѣмъ, что въ ней училъ Платонъ. Ликаіонъ и Кинозаргъ также знамениты тѣмъ, что въ первомъ училъ Аристотель, а во второмъ Антисѳенъ.

македонскаго войска при осадѣ Тира, и многіе старались выказать свои топографическія свѣдѣнія, рисуя палками на пескѣ видъ и мѣстоположеніе города. На боль-

Рис. 5. Садъ Академіи.

шой открытой площадкѣ занимались между тѣмъ другіе самыми разнообразными упражненіями, а нѣкоторые на-

правлялись уже къ теплымъ ваннамъ или холоднымъ купальнямъ или же смазывали въ элеотезіи свои члены чистымъ масломъ.

Хариклъ прошелъ черезъ колоннады прямо къ мѣсту, гдѣ происходили упражненія на вольномъ воздухѣ. Иные бѣгали тутъ въ запуски, среди громкихъ восклицаній зрителей, поощрявшихъ то того, то другаго; другіе стояли, готовые къ прыжку, держа въ рукахъ тяжести. На открытомъ пространствѣ у Ксистума происходила, повидимому, особенно интересная борьба. Образовался тѣсный кружокъ зрителей; многіе уходили, вмѣсто нихъ прибывали новые.

— Вѣрно это Ктезифонъ, сказалъ кто-то рядомъ съ Харикломъ, подошедшимъ тоже, но ничего не видѣвшимъ за толпою. Онъ душа гимназіи.

Хариклъ сталъ на цыпочки и увидѣлъ голову одного изъ борцовъ. Это былъ дѣйствительно его другъ. Но въ эту минуту борьба ужъ окончилась. Подмѣтивъ слабую сторону своего противника, Ктезифонъ, ловко приподнявъ его ногу концомъ своей, повалилъ его. Раздался радостный кликъ; толпа немного разступилась и Хариклъ, привѣтствуя друга, выступилъ впередъ, предлагая состязаться съ нимъ. Ктезифонъ принялъ вызовъ съ удовольствіемъ. Онъ былъ безспорно сильнѣе Харикла, но и Хариклъ боролся съ такою ловкостью, умѣлъ такъ хорошо пользоваться всѣми представлявшимися преимуществами, что борьба длилась довольно долго, и когда Ктезифонъ остался все-таки побѣдителемъ, всѣ должны были при-

знать по крайней мѣрѣ, что и Хариклъ былъ чрезвычайно искуснымъ борцомъ. Друзья отправились подъ руку къ ваннамъ, а затѣмъ Хариклъ поспѣшилъ къ дому Форіона.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Пиръ [1].

Съ самаго разсвѣта, все въ домѣ Лизитла было въ движеніи. Богатый молодой человѣкъ задумалъ отпраздновать, какъ можно пышнѣе, пріѣздъ своего товарища дѣтства. Все лакомое, что можно было только достать на Аѳинскомъ рынкѣ, было взято, и, недоволь-

[1]) Греки ѣли обыкновенно три раза въ день въ опредѣленные часы. Первый завтракъ, который имѣлъ мѣсто тотчасъ послѣ того, какъ вставали, назывался ἀκράτισμα. Онъ состоялъ изъ хлѣба, который макали въ чистое вино ἄκρατος, отчего безъ сомнѣнія и получилъ свое названіе. Затѣмъ, около полудня, слѣдовалъ ἄριστον, соотвѣтствовавшій римскому prandium. Тутъ подавали также и горячія блюда. Наконецъ обѣдъ δεῖπνον, который имѣлъ мѣсто вѣроятно нѣсколько позже, чѣмъ римская coena. Греки, покрайней мѣрѣ болѣе образованная часть ихъ, не находили особеннаго наслажденія собственно въ ѣдѣ, и обѣды аттическіе, за свою простоту, были часто осмѣиваемы комиками. Греки не любили обѣдать одни. Званые обѣды дѣлались по поводу свадьбы, рожденья, и не только лицъ, принадлежавшихъ къ семьѣ, но и постороннихъ уважаемыхъ личностей, а также знаменитыхъ умершихъ; затѣмъ по поводу поминокъ, отъѣзда

ствуясь закупками раба, онъ самъ отправился на рыбный рынокъ, чтобъ выбрать лучшихъ копаисскихъ угрей и самыхъ большихъ морскихъ щукъ. Онъ нанялъ отлич-

---

или возвращенія друга, одержанной побѣды и т. п. Случалось также нерѣдко, что нѣсколько молодыхъ людей устраивали обѣдъ на общій счетъ, причемъ каждый изъ участниковъ вносилъ свою часть, συμβολή, деньгами или же приносилъ самыя кушанья. Подобные обѣды происходили, или у гетеръ, или у отпущенниковъ, или же у одного изъ самихъ участниковъ. Случалось также, что сговаривались пообѣдать вмѣстѣ за городомъ, въ особенности гдѣ-нибудь на берегу моря. Къ обѣду гости приглашались обыкновенно въ тотъ же день утромъ, при встрѣчѣ на рынкѣ или въ гимназіи. Они должны были являться къ обѣду въ нарядной одеждѣ и обуви, взявъ предварительно ванну и намазавшись благовоніями. Въ эпоху, описываемую въ настоящемъ разсказѣ, обѣдали лежа; только женщины и дѣти составляли исключеніе. На ложе располагались по двое. Самъ хозяинъ назначалъ всѣмъ мѣста. Самымъ почетнымъ было мѣсто рядомъ съ хозяиномъ. Передъ обѣдомъ рабы снимали гостямъ подошвы и умывали ноги. Вмѣсто воды для омовенія ногъ употребляли вино и благовонныя эссенціи. Ложились обыкновенно, упираясь лѣвою рукою на лежащую за спиною подушку, причемъ правая оставалась совершенно свободною. Передъ самымъ началомъ обѣда рабы подавали воду для омовенія рукъ. Ѣли кушанья пальцами. Ножей и вилокъ не существовало, въ употребленіи были только ложки μυστίλη, μύστρον или μύστρος. Онѣ дѣлались изъ металла. Впрочемъ случалось часто, что вмѣсто нихъ употребляли просто куски выдолбленнаго въ серединѣ хлѣба. О скатерти, равно и о салфеткахъ, не было и помину. Полотенце χειρόμακτρον подавалось только при омовеніи рукъ. За обѣдомъ гости вытирали руки о мякишъ хлѣба или же имъ подавали нарочно приготовленное для этого тѣсто. Въ древнія времена ѣли чрезвычайно просто, и изъ того обилія въ мясѣ, которое встрѣчается у Гомера на пирахъ царей, отнюдь не слѣдуетъ заключать, чтобы и простой гражданинъ имѣлъ его въ такомъ же изобиліи. Подобно puls'у Римлянъ, существовало и у Грековъ кушанье μᾶζα или μάδδα, которое и было ихъ обыкновенною пищею.

наго повара, заказалъ вѣнки, купилъ драгоцѣнныя мази и пригласилъ хорошенькихъ флейтщицъ и танцовщицъ. Въ обширномъ покоѣ, гдѣ долженъ былъ происходить пиръ, были приготовлены ложа, и на красивыхъ сто-

---

Это было нѣчто въ родѣ каши или блина, приготовляемыхъ впрочемъ весьма различнымъ образомъ. До самыхъ позднѣйшихъ временъ это кушанье остается постоянною пищею низшаго класса. Обыкновенною пищею были также овощи: мальва, салатъ или латукъ, капуста, стручковые плоды: бобы, чечевица, лупины и т. п. Особенно любимы были лукъ и чеснокъ. Ѣлись эти овощи часто сырыми или же, какъ напримѣръ салатъ, съ приправою уксуса, масла и меда. Изъ мяснаго ѣли барановъ, молодыхъ козъ, особенно любили свинину. Колбасы *ἀλλᾶντες* и *χορδαί* были очень въ употребленіи. Лакомыми блюдами были зайцы, сѣрые дрозды и т. п. Изъ прѣсноводныхъ рыбъ славились угри изъ озера Копаиса, но морскія рыбы славились гораздо выше. Онѣ были нетолько главною пищею, но и самымъ большимъ лакомствомъ для Грека. Соленая рыба, *ταρίχη*, привозимая въ Грецію изъ Геллеспонта и изъ Понта Эвксинскаго, цѣнилась менѣе, но по дешевизнѣ своей, вошедшей даже въ пословицу, была весьма важна для бѣднаго населенія. Обыкновенный обѣдъ приготовлялся хозяйкою дома или подъ надзоромъ ея рабынями. Если же для извѣстныхъ случаевъ нужно было имѣть особенно искуснаго повара, то его нанимали на день. На рынкѣ всегда можно было найти такихъ поваровъ. Обыкновенно такой поваръ приносилъ съ собой и всю необходимую посуду. Самыми лучшими считались повара сицилійскіе. Вносились кушанья какъ у Римлянъ, на большихъ подносахъ, которые ставились на стоявшій посрединѣ *κλίναι* столъ, или же передъ каждымъ гостемъ. Какъ скоро всѣ были сыты, столъ уносили, а полъ, на который во время обѣда бросали всякіе остатки, шелуху отъ плодовъ и т. п., выметали метлами. Гостямъ разносили воду для омовенія рукъ и смегму *σμῆγμα* или *σμῆμα*, которая замѣняла мыло, и раздавали вѣнки и благовонныя мази; наконецъ жертва возліянія завершала собственно обѣдъ. Послѣ этого пѣлся хвалебный гимнъ съ акомпанементомъ флейты, и затѣмъ вносился столъ съ ужиномъ *δεύτεραι τράπεζαι*. Съ этихъ

ликахъ разставлено было множество маленькихъ и большихъ серебряныхъ чашъ и кубковъ. Молодые рабы въ полупрозрачныхъ высокоподнятыхъ хитонахъ, сновали хлопотливо по комнатамъ и портикамъ, прибирали, чистили, покрывали диваны пестрыми коврами, поправляли полосатыя подушки, полоскали сосуды, словомъ хлопотали безъ устали до тѣхъ поръ, пока не были окончены всѣ приготовленія къ парадному пріему гостей.

Тѣнь, бросаемая гномономъ [2]), была уже длиннѣе десяти футовъ, когда Хариклъ возвращался изъ Академіи, куда Манъ принесъ ему самую нарядную, праздничную одежду и франтовскіе полубашмаки [3]). День прошелъ для

поръ начинался уже собственно симпозіонъ. За которымъ подавали разные плоды какъ-то оливки, фиги, орѣхи, сыръ и соль въ разныхъ видахъ, послѣднюю приимущественно для возбужденія жажды.

[2]) Гномонъ (*γνώμων*)—солнечные часы.

[3]) Несмотря на безчисленныя различія, всю обувь Грековъ можно раздѣлить на два вида: подошвы и башмаки, которые прикрывали всю ногу. Но между этими двумя видами существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ формъ. Простыя подошвы назывались *ὑποδήματα*. Онѣ дѣлались или просто изъ кожи или же изъ кожи и пробки, которая въ такомъ случаѣ составляла средній слой. Подошва прикрѣплялась къ ногѣ ремнемъ, который пропускался между большимъ и вторымъ пальцами, и посредствомъ fibula, имѣвшей форму сердца или листа, соединялся съ другимъ ремнемъ, шедшимъ чрезъ подъемъ ноги, и въ свою очередь соединявшимся съ задними или сбоку прикрѣпленными ремнями. Часто однако перереплетающихся ремней было такъ много, что они составляли цѣлую сѣть, прикрывавшую ногу до самой икры. Болѣе нарядная обувь, которую Греки надѣвали когда шли въ гости, была *βλαῦται* или *βλαυτία*, родъ полубашмаковъ, которые прикрѣплялись ремнями у щиколки. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть еще объ *ἐνδρομίδες*, высокихъ башмакахъ или скорѣе даже сапогахъ;

него незамѣтно, среди хлопотъ по устройству дома; все шло такъ, какъ ему хотѣлось, и счастливая будущность раскрывалась передъ нимъ. Онъ шелъ поэтому въ самомъ пріятномъ расположеніи духа къ дому друга, гдѣ въ честь его былъ приготовленъ пиръ. Подходя уже къ самому дому онъ увидѣлъ Ктезифона, возвращавшагося изъ Ликаіона.

— Манъ, сказалъ онъ, слѣдовавшему за нимъ рабу, вонъ идетъ Ктезифонъ, догони его, и попроси подождать меня.

Манъ исполнилъ приказаніе; поспѣшно настигъ быстро

они имѣли спереди разрѣзъ и шнуровались. Всѣ эти три вида обуви были преимущественно обувью мущинъ. Обувь женщинъ составляли прежде всего сандаліи (σανδάλιον или σάνδαλον), которыя были первою переходною ступенью отъ подошвъ къ башмакамъ, такъ какъ имѣли ремень (ζυγός или ζυγόν), лежавшій сверху большаго пальца, изъ котораго вѣроятно и развился впослѣдствіи верхъ башмака. Кромѣ сандалій носили еще: περσικά, самыя простыя башмаки, покрывавшія всю ногу, βαυκίδες, обувь болѣе нарядную, наконецъ περιβαρίς, обувь которую носили рабыни. Всѣхъ видовъ женской обуви насчитываютъ до 94.

Обувь дѣлалась обыкновенно изъ кожи, но иногда употребляли и войлокъ. Подъ башмаками или подошвами носили нерѣдко войлочные носки. Подошвы мущинъ подбивались иногда, прочности ради, для дороги и т. п., гвоздями, и роскошь доходила нерѣдко до того, что гвозди эти дѣлались изъ серебра или золота. Обыкновенный цвѣтъ башмаковъ былъ натуральный цвѣтъ кожи или черный, впрочемъ бѣлые и пестрые башмаки носились также, и нетолько женщинами, но и мущинами. Обувались, по крайней мѣрѣ мущины, только когда выходили изъ дому, да и то не всегда; дома обуви вовсе не носили, и снимали ее даже въ гостяхъ передъ тѣмъ, что садились за обѣдъ.

идущаго Ктезифона и, остановивъ его сзади за одежду, попросилъ подождать Харикла.

— Гдѣ же Хариклъ? спросилъ тотъ, оборачиваясь.

— Онъ идетъ за нами, отвѣчалъ рабъ.

— Въ эту минуту подошелъ и самъ Хариклъ, привѣтствуя друга.

— Какой ты нарядный, сказалъ Ктезифонъ, куда это ты собрался?

— На обѣдъ къ Лизитлу, отвѣчалъ Хариклъ. Я вчера обѣщалъ ему придти; а развѣ ты не приглашенъ?

Ктезифонъ отвѣчалъ отрицательно.

— Ахъ, это было бы очень обидно, еслибъ среди друзей юности, которыхъ я тамъ встрѣчу, не было бы именно тебя. Что, еслибъ я велѣлъ тебѣ идти со мною на обѣдъ безъ приглашенія.

— Конечно, еслибъ ты велѣлъ, возразилъ Ктезифонъ шутя, мнѣ оставалось бы только повиноваться.

— Ну такъ пойдемъ, сказалъ Хариклъ, оправдаемъ пословицу, которая говоритъ, что къ обѣду хорошихъ людей приходятъ хорошіе люди, сами себя приглашая.

— Придумай однако какое-нибудь извиненіе, замѣтилъ Ктезифонъ, потому что я буду утверждать, что ты передалъ мнѣ приглашеніе.

— Мы подумаемъ объ этомъ дорогою, а теперь идемъ.

Двери гостепріимнаго дома были открыты; рабъ, встрѣтившій ихъ въ сѣняхъ, провелъ ихъ въ залу, гдѣ большинство гостей уже заняло свои мѣста на ложахъ. Лизитлъ встрѣтилъ и привѣтствовалъ ихъ самымъ радушнымъ образомъ.

— Ктезифонъ! воскликнулъ онъ, увидя вошедшаго. Ты пришелъ удивительно кстати, и я надѣюсь, что ты отобѣдаешь съ нами. Если же тебя привело сюда какое-нибудь дѣло, то отложи его до другаго раза. Вчера я всюду искалъ тебя, чтобы пригласить, но не могъ найти.

— Хариклъ сдѣлалъ это отъ твоего имени, сказалъ Ктезифонъ, онъ — то и заставилъ меня придти съ нимъ.

— Превосходно! вскричалъ любезный хозяинъ; возлягъ вотъ здѣсь, рядомъ съ Главкономъ, а ты, Хариклъ, возляжешь со мной. Рабы, снимите имъ подошвы и омойте ноги.

Пока одни рабы развязывали ремни башмаковъ, другіе принесли серебряные тазы и изъ изящныхъ серебряныхъ кружекъ стали лить на ноги сидящихъ на ложахъ не воду, а золотое вино, естественный ароматъ котораго возвышался еще отъ подмѣшаннаго къ нему благовоннаго бальзама. Въ то время какъ Хариклъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ, Ктезифонъ же съ улыбкою совершали это слишкомъ расточительное омовеніе, нѣкоторые изъ гостей подошли къ первому и привѣтствовали его. Это были все знакомые прежнихъ лѣтъ. Полемархъ

и Калликлъ, Навзикратъ и Главконъ, всѣ привѣтливо протягивали руки товарищу дѣтства и напоминали ему тысячу событій изъ прошлаго.

— Друзья, оставьте все это теперь, крикнулъ одинъ изъ гостей съ своего ложа, занимайте лучше ваши мѣста, и давайте обѣдать.

— Въ самомъ дѣлѣ Эвктемонъ, сказалъ Лизитлъ, на это будетъ еще время. Рабы, подавайте воду умыть руки, и затѣмъ несите все, что у васъ есть. Незабывайте, что вы насъ угощаете и что мы ваши гости; постарайтесь, чтобъ мы всѣ остались вами довольны.

Приказаніе было живо исполнено: вода и полотенца поданы, а затѣмъ стали вносить столы, устанавливать на нихъ кушанья и въ корзинахъ изъ слоновой кости разносить самый лучшій хлѣбъ [4]). Въ это самое время послышался сильный стукъ у входной двери, и вслѣдъ за тѣмъ вошелъ рабъ и доложилъ, что за дверьми стоитъ шутъ Стефанъ, который велѣлъ сказать, что онъ пришелъ, вооружившись всѣмъ необходимымъ для того, чтобы пообѣдать хорошенько за чужимъ столомъ.

— Какъ вы полагаете, друзья, сказалъ хозяинъ дома, вѣдь неловко его прогнать? Пусть войдетъ.

Но незачѣмъ было звать Стефана; онъ стоялъ уже въ дверяхъ залы и говорилъ:

---

[4]) Хлѣбъ во время обѣда разносился въ круглыхъ или овальныхъ корзиночкахъ (κάνεον) съ низкими краями и съ ручками.

— Всѣмъ вамъ извѣстно, что я шутъ Стефанъ, который никогда еще не отказывался, когда вы приглашали его къ обѣду, а потому будетъ вполнѣ справедливо, если и вы не откажетесь теперь отъ моего приглашенія. Я принесъ съ собою цѣлую кучу остротъ.

— Хорошо, хорошо, сказалъ Лизитлъ, кстати же насъ только девятеро; возлягъ вонъ тамъ, рядомъ съ Манитеемъ, и будь моимъ гостемъ.

Столы были вновь уставлены множествомъ блюдъ, на которыхъ сицилійскій поваръ выказалъ все свое искусство.

— По истинѣ, сказалъ Главконъ, это обѣдъ не аттическій, а віотійскій [5]).

— Это правда, вмѣшался Эвктемонъ, который, повидимому, наслаждался болѣе другихъ за роскошнымъ обѣдомъ, я люблю за это Віотійцевъ, и терпѣть не могу этихъ аттическихъ обѣдовъ, на которыхъ подаются на маленькихъ блюдахъ самыя ничтожныя вещи. Взгляните-ка на этихъ копаисскихъ угрей; вѣдь это богатство Віотіи, Клянусь Зевесомъ, озеро послало на аѳинскій рынокъ своихъ старѣйшихъ обитателей.

— О, сказалъ Стефанъ, уже нѣсколько разъ тщетно пытавшійся посмѣшить общество, какъ счастливо озеро! оно имѣетъ въ себѣ постоянно самое вкусное кушанье и притомъ еще, вѣчно пьетъ, никогда не напиваясь!

---

[5]) Віотійцы были извѣстны своею страстью къ хорошимъ и роскошнымъ обѣдамъ.

— Водою, вскричалъ смѣясь Калликлъ; въ такомъ случаѣ ты чудо еще большее; вѣдь никто не видалъ еще, чтобъ тебѣ было довольно вина.

Обѣдъ окончился среди различныхъ разговоровъ, по мнѣнію одного Стефана, слишкомъ рано. Когда Лизитлъ увидѣлъ, что гости уже ничего больше не ѣдятъ, онъ подалъ знакъ рабамъ, которые тотчасъ же подали воду и душистую смегму для омовенія рукъ, другіе же начали убирать кушанья и очищать полъ отъ остатковъ обѣда. Затѣмъ стали разносить миртовые и розовые вѣнки, разноцвѣтныя ленты и душистыя мази, а одинъ изъ рабовъ принесъ золотую чашу, и изъ серебряной кружки налилъ въ нее чистое вино для возліянія. Въ залу вошли двѣ хорошенькія, молоденькія флейтщицы. Лизитлъ взялъ чашу, выплеснулъ изъ нея нѣсколько вина и сказалъ: «доброму духу»; затѣмъ, отпивъ немного, подалъ чашу Хариклу, лежавшему направо отъ него, а этотъ, сдѣлавъ тоже самое, передалъ ее слѣдующему и такъ далѣе, пока чаша не обошла всѣхъ. Тихая, торжественная музыка играла въ продолженіе всей церемоніи, до тѣхъ поръ пока послѣдній изъ присутствовавшихъ не возвратилъ чаши. Тогда общество оживилось; начался хвалебный гимнъ, и когда онъ былъ пропѣтъ, рабы внесли ужинный столъ и поставили кратеръ, великолѣпно украшенный изображеніями вакхическихъ танцовщицъ [6]).

---

[6]) Съ этихъ поръ начинался симпозіонъ (συμπόσιον). Самое названіе «симпозіонъ» показываетъ, что цѣль его—наслажденіе виномъ въ обществѣ. Симпозіоны устраивались чаще всего молодыми людьми, и,

— Прежде всего друзья, воскликнулъ Главконъ, поднимаясь съ ложа, на какихъ условіяхъ и какъ будемъ мы пить?

— Я полагаю, возразилъ Ктезифонъ, что намъ незачѣмъ устанавливать какія бы то ни было правила; пусть каждый пьетъ столько, сколько ему захочется.

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Полемархъ, надо непремѣнно выбрать симпозіарха, вѣдь въ этомъ-то и заключается главное веселье попойки.

такъ какъ умѣренность въ винѣ не была одною изъ добродѣтелей аѳинянина, то и симпозіоны ихъ заканчивались нерѣдко тѣмъ, что всѣ присутствовавшіе напивались. По этой причинѣ они и были запрещены въ Спартѣ и на островѣ Критѣ. Извѣстно, что Греки никогда не пили чистаго вина. Пить его неразбавленнымъ водою считалось обычаемъ варварскимъ, и извѣстный законодатель Залевкъ запретилъ жителямъ города Локръ пить чистое вино, подъ страхомъ смертной казни. Мѣшали вино или съ холодною или съ теплою водою. Пропорція этого смѣшенія была весьма различна, но воды брали всегда больше, чѣмъ вина. Вино разбавленное на половину считалось еще слишкомъ опьяняющимъ, и потому никогда не употреблялось. Обыкновенно части воды относились къ вину какъ 3:1, 2:1 или 3:2. Смѣшеніе производилось, по старинному обычаю, въ большихъ металлическихъ или глиняныхъ сосудахъ, называемыхъ кратерами (κρατήρ, рис. 6 b и c) и изъ нихъ уже разливалось по кубкамъ. Эвохой (οἰνοχόη), сосудъ, имѣвшій форму кружки, служилъ для черпанья. Иногда впрочемъ вино мѣшали и прямо въ кубкахъ, наливая въ нихъ сначала извѣстное количество воды, а затѣмъ дополняя виномъ. Кратеръ наполнялся иногда по нѣскольку разъ въ вечеръ. Распорядителемъ симпозіона, симпозіархомъ, избирали одного изъ присутствовавшихъ, и его распоряженіямъ подчинялось все общество. Большею частью астрагалы или кости рѣшали выборъ. Главною обязанностью симпозіарха было опредѣлять пропорцію смѣшенія вина и назначать число кубковъ, которое должно быть выпито; онъ могъ также налагать штрафы.

— Клянусь Зевесомъ! вскричалъ Навзикратъ, намъ нужно царя. Я заранѣе покоряюсь всѣмъ его приказаніямъ, даже еслибъ онъ велѣлъ мнѣ пронести на рукахъ вотъ эту хорошенькую флейтщицу или поцаловать того прелестнаго мальчика, который, словно шаловливый эросъ, стоитъ тамъ у кратера.

Большинство согласилось съ его мнѣніемъ.

— Принесите же астрагалы, сказалъ Лизитлъ, пусть будетъ царемъ тотъ, кто броситъ ихъ удачнѣе всѣхъ.

— Нѣтъ, вскричалъ Полемархъ, этакъ намъ придется пожалуй имѣть своимъ предсѣдателемъ чрезчуръ умѣреннаго Ктезифона, или, чего добраго, вѣчно ненасытнаго Стефана. Я предлагаю избрать царемъ Главкона, онъ превосходно исполняетъ эту обязанность.

Предложеніе было принято, и Главконъ заявилъ готовность быть распорядителемъ симпозіона.

— И такъ, сказалъ онъ съ комично-важнымъ выраженіемъ лица, прежде всего я приказываю вамъ, мальчики, мѣшать хорошенько вино. Пословица говоритъ: «надо пить пять или три, но никакъ не четыре». Будемъ же остерегаться послѣдняго. Но нашъ другъ подчуетъ насъ старымъ виномъ; оно очень выносливо, а потому одну часть его разбавьте двумя частями воды. Положите туда также снѣгу, чтобъ питье было свѣжо, а если у васъ нѣтъ снѣгу, то возьмите нѣсколько остротъ, смороженныхъ уже Стефаномъ, и наливайте затѣмъ въ маленькіе кубки— съ нихъ мы начнемъ, большими кончимъ. Наливайте усерднѣе; приготовьте также большую чашу, для тѣхъ, которымъ придется пить штрафъ.

— Однако, Главконъ, ты говоришь все только о питьѣ, замѣтилъ Ктезифонъ, подумай лучше о томъ, чѣмъ намъ заняться во время питья, пѣніемъ или разговорами?

— Объ этомъ мы сейчасъ подумаемъ, возразилъ Главконъ, но прежде всего дайте мнѣ кубокъ.

Онъ взялъ изъ рукъ мальчика киликсъ [7]).

[7]) Киликсъ κύλυξ, чаша съ двумя ручками, стоящая на ножкѣ (рис. 6, е). На прилагаемыхъ здѣсь двухъ рисункахъ (6 и 7), кромѣ ки-

Рис. 6. Греческія сосуды.

ликса, изображены еще слѣдующіе сосуды: два кратера (рис. 6, b и c) о которыхъ уже было упомянуто выше. Кантаросъ, κάνθαρος (рис. 6, d), сосудъ на очень высокой ножкѣ и съ большими тоненькими ручками,

— Пью въ честь Зевеса, сказалъ онъ и выпилъ; всѣ послѣдовали его примѣру.

— Итакъ, друзья, чѣмъ мы займемся? продолжалъ онъ.

служившій для питья вина. Рогъ, κέρας и ῥυτόν (рис. 6, f), сосудъ употреблявшійся также для питья вина; рога дѣлались или изъ металла или изъ глины и имѣли форму рога, заканчивавшагося въ видѣ головы какого-нибудь животнаго. Гидрія (рис. 7, a), о которой было го-

Рис. 7. Греческіе сосуды.

ворено въ примѣчаніи 3 къ главѣ II. Амфора, ἀμφορεύς (рис. 7, b), широкій сосудъ съ двумя ручками, болѣе или менѣе короткимъ горлышкомъ и ножкою, или же остроконечный снизу, такъ чтобы можно было утвердить его въ землѣ; служилъ для сохраненія вина. Эпихизисъ, ἐπίχυσις (рис. 7, c), сосудъ служившій для черпанія и наливанія вина. Олпа, ὄλπη, ὄλπα, ὄλπις (рис. 7 d), сосудъ, служившій для сохраненія

— Только не ученымъ разговоромъ, отвѣчалъ Эвктемонъ, и Полемархъ согласился съ нимъ. Философія, что жена: обѣ не у мѣста на симпозіонѣ.

— Надѣюсь, что мы не станемъ также играть въ кости, вмѣшался Навзикратъ; эта игра вѣчно ведетъ за собою только споры и уничтожаетъ всякое веселье.

— Ну такъ будемъ пѣть, предложилъ Главконъ.

— Или задавать другъ другу загадки [8]), сказалъ Ктезифонъ.

— Да, задавать загадки, вскричалъ Хариклъ, по-моему это всего веселѣе, онѣ подаютъ поводъ къ безконечнымъ шуткамъ.

Это предложеніе нашло болѣе всего сочувствія.

— Хорошо, сказалъ Главконъ; тотъ, кто отгадаетъ загадку, получитъ одну изъ этихъ тэній [9]) и поцѣлуй отъ задавшаго. Неотгадавшій выпьетъ вотъ эту чашу чистаго вина. Для тебя, Стефанъ, прибавилъ онъ, смѣясь, вмѣсто вина, будетъ налита соленая вода; такъ какъ, иначе, я знаю, ты не разгадаешь ни одной загадки. Каждый будетъ задавать загадку своему сосѣду справа. Кте-

---

благовоннаго масла; и наконецъ кіатосъ, κύαθος (рис. 7, е), сосудъ похожій на нашу чашку, но съ большою высокою ручкою; употреблялся какъ для питья, такъ и для черпанья вина.

[8]) Загадывать загадки было однимъ изъ любимыхъ занятій во время симпозіона. За удачное разрѣшеніе разгадавшій получалъ въ награду вѣнокъ, тэнію, или какое-нибудь лакомство. Неотгадавшій долженъ былъ выпить большую чашу чистаго или смѣшаннаго съ солѣною водою вина. Четыре первыя изъ приведенныхъ въ текстѣ загадокъ взяты Беккеромъ цѣликомъ изъ греческихъ писателей.

[9]) Тэнія (ταινία)—лента, повязка.

зифонъ, тебѣ отгадывать первому. Слушай, сказалъ онъ немного подумавъ:

«Знаешь-ли ты двухъ сестеръ, изъ которыхъ одна, умирая, рождаетъ другую, чтобы затѣмъ самой родиться отъ рожденной?»

— Ну, это разгадать не трудно, не задумываясь отвѣчалъ Ктезифонъ; эти сестры—день и ночь, рождающіяся и умирающія, поочередно.

— Вѣрно, сказалъ Главконъ, дай украсить чело твое этой повязкой и поцаловать тебя. Теперь тебѣ загадывать.

Ктезифонъ просилъ дать ему время подумать и, обратясь къ Лизитлу, сказалъ:

— «Назови мнѣ существо, которому нѣтъ подобнаго ни на землѣ, ни въ морѣ, нигдѣ среди смертныхъ. Ростъ его природа подчинила странному закону: рождаясь оно имѣетъ громадные размѣры, становится маленькимъ, достигнувъ средины своего бытія, когда же близится къ концу, то, о чудо! опять становится великаномъ.

— Вотъ странное существо, сказалъ Лизитлъ, врядъли я угадаю. Въ дѣтствѣ оно велико, во цвѣтѣ лѣтъ становится маленькимъ, а подъ конецъ опять большимъ. Ахъ да! воскликнулъ онъ внезапно, вѣдь это тѣнь! стоитъ только взглянуть на гномонъ: утромъ она велика, затѣмъ съуживается къ полдню, а къ вечеру вновь вытягивается.

— Угадалъ, закричали всѣ, и Лизитлъ получилъ тэнію и поцалуй.

— Ну Хариклъ, сказалъ онъ, очередь за тобой; слушай:

«Оно не смертно, но и не безсмертно; представляетъ смѣшеніе того и другаго; раздѣляетъ частью жребій людей, частью же жребій боговъ; попеременно то возникаетъ, то исчезаетъ. Оно не видимо, хотя извѣстно каждому».

— Твоя загадка нѣсколько неопредѣленна и неясна, сказалъ, подумавъ немного, Хариклъ, однако, если я не ошибаюсь, это сонъ. Не такъ ли? Но тебѣ слѣдовало бы выразиться яснѣе. Ну, Эвктемонъ, слушай внимательно; моя загадка полна противорѣчій. Берегись штрафа.

— Штрафъ то бы еще ничего, но ты не захочешь лишить меня твоего поцѣлуя.

— Слушайте, сказалъ Главконъ, надо условиться еще объ одномъ. Что ежели загадка не будетъ разгадана тѣмъ, кому слѣдуетъ. Кто долженъ сдѣлать это? слѣдующій?

— Нѣтъ, сказалъ Ктезифонъ, повязка и поцѣлуй достанутся тому, кто первый отгадаетъ; если же онъ ошибется, то также выпьетъ штрафъ.

На этомъ и порѣшили. Обратясь къ Эвктемону, Хариклъ сказалъ:

— «Знаешь ли ты существо, которое, бережно храня, носитъ въ своей груди своихъ собственныхъ дѣтей. Онѣ нѣмы, но голосъ ихъ проникаетъ далеко за моря, въ дальнія страны. Онъ говоритъ тому, кому хочетъ, и тотъ слышитъ его издалека, а между тѣмъ онъ все-таки никому не слышенъ».

Загадка была не по силамъ Эвктемона. Какъ ни старался онъ, никакъ не могъ отгадать, кто были эти говорящіе нѣмые, и долженъ былъ выпить назначенный штрафъ.

— Я знаю, вскричалъ Стефанъ, это городъ, а дѣти его—ораторы, которые кричатъ такъ громко, что ихъ слышно далеко за моремъ, въ Азіи и во Ѳракіи.

Громкій смѣхъ послѣдовалъ за его словами.

— Послушай Стефанъ, сказалъ Хариклъ, видѣлъ ли ты когда-нибудь нѣмаго оратора; вѣдь онъ былъ бы десять разъ обвиненъ въ параноміи [10]).

— Соленой воды, закричало нѣсколько голосовъ, и какъ Стефанъ не упирался, онъ все-таки долженъ былъ выпить чашу.

— Я объясню вамъ смыслъ загадки, сказалъ затѣмъ Ктезифонъ; это—письмо, а дѣти, которыхъ оно въ себѣ хранитъ,—нѣмыя и беззвучныя буквы, которыя говорятъ лишь съ тѣмъ, къ кому письмо адресовано.

— Превосходно, вскричалъ Главконъ; какъ-то умѣстятся на твоей головѣ всѣ повязки, которыя ты сегодня заслужишь.

Теперь была очередь Эвктемона.

— Надо бы устроить такъ, чтобъ и тебѣ пришлось выпить, сказалъ онъ Навзикрату, который между тѣмъ привлекъ къ себѣ на ложе одну изъ флейтщицъ,—отгадывай:

«Это человѣкъ, но и не человѣкъ. Ононоситъ само себя, но тѣмъ неменѣе носимо другими. Его заказываютъ къ каждому пиру, а все-таки оно является на пиръ нежданнымъ. Оно любитъ чашу, но не дотрогивается до нея, а пьетъ однакоже за десятерыхъ».

---

[10]) Параномія—противозаконное дѣйствіе.

— О, сказалъ Навзикратъ, незачѣмъ далеко искать. Это никто иной, какъ Стефанъ.

— Я? воскликнулъ паразитъ, неправда. Къ сожалѣнію, никто не заказываетъ меня къ пиру. Свѣтъ сталъ до того серьезенъ, что никто не хочетъ болѣе смѣяться надо мною.

— Совершенно вѣрно, сказалъ Навзикратъ. Вѣнокъ заказываютъ, а ты, какъ паразитъ, приходишь самъ незванный и пьешь за десятерыхъ.

Такъ задавали загадки всѣ гости поочередно до тѣхъ поръ, пока не дошла очередь и до Стефана.

— Теперь вы надивитесь, сказалъ онъ:

«Черезъ десять мѣсяцевъ является дитя на свѣтъ. Десять лѣтъноситъ слониха въ своемъ чревѣ исполина. Но еще долѣе ношу я въ своемъ чревѣ чудовище, ростъ и сила котораго постоянно увеличиваются, и никогда не избавлюсь отъ него».

— О, вскричалъ Главконъ, смѣясь, мнѣ бы вовсе не хотѣлось отгадывать, чтобы не имѣть необходимости цѣловать твою бороду, но это слишкомъ ужъ легко, вѣдь всякій понимаетъ, что это голодъ, который ты носишь въ твоемъ животѣ.

Пока шутили и смѣялись надъ загадками, въ залу вошли приглашенные Лизитломъ танцоры [11]). Человѣкъ,

[11]) На симпозіоны приглашались нерѣдко танцоры и танцовщицы, которые должны были ловкостью и искусствомъ своимъ увеселять пирующихъ. Представленія, ими даваемыя, были почти тѣже, что и представленія нынѣшнихъ фокусниковъ и комедіантовъ. Самыя трудныя акробатическія штуки продѣлывались ими съ необыкновенною смѣлостью и съ удивительнымъ совершенствомъ. Они вольтижи-

показывавшій за деньги ихъ искусство, ввелъ очаровательную дѣвушку и прелестнаго мальчика, почти уже юношу; флейтщица слѣдовала за ними. Ложи были раздвинуты и танцовщица вышла на середину. Мальчикъ взялъ киѳару [12]) и ударилъ въ струны; его игрѣ стала вторить флейта. Затѣмъ звуки киѳары смолкли; дѣвушка взяла нѣсколько обручей и, танцуя подъ звуки флейты, стала ловко подбрасывать ихъ вверхъ и поочередно ловить. Ей подавали все новые и новые, пока наконецъ не набралось ихъ цѣлая дюжина, и всѣ они, то поднимаясь, то опускаясь, носились въ пространствѣ между потолкомъ и ея руками. Грація каждаго движенія и ловкость ея вызвали громкое одобреніе со стороны зрителей.

— Ну, Лизитлъ, сказалъ Хариклъ, ты угощаешь насъ на славу. Ты не только подалъ намъ великолѣпнѣйшій обѣдъ, но позаботился еще и о томъ, чтобы доставить удовольствіе и нашему слуху, и нашему зрѣнію.

— Смотри, сказалъ любезный хозяинъ, она покажетъ еще не такую ловкость.

Принесли большой обручъ, усаженный кругомъ острыми ножами и положили его на полъ. Дѣвушка начала снова танцовать, перекинулась черезъ ножи и очутилась какъ разъ по серединѣ обруча, потомъ такимъ же образомъ

ровали чрезъ столы и поставленные остріемъ кверху мечи. Дѣвушки подбрасывали вверхъ, подъ музыку, одновременно множество обручей и мячиковъ и снова ловили ихъ. Нерѣдко на пирахъ этихъ разыгрывались также цѣлыя мимическія представленія, сюжетъ для которыхъ брался изъ исторіи или изъ миѳологіи.

[12]) Киѳара (κιθάρα)—струнный инструментъ, похожій по наружному виду на лиру.

бросилась изъ него обратно и повторяла это нѣсколько разъ сряду такъ что всѣмъ присутствовавшимъ стало жутко, а Навзикратъ, вскочивъ съ своего мѣста, просилъ прекратить эту страшную игру и не подвергать дѣвушку опасности поранить себя. Затѣмъ выступилъ мальчикъ: онъ танцовалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, причемъ выказывалась еще яснѣе гармонія его юношескихъ формъ. Вся его фигура представляла одно полное выраженіе движенія, и трудно было рѣшить, что производило болѣе впечатлѣнія на зрителей—граціозныя движенія рукъ, ногъ или головы, и въ чемъ именно заключалась вся прелесть его позъ. Ему было выражено также шумное одобреніе и многимъ изъ присутствовавшихъ онъ понравился даже больше дѣвушки.

— Однако, сказалъ Главконъ, надо дать имъ отдохнуть. Лизитлъ, вели принести коттабосъ [13]), дай и намъ показать нашу ловкость.

---

[13]) Коттабосъ былъ одною изъ любимѣйшихъ игръ грековъ. Говорятъ, что игра эта была перенесена въ Грецію изъ Сициліи. Она игралась двумя различными способами, съ многочисленными варіаціями. Одинъ изъ нихъ назывался κότταβος καταχτὸς. Объясненіе его представляетъ весьма много затрудненій. Вотъ самое понятное изъ дошедшихъ до насъ объясненій: ставился высокій шестъ или палка (χάραξ), на верху которой находилось коромысло (ζυγὸς) съ висѣвшими на концахъ чашками (πλάστιγγες); подъ каждой чашкой ставилось по маленькой металлической фигуркѣ. Задача заключалась въ томъ, чтобы выплеснуть изо рта или изъ кубка вино или воду прямо въ одну изъ чашекъ такъ, чтобы она, наполнившись, опустилась внизъ и ударилась со звономъ о голову стоящей подъ ней фигурки, затѣмъ, приподнятая опять вверхъ, вслѣдствіе противовѣса другой чашки, заставила бы эту другую въ свою очередь также опуститься и со звономъ удариться о стоящую подъ нею другую фигурку и т. д. Этотъ

— Да, коттабосъ, вскричали всѣ, и слово это, словно электричество, привело все общество въ движеніе.

— Ну, Хариклъ, воскликнулъ Ктезифонъ, вѣдь это игра сицилійская, ты долженъ играть лучше насъ всѣхъ.

— Да, я умѣю играть, отвѣчалъ онъ, но, можетъ быть, игра эта болѣе любима здѣсь, въ Аѳинахъ, чѣмъ у себя на родинѣ.

— Какъ же мы будемъ играть—съ чашечками или съ Маномъ?

— Съ Маномъ, рѣшилъ Главконъ, тутъ можно лучше выказать свое искусство.

По серединѣ круга былъ поставленъ высокій канделябръ; на немъ висѣли вѣсы съ чашкою, которая, опускаясь, должна была касаться головы стоявшаго подъ нею Мана. Главконъ подошелъ, держа въ рукѣ до половины выпитый киликсъ.

— Прекрасному Агатону! воскликнулъ онъ, и выплеснулъ остатокъ вина въ чашку.

способъ можетъ быть усложняли еще тѣмъ, что подъ обѣ чашки ставили сосуды, наполненные водою, и вышеупомянутыя фигурки помѣщали подъ водою. Отъ этого игра становилась труднѣе, такъ какъ чашка должна была опуститься съ гораздо большею скоростью, чтобы удариться о стоявшую подъ водой фигурку. Иногда употребляли только одну чашку и одну фигурку. Фигурка называлась Маномъ (Μάνης). Другой способъ δἰοξυβάφων представляетъ менѣе трудностей для объясненія. Ставился большой сосудъ съ водою, на поверхности котораго плавали маленькія пустыя чашечки и т. п. Въ нихъ старались выплеснуть вино такъ, чтобы онѣ, наполнившись, погрузились въ воду. Κόττυβος называли нетолько самую игру, но и игральный снарядъ, а также и выплескивавшееся вино. Эта игра имѣла значеніе оракула любви.

Но лишь нѣсколько капель попали въ нее, такъ что она только откачнулась въ сторону.

— Нѣтъ, онъ меня не любитъ, промолвилъ онъ, печально возвращаясь на свое мѣсто.

— Надо стараться выплеснуть все вино сразу, сказалъ Ктезифонъ.

Онъ взялъ кубокъ, и, какъ мячъ, полетѣла кверху брошенная влага и, падая, наполнила всю чашу, такъ что она низко опустилась и, долго колеблясь, нѣсколько разъ звонко ударялась о бронзовый черепъ фигурки. Игра продолжалась, и всѣ поочередно принимали въ ней участіе. Однимъ удавалось, другимъ нѣтъ. Наконецъ и Главкону посчастливилось получить лучшее предсказаніе относительно любви его мальчика, но Ктезифонъ попадалъ лучше всѣхъ.

— Да, сказалъ Главконъ, онъ бросаетъ вино лучше, чѣмъ пьетъ; но теперь мы таки заставимъ его пить. Подайте большой кубокъ, который бы вмѣщалъ въ себѣ по крайней мѣрѣ десять кіатосовъ, принесите также и вѣнокъ на грудь. Мы будемъ пить всѣ въ круговую, что за бѣда, коли мы хватимъ немного черезъ край. Земля пьетъ, растенія пьютъ, и какъ роса небесная ихъ освѣжаетъ, такъ веселитъ нашъ духъ вино. Оно усыпляетъ заботы, подобно тому, какъ усыпляютъ человѣка сокъ мака и мандрагоръ, и возбуждаетъ веселость также, какъ масло оживляетъ огонь.

Принесли большую чашу. Главконъ взялъ ее и, обратясь на право, сказалъ:

— Ктезифонъ, пью за нашу дружбу и любовь, и залпомъ, не переводя духа, осушилъ чашу.

— Конечно такимъ образомъ ты заставляешь меня измѣнить моему намѣренію, отвѣчалъ Ктезифонъ.

— Я дамъ тебѣ отличный совѣтъ, крикнулъ ему Стефанъ, не робѣй: сегодняшній хмѣль мы прогонимъ завтра другимъ.

— Стоитъ только ѣсть горькій миндаль, увѣрялъ Эвктемонъ, и будешь въ состояніи пить очень много, это самое лучшее средство.

Заздравные тосты продолжались; общество стало шумнѣе. Многіе велѣли подать себѣ рога. Навзикратъ обнималъ одну изъ флейтщицъ, другая била въ барабанъ, стоя на колѣняхъ передъ Калликломъ. Коттабосъ былъ забытъ.

Все это время танцоровъ не было въ залѣ, но вотъ явился содержатель труппы и объявилъ, что будетъ исполненъ мимическій танецъ. Елена приметъ Париса у себя въ таламосѣ и, склонясь на его убѣжденія, рѣшится бѣжать съ нимъ. Внесли богатое ложе, а затѣмъ, въ одеждѣ невѣсты, вошла и сама Елена. Выраженіе ея лица и каждое ея движеніе изобличали безпокойство и душевную борьбу; было ясно, что она ждала любимаго человѣка. Граціозно опустилась она на пурпуровое покрывало своего ложа; когда же раздались звуки флейты, игравшей фригійскую мелодію, и возвѣстили приближеніе Париса, безпокойство ея замѣтно возросло; молодая грудь подымалась выше; она не встала, не пошла къ нему навстрѣчу, но видно было какъ трудно ей побѣдить томительное желаніе и остаться на ложѣ. Съ выраженіемъ самой нѣжной любви подошелъ къ ней, танцуя, Парисъ. Онъ сѣлъ на ложе и

нѣжно обвилъ рукою ея прелестный станъ. Когда же она, стыдливо, но страстно обняла его и отвѣтила на его поцалуй, зрители были не въ состояніи сдерживать долѣе свои чувства; произошло всеобщее смятеніе; всѣ клялись, что это не представленіе, а дѣйствительность, что дѣвушка и мальчикъ любятъ другъ друга и на самомъ дѣлѣ. Всякій желалъ бы быть на его мѣстѣ, и многіе лишь съ трудомъ удержались, чтобы не послѣдовать за парою, которая удалилась, нѣжно обнявшись.

— Рабъ, мои подошвы! крикнулъ Навзикратъ.

— Куда ты? спросилъ его Лизитлъ.

— Куда же, какъ не къ Антифилѣ, отвѣтилъ онъ: развѣ можно думать теперь о чемъ-нибудь иномъ.

Подобныя же чувства пробудились, по видимому, и въ другихъ; только Главконъ, Эвктемонъ и Стефанъ заявили, что не уйдутъ изъ дома, пока не будетъ выпитъ весь кратеръ. Всѣ остальные поднялись.

— Зажигайте факелы и свѣтите, приказалъ Лизитлъ.

— Благодарю тебя, сказалъ Хариклъ, протягивая ему руку, моимъ вѣнкомъ я украшу Герму передъ твоею дверью.

3

РИС. 8. АѲИНА-ПРОМАХОСЪ РАБОТЫ ФИДІЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Кораблекрушеніе.

Въ послѣднихъ числахъ Гекатомбеона, рано утромъ, когда солнце, только что поднявшись надъ зеркаломъ моря, озарило своими первыми лучами верхушки Акрополиса и высокую статую богини-покровительницы, гордо смотрѣвшей съ высоты на пробуждающуюся у ногъ ея жизнь, въ гавани Аѳинъ снялся съ якоря великолѣпный корабль, лучше котораго не было ни одного на рейдѣ Пирея. Не смотря на свою необыкновенную величину и чрезвычайно солидную постройку, онъ скользилъ легко и проворно по поверхности водъ; дружно работали весла въ мощныхъ рукахъ гребцовъ, затянувшихъ простую, незатѣйливую корабельную пѣсню. Свѣжій сѣверо-восточный вѣтеръ приносилъ имъ желанную во время жаркой работы прохладу и надувалъ бѣлый парусъ, который, словно грозное облако, несся надъ бездной морской. Уступая напору, морскія волны разступались передъ глубоко бороздящимъ килемъ и, омывая пестрые рисунки борта, взлетали иногда до золотой

Ѳетиды [1]), стройная фигура которой украшала переднюю часть охраняемаго ею и носившаго ея имя корабля. Владѣлецъ судна, гераклеотскій купецъ, весело расхаживалъ по палубѣ. Онъ выгодно продалъ въ Аѳинахъ свой грузъ зерна и везъ теперь въ Понтъ масло и произведенія аѳинской промышленности. Въ настоящее время онъ плылъ въ Хіосъ, чтобы закупкою вина пополнить свой грузъ, но дорогою намѣренъ былъ остановиться у Андроса, частью для того, чтобы высадить нѣкоторыхъ изъ своихъ пассажировъ, частью же, чтобы запастись превосходною водою, которою славился этотъ скалистый островъ.

— Вотъ удачная поѣздка, думалъ онъ, и мысленно вычислялъ уже, сколько получитъ прибыли за покрытіемъ издержекъ по постройкѣ новаго корабля.

Ясное небо и перспектива скораго переѣзда были причиною отличнаго расположенія духа и всѣхъ путешественниковъ, плывшихъ на кораблѣ; они наслаждались прекраснымъ утромъ и полною грудью вдыхали свѣжій морской воздухъ. Кое-гдѣ слышны были голоса, вторившіе однообразной мелодіи гребцовъ, или мѣрные удары ноги, сопровождавшіе пѣніе.

У задней части корабля, гдѣ штурманъ опытной ру-

[1]) Ѳетида была одна изъ Нереидъ. Зевесъ пожелалъ на ней жениться, но ему было предсказано, что отъ союза этого родится сынъ, который могуществомъ превзойдетъ отца. Тогда Зевесъ выдалъ Ѳетиду замужъ за Пелейя и отъ этого брака родился знаменитый герой Ахиллъ. Послѣ рожденія сына Ѳетида вернулась снова къ Нереидамъ. Передняя часть греческихъ торговыхъ кораблей украшалась обыкновенно изображеніемъ какого-нибудь божества покровителя, по имени котораго называлось и самое судно.

кою управлялъ рулемъ, стояло двое молодыхъ людей, любовавшихся кораблемъ. Рядомъ съ ними стоялъ третій, который былъ менѣе веселъ и смотрѣлъ съ тоскою на постепенно удаляющійся городъ.

— Отличный корабль, сказалъ одинъ изъ нихъ; онъ имѣетъ около четверти стадіи въ длину, а его подводная часть, говорятъ, равняется почти его ширинѣ. Посмотри на эту исполинскую мачту, на могучіе паруса и превосходныя снасти! При всемъ томъ онъ движется также проворно, какъ рыбацкій челнокъ.

— Во всякомъ случаѣ, возразилъ другой, мы хорошо сдѣлали, что отложили наше путешествіе на нѣсколько дней, а не ввѣрили своей жизни ненадежному судну византійца. Хозяинъ этого корабля мнѣ нравится болѣе; его особа внушаетъ мнѣ гораздо больше довѣрія; а вѣдь на морѣ далеко не безразлично то, находишься ли въ рукахъ порядочнаго человѣка или мошенника, который, въ минуту опасности, думаетъ лишь о себѣ и ради своихъ выгодъ жертвуетъ жизнью всѣхъ прочихъ.

— Да, мнѣ также кажется, что онъ человѣкъ порядочный, сказалъ первый; но окажется ли онъ таковымъ въ минуту опасности, это еще вопросъ. Тутъ разрушаются весьма часто самыя крѣпкія узы дружбы; чувство самосохраненія уничтожаетъ всякую способность разсуждать, а любовь къ жизни заглушаетъ всякое чувство къ ближнему.

— По правдѣ сказать, прервалъ его третій, обратясь къ разговаривавшимъ, я чистѣйшій дуракъ, что вздумалъ подвергать себя такъ, здорово живешь, всѣмъ опасно-

стямъ и трудностямъ морскаго путешествія. Ты, Хариклъ, расчитываешь получить съ твоего кредитора въ Андросѣ порядочную сумму денегъ; Ктезифона ожидаетъ въ Хіосѣ другъ, съ которымъ онъ отправляется въ Родоссъ на большой праздникъ Геліоса [2]), гдѣ онъ надѣется получить награду за свою силу и ловкость; я же ѣду за дѣвушкой, находящейся въ рукахъ алчнаго торговца рабами, расчитывающаго продать ее за сумму бо̀льшую, чѣмъ я былъ въ состояніи предложить ему; но неудобства морскаго путешествія являются сильнымъ противувѣсомъ моей страсти, и хуже всего то, что, благодаря нашей медленности, мы опоздаемъ и Антифила успѣетъ между тѣмъ попасться въ руки какого-нибудь счастливаго соперника.

— Утѣшься, Навзикратъ, сказалъ, улыбаясь, Хариклъ, завтра рано утромъ мы можемъ быть въ Андросѣ; и хотя предстоящія Этезіи [3]) помѣшаютъ нѣсколько твоему дальнѣйшему путешествію, но все-таки, съ помощью Эроса [4])

---

[2]) Почитаніе Геліоса (солнца) было распространено во многихъ мѣстахъ Греціи, особенно же на островѣ Родоссѣ, который по преданію, при раздѣлѣ земли между богами, достался въ удѣлъ Геліосу. Тутъ же находилась знаменитая статуя бога солнца, извѣстная впослѣдствіи подъ именемъ Колосса Родосскаго. Ежегодно въ Метагеитніонѣ мѣсяцѣ былъ здѣсь праздникъ Геліоса.

[3]) Этезіями назывались у древнихъ Грековъ пассатные вѣтры, дующіе въ Греціи въ концѣ лѣта въ теченіе 40—50 дней.

[4]) Эросъ, извѣстный у насъ подъ именемъ Эрота, а еще чаще — Амура или Купидона, былъ сынъ Афродиты и Зевеса, Арея или даже Урана. Ему приписывали особенную власть надъ сердцами людей и боговъ.

и его матери Эвплои [5]), ты будешь черезъ нѣсколько дней снова въ объятіяхъ твоей Антифилы.

Между тѣмъ «Ѳетида» пронеслась быстро мимо береговъ Аттики. Солнце поднялось выше и бывшее на палубѣ общество путешественниковъ собиралось завтракать. Три друга стали также подумывать объ этомъ; но прошло не мало времени прежде, чѣмъ Навзикратъ окончилъ свои сборы. Въ то время какъ прочіе безъ дальнѣйшихъ церемоній расположились просто на доскахъ корабля, сопровождавшіе его два раба должны были распаковать покрывало, разостлать великолѣпный коверъ и положить подушку. Но тутъ оказалось, что солнце печетъ слишкомъ сильно и поэтому пришлось перенести ложе въ тѣнь, бросаемую парусомъ; наконецъ онъ пристроился по возможности удобно и приступилъ къ завтраку.

Веселые разговоры помѣшали путешественникамъ замѣтить, что плаваніе становилось постепенно медленнѣе. Свѣжій вѣтеръ, надувавшій до сихъ поръ парусъ, стихъ; былъ полдень и наступилъ полнѣйшій штиль. Парусъ повисъ совершенно на мачтѣ и только могучіе удары веселъ подвигали немного корабль впередъ. Блѣдная полоса на юго-западѣ небосклона, становившаяся все шире и шире, показалась подозрительною опытному штурману.

— Будетъ буря, сказалъ онъ подошедшему къ нему хозяину корабля; войдемъ въ Празію и переждемъ непогоду въ безопасной гавани.

Но Гераклеотъ былъ другаго мнѣнія.

---

[5]) Афродита εὔπλοια считалась особенною покровительницею мореплавателей.

— Будетъ только дождь и больше ничего, да и прежде, чѣмъ онъ начнется, мы уже успѣемъ по всѣмъ вѣроятіямъ достигнуть Эвбеи. Правь корабль живѣе впередъ, да будь готовъ, въ случаѣ надобности, свернуть въ Каристосъ. Впрочемъ, по моему, бояться нечего.

Штурманъ покачалъ сомнительно головою и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ оказалось, что онъ былъ совершенно правъ. Буря налетѣла съ неимовѣрною быстротою; такъ недавно еще совершенно ясное небо было теперь блѣдно-сѣраго цвѣта, а отдѣльные порывы вѣтра, нарушавшіе время отъ времени штиль, возвѣщали приближеніе бури. Штурманъ повернулъ корабль прямо на Эвбею; но было уже слишкомъ поздно. Съ страшною силою разразилась буря, вызывая на бой морскія волны, которыя, возмутясь въ свою очередь, подымались высоко надъ поверхностью и давали яростный отпоръ грозному нападенію. Мрачныя, черныя какъ ночь тучи покрыли все небо и превратили ясный день въ сумерки, озаряемыя время отъ времени яркимъ блескомъ сверкавшей на небѣ молніи. Напрасно старались рабы собрать паруса; имъ удалось сдѣлать это лишь съ одной стороны; но это разумѣется увеличило только опасность. Буря устремилась теперь со всею своею яростью на одну часть судна, которое, потерявъ вслѣдствіе этого равновѣсіе, погрузилось однимъ краемъ глубоко въ море, поднявъ свой другой край высоко надъ поверхностью его. Море бушевало все болѣе и болѣе яростно; горой вздымались волны; «Ѳетиду» бросало во всѣ стороны: она, то быстро погружалась въ бездну, то взлетала къ облакамъ. Трескъ мачтъ, шумъ

ударяющихся другъ о друга снастей, крикъ гребцовъ и вопли находившихся на караблѣ женщинъ увеличивали ужасъ этой сцены. Дождь лилъ ливмя, такъ что не было видно ни зги; никто не зналъ, въ какомъ направленіи идетъ корабль; всякій ожидалъ, что вотъ, вотъ онъ наскочитъ на какую-нибудь подводную скалу и разобьется въ дребезги. Страшный порывъ вѣтра налетѣлъ на мачту; она затрещала и сломилась.

— Течь, закричало нѣсколько голосовъ; бросайте грузъ за бортъ.

— Откройте кружки съ масломъ, чтобъ умилостивить море, крикнулъ кто-то.

Множество рукъ тотчасъ же принялось за дѣло; глиняныя кружки и ящики летѣли въ море. Уступая необходимости, хозяинъ корабля отдавалъ волнамъ и свое добро вмѣстѣ съ пожитками пассажировъ. Но когда, несмотря на это, корабль продолжалъ погружаться все глубже и глубже, онъ подалъ знакъ штурману, чтобы тотъ готовилъ лодку, и затѣмъ первый вскочилъ въ нее; за нимъ послѣдовалъ штурманъ и кто могъ изъ пассажировъ. Попавшіе въ лодку приготовились отрубить канатъ. Тогда произошла ужасная борьба между ними и тѣми, которые остались на караблѣ. Видя все свое спасеніе въ лодкѣ, эти послѣдніе всѣми силами старались помѣшать отрѣзать канатъ, толкали и били веслами и палками пытавшихся сдѣлать это. Эти же, въ свою очередь, опасаясь, что лодка затонетъ, если въ нее понасядетъ слишкомъ много народа, оборонялись не менѣе упорно. Въ эту минуту Ктезифонъ сильною рукою захва-

тилъ канатъ, на которомъ держалась лодка, и притянулъ ее плотно къ борту «Θетиды».

— Живѣе, Хариклъ, крикнулъ онъ и вскочилъ вслѣдъ за другомъ, увлекая съ собою и дрожавшаго Навзикрата.

Нѣсколько человѣкъ попытались послѣдовать за ними, но это удалось лишь не многимъ, остальные попадали въ море. Канатъ, перерубленный во многихъ мѣстахъ топорами, оборвался, и лодка отдѣлилась отъ корабля среди громкихъ проклятій оставшихся. Этимъ проклятіямъ суждено было скоро исполниться. Въ ту минуту, какъ «Θетида» погрузилась въ свою сырую могилу и замолкъ послѣдній крикъ отчаянія погибавшихъ, на лодку налетѣла исполинская волна и опрокинула ее, поглотивъ всѣхъ, кому не выпало на долю сомнительное счастіе ухватиться за какой-нибудь обломокъ погибшаго корабля.

На слѣдующій день взошло солнце и блѣдными лучами своими тускло освѣтило картину вчерашняго опустошенія, о которомъ достаточно свидѣтельствовали плавающіе обломки корабля и тѣла утопленниковъ. Буря миновала, но море все еще было неспокойно, и волны его, пѣнясь, разбивались о пустынныя скалистыя берега Эвбеи. Въ маленькой бухтѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ отъ бурнаго напора волнъ выступающими утесами, лежалъ на берегу, немного въ сторонѣ, безжизненный, повидимому, трупъ молодаго человѣка. На колѣняхъ передъ нимъ стоялъ рабъ, всѣми силами старавшійся посредствомъ тренія оживить его совершенно окоченѣвшіе члены. Онъ взглядывалъ повременамъ на блѣдное, прекрасное лицо юноши и утиралъ пѣну и соленую воду съ его пре-

красныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Въ то время, какъ онъ былъ такъ занятъ, вверху на скалѣ показалась какая-то фигура. Судя по одеждѣ и по находившимся при немъ сѣти и корзинѣ, это долженъ былъ быть рабъ, посланный своимъ господиномъ, чтобы наловить къ завтраку рыбы; онъ высматривалъ кстати, не принесла ли ему вчерашняя буря еще какой-нибудь другой добычи. Замѣтивъ внизу людей, онъ съ любопытствомъ спустился внизъ.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ раба, который былъ такъ погруженъ въ свое дѣло, что не замѣтилъ его приближенія.

— О, вскричалъ онъ, вскакивая, сами боги посылаютъ тебя. Вчера во время бури погибъ нашъ корабль, и насъ выбросило на землю на одномъ изъ его обломковъ. Отъ усталости и слишкомъ долгаго пребыванія въ водѣ, господинъ мой потерялъ сознаніе. Помоги мнѣ привести его въ чувство.

— Глупецъ, сказалъ рыбакъ, и ты не воспользуешься случаемъ, чтобы сдѣлаться свободнымъ. Оставь его, онъ спитъ превосходно; ступай себѣ куда хочешь. Сегодня ты спасешь ему жизнь, а завтра, быть можетъ, онъ надѣнетъ на тебя цѣпь или ошейникъ. Ступай, говорю тебѣ; такого случая вновь не представится [6]).

[6]) Случаи побѣга рабовъ были весьма не рѣдки; отдѣльные случаи встрѣчались постоянно, но число ихъ особенно увеличивалось въ военное время благопріятствовавшее какъ побѣгамъ, такъ и возстаніямъ. Число рабовъ въ Греціи было чрезвычайно велико. Такъ напр. при перечнѣ жителей Аттики, во времена Дмитрія Фалерскаго на 21000 гражданъ и 10000 метековъ, приходилось тамъ 400000 рабовъ. Что же касается до числа рабовъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ гражданамъ, то число это хотя и бывало иногда весьма значительно, но не достигало нико-

— Ты думаешь подобно многимъ, возразилъ рабъ; но сохрани меня Зевесъ, чтобъ я покинулъ моего господина, съ которымъ игралъ, будучи мальчикомъ и жилъ столько лѣтъ на чужбинѣ. Лучше имѣть хорошаго господина, чѣмъ быть свободнымъ только по имени, а на дѣлѣ вла-

гда размѣровъ встрѣчавшихся у Римлянъ. Лишь незначительная часть находилась при господахъ, какъ прислуга; большинство же работало, какъ земледѣльцы ремесленники и въ рудникахъ для своихъ господъ, или же для себя, но съ платою имъ извѣстной, опредѣленной части заработка. Положеніе греческихъ рабовъ было гораздо менѣе тягостно, чѣмъ положеніе рабовъ римскихъ, тѣмъ неменѣе однакоже обращались съ ними и смотрѣли на нихъ совсѣмъ иначе, чѣмъ на людей свободныхъ, а потому и наказанія, назначаемыя за проступки и преступленія ихъ были гораздо строже. Къ тѣлесному наказанію свободный человѣкъ присуждался лишь въ крайнемъ случаѣ, раба же подвергали этому наказанію постоянно. Самымъ обыкновеннымъ наказаніемъ, назначавшимся за бѣгство и за воровство, было клеймленіе, которое состояло въ томъ, что на лбу выжигался какой-либо знакъ. Нерѣдко надѣвали также цѣпи или ошейникъ. Всѣ эти наказанія могли быть налагаемы на раба его господиномъ, но смертная казнь въ Греціи не могла быть совершена надъ рабомъ безъ суда, по произволу хозяина, какъ то было въ Римѣ. Хотя опять-таки, человѣкъ, убившій своего раба, долженъ былъ только очистить себя отъ этого преступленія жертвоприношеніемъ. Убійство это считалось наравнѣ съ неумышленнымъ убійствомъ. Самое ужасное въ положеніи рабовъ было то, что они, считаясь неправоспособными, не могли сами ничѣмъ оградить себя отъ несправедливости и жестокаго съ ними обращенія. Единственнымъ средствомъ избѣжать жестокостей своего господина, было искать защиты въ Тезейонѣ или въ другомъ какомъ нибудь храмѣ, послѣ чего можно было принудить господина продать скрывшагося тамъ раба. Полную свободу рабы получали или отъ государства, за оказанныя услуги, какъ напр. за изобличеніе какого нибудь преступленія, хорошее поведеніе во время войны и т. п., причемъ, конечно владѣлецъ былъ всегда вознаграждаемъ, или когда самъ рабъ выплачивалъ господину, данную за него цѣну.

чить самое жалкое существованіе. Но оставимъ это; вѣроятно господинъ твой живетъ невдалекѣ.

— Да, отсюда не будетъ и стадіи, сказалъ рыбакъ, домъ его лежитъ вотъ за этимъ пригоркомъ.

— Бѣги же скорѣе, скажи ему, что одинъ благородный Аѳинянинъ потерпѣлъ здѣсь крушеніе, и попроси прислать вина и теплую одежду, поторопись только; ты щедро будешь вознагражденъ за свой трудъ.

Рыбакъ покачалъ головою; однакоже положилъ сѣть и корзину, и удалился.

Рабъ продолжалъ свое дѣло; ему казалось, что блѣдное лицо принимаетъ вновь жизненный оттѣнокъ. Онъ приблизилъ свое лицо къ носу и рту лежавшаго и положилъ руку ему на сердце.

— Дышетъ! вскричалъ онъ, радостно вскакивая, и сердце, хоть слабо, но все-таки бьется.

Онъ схватилъ горсть тиміана, растеръ его и поднесъ къ лицу молодаго человѣка. Тотъ пошевелился и, открывъ на мгновеніе глаза, снова закрылъ ихъ.

— Хариклъ! вскричалъ вѣрный рабъ, проснись!

Юноша снова открылъ глаза и попытался приподняться.

— Манъ, сказалъ онъ слабымъ голосомъ, ты здѣсь? гдѣ мы?

— На твердой землѣ, отвѣчалъ тотъ, мы спасены.

— А Ктезифонъ? спросилъ пробудившійся.

Рабъ отвернулся и молчалъ.

— Бѣдный Ктезифонъ, бѣдный Навзикратъ, говорилъ юноша съ горестью, и слезы катились по его щекамъ.

— Какъ знать, сказалъ Манъ; можетъ быть и они спаслись. Когда я втащилъ тебя на доску, на которой насъ принесло сюда, я видѣлъ, какъ они оба ухватились за обломокъ задней части корабля; онъ былъ на столько великъ, что могъ сдержать ихъ обоихъ.

— Ты спасъ мнѣ жизнь, Манъ, сказалъ господинъ, схвативъ руку своего слуги; ты будешь свободенъ, какъ только мы возвратимся въ Аѳины.

— Лишь въ такомъ случаѣ, если ты позволишь мнѣ остаться у тебя въ домѣ, возразилъ рабъ; но теперь думай только о себѣ. Позволь мнѣ свести тебя вотъ туда, тамъ солнце лучше грѣетъ.

Въ то время, какъ молодой человѣкъ съ помощью Мана пытался приподняться съ мѣста, возвратился рыбакъ. Онъ принесъ въ корзинѣ хлѣба и вина; два другіе раба слѣдовали за нимъ съ теплой одеждой и одѣялами. Человѣколюбивый владѣлецъ ближайшей виллы приказалъ привести потерпѣвшихъ крушеніе къ себѣ въ домъ, гдѣ велѣлъ поскорѣе приготовить ванну. Теплая сухая одежда и вино скоро возвратили жизнь и силы утомленнымъ членамъ Харикла, но онъ сидѣлъ молча, и сосредоточенно. Ему все представлялась картина вчерашней бури, и онъ съ грустью думалъ о томъ пробѣлѣ, который оставила въ его жизни гибель лучшаго друга. Между тѣмъ Манъ, также перемѣнивъ одежду и подкрѣпясь пищею, поднялся на выступъ скалы и сталъ смотрѣть на все еще волновавшееся море. Его взоръ остановился вдали на какомъ-то темномъ предметѣ, ко-

торый, казалось, приближался постепенно къ берегу, прибиваемый къ нему волнами. Онъ подозвалъ рыбака.

— Видишь ты тамъ что-нибудь? спросилъ онъ его.

— Кусокъ дерева, отвѣчалъ этотъ, можетъ быть обломокъ вашего корабля.

— Нѣтъ, возразилъ Манъ, начинавшій теперь яснѣе различать очертаніе предмета, это лодка. Неужели рыбаки отважились пуститься въ море, въ такую непогоду?

— Клянусь Посейдономъ, воскликнулъ рыбакъ, это какіе-нибудь безумцы; впрочемъ можетъ быть вчерашняя буря отнесла ее отъ берега въ море.

— Нѣтъ, вскричалъ Манъ, въ ней сидятъ люди; она плыветъ вовсе не по произволу волнъ, смотри: она направляется къ берегу.

Теперь лодка приблизилась настолько, что можно было видѣть ясно, что въ ней сидятъ три человѣка. Двое изъ нихъ гребли, а третій сидѣлъ между ними. Между тѣмъ къ разговаривавшимъ подошелъ Хариклъ и сталъ слѣдить, не спуская глазъ, за приближавшеюся лодкою. Смутная надежда, въ которой онъ боялся сознаться даже самому себѣ, держала его въ напряженномъ состояніи и заставляла удвоивать вниманіе. Лодка уже нѣсколько разъ пыталась причалить къ берегу, но волненіе постоянно отбрасывало ее. Но вотъ могучая волна провела ее лучше самаго искуснаго лоцмана мимо скалы, прямо къ мелкому мѣсту у берега. Тогда одинъ изъ нихъ, стоявшій у передняго конца лодки, выскочилъ изъ нея и, крѣпко ухвативъ ее за бортъ, подалъ руку другому, бывшему повидимому въ совершенномъ изнеможеніи; за нимъ по-

слѣдовалъ третій, и, выйдя изъ лодки, оттолкнулъ ее съ такою силою, что та, ударясь о скалу, разбилась въ дребезги. Затѣмъ всѣ трое благополучно добрались до берега.

— Это Ктезифонъ, вскричалъ Манъ.

— Ты думаешь? спросилъ Хариклъ, мнѣ тоже кажется.

— Да, это также вѣрно, какъ то, что ты Хариклъ, возразилъ слуга, и Навзикратъ съ нимъ. Скорѣй бѣгите туда, крикнулъ онъ рабамъ, и приведите ихъ, а не то они пойдутъ пожалуй въ другую сторону.

Манъ не ошибся. Когда лодка опрокинулась и изчезла въ волнахъ, Ктезифонъ и Навзикратъ ухватились за оторванный отъ корабля руль. Штурманъ также уцѣпился за него. Носясь такимъ образомъ по морю, всѣ трое провели самую мучительную ночь, ожидая ежеминутно, что какая-нибудь волна подхватитъ и сброситъ ихъ въ море. На разсвѣтѣ Ктезифонъ замѣтилъ невдалекѣ пустую рыбацкую лодку, которую вѣроятно оторвало бурею отъ берега, и унесло въ открытое море.

— Сами боги посылаютъ ее намъ во спасеніе, вскричалъ онъ и бросился въ море, мощною рукою прокладывая себѣ путь по волнамъ. Штурманъ послѣдовалъ за нимъ, и оба достигли благополучно лодки, въ которую удалось имъ взять и совершенно изнеможеннаго Навзикрата. Они должны были отказаться отъ попытки добраться до береговъ Аттики и, слѣдуя теченію волнъ, достигли берега Эвбеи. Къ своему удивленію и радости, они встрѣтили здѣсь друга, котораго считали погибшимъ, а въ гостепріимномъ домѣ нашли попеченіе и отдыхъ, въ

которомъ такъ нуждалось ихъ измученное тѣло. Изъ своего имущества они разумѣется не спасли ровно ничего.

— Нѣтъ берега болѣе скупаго, чѣмъ этотъ, сказалъ имъ знакомый съ мѣстностью хозяинъ; ненасытное море не возвращаетъ здѣсь никогда даже и обломковъ корабля. Нѣтъ недостатка только въ людяхъ, потерпѣвшихъ крушеніе, и сколько бы ихъ боги намъ не посылали, они всегда найдутъ здѣсь радушный пріемъ.

Два дня прожили друзья въ имѣніи. Погода прояснилась и они, отдохнувъ, стали совѣтоваться между собою, что имъ теперь предпринять.

— До Каристоса недалеко, сказалъ Ктезифонъ, лучше всего было бы нанять намъ барку и вернуться тотчасъ же въ Аѳины.

— Ни за какія деньги, вскричалъ Навзикратъ, я не хочу испытывать вторично долготерпѣнія Посейдона. Я буду искать кратчайшаго пути, и разъ что возвращусь въ Аѳины, ужъ конечно никогда болѣе не отважусь предпринять морское путешествіе. Если же я не сдержу своего слова, пусть богъ морей поступитъ со мною такъ, какъ чуть было не поступилъ теперь. Къ тому же вѣдь я не могу возвратиться въ Аѳины въ такомъ видѣ. Я потерялъ всѣ мои вещи и двухъ рабовъ; за одного изъ нихъ я заплатилъ пять минъ только въ предпослѣднее новолуніе. Но все это ничего въ сравненіи съ потерею моего персидскаго ковра. У меня нѣтъ теперь никакой одежды, въ которой можно было бы показаться, у васъ также. Вотъ что я вамъ посовѣтую: отсюда до Халкида всего два дня ѣзды; тамъ живетъ одинъ изъ моихъ дру-

зей, который останавливается у меня ежегодно во время Діонисій. Мы попросимъ его выручить насъ, одѣнемся и затѣмъ намъ останется сдѣлать самый кратчайшій переѣздъ.

Предложеніе показалось не дурнымъ и, хотя Ктезифонъ не могъ не улыбнуться, видя трусливость Навзикрата, онъ все-таки согласился, такъ какъ расчитывалъ найти въ Халкидѣ скорѣе всего случай продолжать свое путешествіе. Услужливый хозяинъ далъ имъ запряженную мулами повозку [7]) и самъ проводилъ ихъ нѣкоторую часть пути верхомъ.

Но Навзикрату пришлось обмануться въ своихъ надеждахъ. Другъ, на котораго онъ расчитывалъ, былъ въ отсутствіи; онъ отправился въ Эдепсосъ, мѣстечко, находившееся на разстояніи одного дня пути отъ Халкиды, чтобы пользоваться тамошними цѣлебными купаньями. Онъ долженъ былъ возвратиться дней черезъ десять или двѣнадцать; поэтому Хариклъ и Ктезифонъ совѣтовали немедленно переправиться въ Аѳины, но Навзикратъ былъ другаго мнѣнія.

— Я часто слышалъ отъ моего друга разсказы про

[7]) Объ экипажахъ Грековъ, употреблявшихся какъ во время путешествій, такъ и для ѣзды вообще, сохранилось весьма мало свѣдѣній. Не дошли до насъ даже ихъ названія; извѣстно лишь общее названіе ζεῦγος и ὄχημα. О формѣ, наружномъ видѣ и внутреннемъ устройствѣ ихъ почти ничего неизвѣстно. Можно только сказать, что они приспособлялись и для сидѣнья и для лежанья, были частью закрыты и корпусъ стоялъ иногда на четырехъ, иногда же на двухъ колесахъ. Экипажи вообще употреблялись весьма рѣдко, и если мужчины и даже женщины пользовались ими для ѣзды въ городѣ и его окрестностяхъ, то это порицалось какъ признакъ изнѣженности.

прелестную жизнь въ этомъ мѣстѣ купанья. Мы теперь такъ недалеко оттуда, что не побывать тамъ было бы непростительно. Послушайте: вотъ кольца, онѣ весьма цѣнны; я заложу ихъ [8]) чтобы имѣть возможность купить новую одежду, а затѣмъ, мы отыщемъ друга въ Эдепсосѣ.

Онъ говорилъ такъ убѣдительно и разсказывалъ такъ много о прелестяхъ Эдепсоса, что Хариклъ не могъ устоять, а Ктезифонъ, отыскавъ корабль, готовящійся къ отплытію не ранѣе, какъ черезъ два дня, не имѣлъ причины отказываться отъ этой поѣздки.

Дѣйствительно Эдепсосъ былъ мѣстечкомъ, въ которое стоило пріѣхать даже издалека. Оно имѣло очаровательное мѣстоположеніе, а частыя посѣщенія иностранцевъ вызвали постройку множества изящныхъ зданій. Окрестности его доставляли въ изобиліи всякаго рода дичь, а море, съ его глубокими чистыми бухтами, большой выборъ превосходнѣйшихъ рыбъ для самаго изысканнаго стола. Все это заставляло многихъ, даже вовсе не нуждавшихся въ цѣлительной силѣ теплыхъ ключей, пріѣзжать сюда нетолько съ острова Эвбеи, но и съ материка, единственно съ цѣлію провести пріятно время въ веселомъ обществѣ, пользуясь въ избыткѣ всевозможными удовольствіями. Мѣстечко это было болѣе всего оживлено въ концѣ весны, впрочемъ и теперь въ исходѣ лѣта здѣсь не было недостатка въ посѣтителяхъ.

---

[8]) Брать въ займы деньги подъ залогъ было у Грековъ вещью весьма обыкновенною. Въ залогъ принимали всякаго рода вещи, въ томъ числѣ и лошадей, но оружіе и земледѣльческія орудія принимать въ залогъ запрещалось.

Слѣдующее утро застало трехъ друзей на пути къ Эдепсосу. Навзикратъ, не будучи вообще любителемъ длинныхъ путешествій пѣшкомъ, терпѣлъ на этотъ разъ додольно охотно всѣ тягости этого путешествія, въ пріятномъ сознаніи своей безопасности на твердой землѣ и въ пріятномъ ожиданіи предстоявшихъ ему въ этомъ прославляемомъ мѣстечкѣ удовольствій. Было уже около полудня, когда они повстрѣчали носилки [9]), несомыя четырьмя рабами. За ними слѣдовали четыре другіе раба для смѣны первыхъ. Судя по наружному виду носилокъ, можно было предполагать, что сидѣвшій въ нихъ былъ человѣкъ весьма богатый. Вѣроятно это былъ какой-нибудь больной, напрасно искавшій исцѣленія у нимфъ Эдепсоса. Съ обѣихъ сторонъ носилокъ занавѣски были опущены, и носильщики старались ступать какъ можно осторожнѣе, избѣгая малѣйшаго сотрясенія. Путешественники прошли мимо и продолжали свой путь вдоль ручья, среди низкаго кустарника. Пройдя немного, они услышали невдалекѣ женскія голоса, которыя, шутя и смѣясь, разговаривали между собою. Они направились къ тому мѣсту, откуда неслись голоса, и вскорѣ увидѣли передъ собою самое очаровательное зрѣлище. Прелестная дѣвушка, такъ покрайней мѣрѣ казалось, сидѣла на берегу, опустивъ свои ножки

[9]) Употребленіе носилокъ перешло изъ Азіи въ Грецію довольно рано. Впрочемъ греческая εὐτέλεια не отличалась обыкновенно роскошью, свойственною восточнымъ носилкамъ. Носилки эти устраивались, какъ и у Римлямъ такъ, чтобы въ нихъ можно было лежать, и съ обоихъ боковъ имѣли занавѣски. Носильщиковъ было четыре. Носилками пользовались преимущественно женщины, мущины же пользовались ими лишь въ исключительныхъ случаяхъ.

въ журчащія волны ручья. За ней стояла рабыня и держала зонтикъ [10]), защищавшій ее отъ солнечныхъ лучей; другая, болѣе молодая рабыня стояла на колѣняхъ передъ своею госпожею и шутила безцеремонно съ нею. Нѣсколько поодаль, послѣ только что оконченнаго завтрака, рабъ укладывалъ разставленную на травѣ посуду, а невдалекѣ, на дорогѣ, стояла повозка, запряженная мулами, а возлѣ нея другой рабъ, судя по одеждѣ эвнухъ, разговаривавшій съ кучеромъ.

Какъ очарованные остановились всѣ трое, любуясь на дѣвушекъ, которыя, забывъ всякую принужденность, предавались весело и беззаботно своимъ забавамъ. Молодая рабыня, которая казалась скорѣе подругою своей госпожи, нарвала множество цвѣтовъ и высыпала ихъ къ ней на колѣна, шепнувъ ей что-то на ухо. Словно во гнѣвѣ схватила госпожа вышитую золотомъ сандалію, намѣреваясь ударить ею служанку, но башмакъ выскользнулъ у нея изъ рукъ и полетѣлъ прямо въ ручей. Громко вскрикнули дѣвушки, а Хариклъ, опомнясь, соскочилъ поспѣшно внизъ и схватилъ плавающую сандалію. Женщины закричали еще громче и хотѣли бѣжать, но Хариклъ уже стоялъ передъ красавицею. Въ

[10]) Одною изъ непремѣнныхъ принадлежностей греческой или покрайней мѣрѣ аттической женщины былъ зонтикъ (σκιάδειον), который несла за нею обыкновенно рабыня, а при праздничныхъ процессіяхъ дочь метека. Зонтики ихъ были совершенно схожи съ нашими. Ихъ употребляли иногда и мущины, что впрочемъ всегда порицалось. Позднѣе, вмѣсто зонтиковъ, женщины стали носить на головѣ такъ называемыя θολία, которыя можно сравнить съ нашими соломенными шляпами.

смущеніи и краснѣя, взяла она у него изъ рукъ мокрый башмакъ, напрасно пытаясь отыскать покрывало и верхнюю одежду, которыя были оставлены на мѣстѣ завтрака. Хариклъ былъ также смущенъ; ему казалось, что никогда еще не видывалъ онъ болѣе прелестнаго стана, болѣе очаровательнаго лица. Нѣжное выраженіе умѣряло отчасти живость и огонь ея глазъ; роскошные бѣлокурые волосы падали кольцами на шею, а тонкія брови ея были черны какъ смоль; нѣжный румянецъ ея щекъ возвышалъ бѣлизну лица, а ротъ походилъ на распускающійся розанъ; все въ ней дышало непреодолимой прелестью молодости. Счастливому Хариклу пришлось не долго полюбоваться ея красотою. На крикъ рабынь прибѣжала мужская прислуга, и женщины удалились тѣмъ поспѣшнѣе, что въ это время приблизились также Ктезифонъ и Навзикратъ. Хариклъ долго смотрѣлъ еще вслѣдъ за удаляющеюся повозкою. Ему хотѣлось идти за ней. Но Манъ прервалъ его мечты, сказавъ, что узналъ отъ кучера, что это было семейство богатаго Аѳинянина, стараго и больнаго, котораго несли на носилкахъ изъ Эдепсоса домой. Молодая женщина была его жена; имени больнаго онъ не узналъ.

— Такъ она замужемъ, сказалъ Хариклъ въ смущеніи.

— Да, и за старымъ, больнымъ человѣкомъ, прибавилъ Навзикратъ. Но эта женщина очаровательна! Клянусь Герой, она нѣжна и привлекательна, какъ Афродита, проворна и цвѣтуща, какъ Артемида. Вѣроятно въ таламосѣ ея матери стояли статуи обѣихъ богинь.

Друзья продолжали свой путь, но Хариклъ сталъ тихъ и задумчивъ; шутки его друзей были ему очевидно непріятны. Всѣ прелести Эдепсоса пропали для него. Какъ ни старался гостепріимный другъ о томъ, чтобы его гости провели время по возможности пріятно, Хариклъ на слѣдующій же день объявилъ, что намѣренъ проводить Ктезифона обратно въ Халкиду, а оттуда отправиться немедленно въ Аѳины. Навзикратъ уступилъ очень неохотно, такъ какъ въ удовольствіяхъ, здѣсь представлявшихся, онъ нашелъ вознагражденіе за испытанныя имъ бѣдствія.

— Я знаю твои дѣла, сказалъ онъ Хариклу съ досадою, красавица—вотъ магнитъ, который тянетъ тебя въ Аѳины. Но что тебѣ въ ней, вѣдь она замужемъ.

Румянецъ, вспыхнувшій на лицѣ Харикла, доказалъ ясно, что Навзикратъ былъ правъ, но онъ продолжалъ однакоже настаивать на томъ, что ему нельзя оставаться долѣе, и, уполномочивъ Ктезифона получить за него долгъ въ Андросѣ, возвратился на третій день самымъ кратчайшимъ путемъ, черезъ Авлиду, Деліонъ и Декелею домой въ Аѳины.

---

*

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Больной.

Прошло два мѣсяца съ тѣхъ поръ, какъ Хариклъ вернулся въ Аѳины; но беззаботная веселость, бывшая его спутницею на «Ѳетидѣ» не возвратилась съ нимъ. Съ помощью Форіона, онъ помѣстилъ свое состояніе въ вѣрныя руки и на весьма выгодныхъ условіяхъ; рабы были куплены и домъ устроенъ какъ нельзя лучше. Изящныя украшенія стѣнъ и потолковъ придавали чрезвычайно привѣтливый видъ комнатамъ, и заламъ, и всякому, приходившему къ нему казалось, что здѣсь живется отлично. Одинъ хозяинъ былъ недоволенъ и чувствовалъ себя одинокимъ среди этихъ пустыхъ комнатъ. Впрочемъ и въ кругу товарищей было ему невеселѣе; ему опротивѣла суматоха на рынкѣ, а кипучая жизнь въ гимназіяхъ нарушала его мечты; охотнѣе всего ходилъ онъ къ большому платану, и здѣсь въ пріятномъ уединеніи предавался своимъ мыслямъ.

— Ты любишь, шутя говаривали ему друзья, когда

въ его вѣнкѣ осыпались лепестки осенняго цвѣтка [1]). Бывало онъ встрѣчалъ подобныя замѣчанія смѣхомъ, теперь же эти шутки были ему непріятны, а румянецъ, выступавшій при этомъ на лицѣ доказывалъ ясно, что на этотъ разъ примѣта вѣрна; болѣе всего Хариклъ призадумывался надъ совѣтомъ даннымъ ему Форіономъ. Онъ показалъ ему устройство своего обновленнаго дома. Въ немъ не было забыто и помѣщеніе для женщинъ, такъ что можно было предположить, что сюда ждутъ ежечасно прибытія невѣсты.

— Ты устроилъ все превосходно, сказалъ Форіонъ, но этого недостаточно; теперь тебѣ нужно искать себѣ хорошей жены, которая бы охранила тебя отъ всѣхъ глупостей молодости и принесла благословеніе въ домъ твой. Выбери дѣвушку равную тебѣ по состоянію: не бѣдную, потому что въ противномъ случаѣ она не будетъ имѣть достойнаго положенія въ твоемъ домѣ, но также и не слишкомъ богатую, такъ какъ иначе ты рискуешь промѣнять свою независимость на ея приданое. Тебя здѣсь еще не знаютъ, поэтому предоставь мнѣ посвататься за тебя. У Пазія, сына моего брата есть дочь, прелестное, цвѣтущее дитя, дѣвушка скромная и хорошая хозяйка; если хочешь, то я поговорю о тебѣ.

Хариклъ промолчалъ. Онъ сознавалъ, что Форіонъ былъ правъ; онъ зналъ, что счастливый бракъ есть самое вѣрное средство изгнать изъ сердца образъ прекрасной незнакомки; но мысль, навѣкъ связать себя съ совершен-

[1]) Смотрѣли обыкновенно какъ на признакъ того, что человѣкъ влюбленъ, если въ его вѣнкѣ осыпались лепестки цвѣтовъ.

но неизвѣстной ему дѣвушкой, была противна его чувствамъ. Онъ сообщилъ планъ Форіона Ктезифону, который между тѣмъ успѣлъ вернуться изъ Родоса побѣдителемъ, съ вѣнкомъ изъ тополей. Ктезифонъ по видимому смутился и озадачился самымъ страннымъ образомъ; его отвѣты были до того уклончивы, что Хариклъ рѣшительно не могъ понять его поведенія. Съ другой стороны онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ честности Форіона, и если только тотъ желалъ этого союза, то теперь представлялся желанный случай доказать ему свою благодарность.

Погруженный въ подобныя мысли, проходилъ онъ однажды вечеромъ, на закатѣ солнца черезъ рынокъ въ Керамейкосъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сзади останавливаетъ его за платье. Онъ обернулся: передъ нимъ стояла пожилая рабыня и съ выраженіемъ страха и радости глядѣла на него.

— Хариклъ, вскричала она, милый Хариклъ! Ты ли это?

Теперь и онъ узналъ женщину: это была Манто, его нянька, которая въ эпоху бѣгства Хариноса осталась больною въ Аѳинахъ вмѣстѣ съ бо́льшею частью его рабовъ. Она разсказала Хариклу, что одинъ богатый гражданинъ, по имени Поликлъ, купилъ почти всѣхъ оставшихся слугъ его отца, а въ томъ числѣ и ее.

— Ты, вѣроятно помнишь его, онъ былъ большимъ другомъ твоего отца?

— Да, помню; я часто слыхалъ это имя, отвѣчалъ Хариклъ.

— И онъ также вспоминаетъ о васъ, продолжала

Манто; онъ тяжко боленъ и нѣсколько мѣсяцевъ уже лежитъ въ постели. Всѣ его сокровища не въ состояніи помочь ему; а вотъ мы, бѣдняки, при всей нашей бѣдности, здоровы, сказала она, отплюнувшись три раза [2]). Какъ онъ будетъ радъ, когда услышитъ, что ты снова здѣсь.

Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый потокъ вопросовъ, прерываемыхъ то смѣхомъ, то слезами радости. Хариклу пришлось бы долго разсказывать, не вспомни Манто, что ей надо нести скорѣе травы, которыя госпожа велѣла ей купить.

Поликлъ, по словамъ Манто былъ человѣкъ весьма состоятельный. Его помѣстья, его дома въ городѣ и въ Пиреѣ и множество рабовъ приносили ему большой доходъ, не требуя никакого труда; но все это составляло лишь незначительную часть его состоянія, заключавшагося главнымъ образомъ въ капиталахъ, частью лежавшихъ у трапецитовъ, частью розданныхъ въ долгъ на большіе проценты. Люди, знакомые ближе съ его дѣлами, полагали, что все его богатство превышало, пожалуй, пятьдесятъ талантовъ. Онъ оставался холостымъ до пятидесяти пяти лѣтъ, но тутъ онъ рѣшился исполнить послѣд-

[2]) Этотъ суевѣрный обычай πτύειν εἰς κόλπον имѣлъ двоякое основаніе. Вопервыхъ этимъ думали избѣжать мщенія Немезиды, въ томъ случаѣ, когда самодовольно величались передъ другими или питали и выражали чрезъ-чуръ смѣлыя надежды. Вовторыхъ дѣлали это также тогда, когда приходилось случайно увидѣть какого-нибудь трудно-больнаго, особенно же сумасшедшаго или страдавшаго эпилепсіею и вообще, когда приходилось быть свидѣтелемъ несчастія другаго. Этимъ полагали отвратить отъ себя подобную же участь.

нее желаніе своего умершаго брата и жениться на его единственной дочери, цвѣтущей шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ. Во время веселаго брачнаго пира съ нимъ сдѣлался ударъ, послѣдствіемъ котораго была долгая и мучительная болѣзнь. Всѣ средства были испробованы; опытный домашній врачъ, въ теченіи многихъ лѣтъ лечившій его и многіе другіе приглашенные для совѣта, напрасно исчерпывали все свое искусство; ни ихъ усилія, ни заботы Клеобулы, ухаживавшей за больнымъ, какъ самая нѣжная дочь, не могли возстановить разрушеннаго здоровья. Поликлъ, не довольствовался помощью внуковъ Асклепія [3]), онъ прибѣгалъ даже къ колдовству; спрашивалъ снотолкователей [4]), посылалъ на перекрестки ис-

---

[3]) Асклепій или Эскулапъ считался сыномъ Аполлона-Пэона и Корониссы, дочери царя Ѳессалійскаго. Отецъ Асклепія отдалъ его на попеченіе искуснаго врача Хирона, который воспиталъ ребенка и научилъ его тайнамъ врачеванья различныхъ недуговъ. Въ этомъ искусствѣ питомецъ Хирона превзошелъ скоро своего наставника. Онъ излечивалъ самые тяжелые недуги, исцѣлялъ чуть-ли не отъ смерти, чѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ Плутона. Снисходя на просьбу властителя ада, Зевесъ поразилъ молніей знаменитаго врача. По смерти Асклепія, ему стали воздавать въ Греціи божеское почитаніе. Всѣ врачи считались потомками божественнаго Асклепія, а медицина признавалась наукою божественнаго происхожденія. Оттого-то врачи и врачебная наука пользовавшись въ Греціи гораздо большимъ уваженіемъ, чѣмъ въ Римѣ.

[4]) Однимъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ естественныхъ родовъ мантики (искусства предсказывать) было истолкованіе сновъ. Съ самаго Гомера и до послѣднихъ временъ язычества, мы постоянно встрѣчаемъ разсказы объ обращеніи къ снотолкователямъ ὀνειροπόλοι, ὀνειροκρίται или ὀνειρομάντεις), за разъясненіемъ сновъ и объ обрядахъ, которыми старались предотвратить предсказанное сномъ несчастіе.

купительныя жертвы [5]); призывалъ старыхъ женщинъ, которыя умѣли будто посредствомъ амулетовъ и заговоровъ исцѣлять болѣзни. Самъ онъ проводилъ цѣлые дни и ночи въ Храмѣ Асклепія [6]), тщетно надѣясь на исцѣленіе. Наконецъ, примѣръ счастливаго выздоровленія отъ подобной болѣзни послѣ купанья въ Эдепсосѣ, заставилъ его рѣшиться прибѣгнуть къ этому послѣднему средству. Но и Нимфы отказали ему въ исцѣленіи, и теперь врачъ объявилъ, что скоро больному не понадобится больше никакихъ травъ, кромѣ селдерея [7]).

На другой день утромъ, Хариклъ только что собрался выйти изъ дому. Наканунѣ рѣшилъ онъ жениться и теперь хотѣлъ просить Форіона посвататься за него. Въ эту минуту посланный Поликломъ рабъ, постучался у его двери. Несмотря на свою слабость, больной обрадовался, услышавъ, что сынъ его давнишняго друга вернулся въ Аѳины и велѣлъ сказать ему, что желалъ бы очень повидать его еще передъ смертью, которая, полагалъ онъ, была уже недалека. Могъ ли Хариклъ отказаться. Самое приглашеніе доказывало уже столько дружескаго расположенія. Онъ обѣщалъ быть.

— Ты бы лучше сдѣлалъ, еслибъ пошелъ со мною,

---

[5]) Въ Греціи было чрезвычайно распространено вѣрованіе въ возможность устраненія болѣзней и другихъ золъ, посредствомъ *καθάρματα*, приносимыхъ на перекрестки дорогъ.

[6]) Подобные примѣры встрѣчаются довольно часто, и въ храмахъ Асклепія были даже устроены жилища для больныхъ.

[7]) Зелень селдерея (*Σέλινον*, apium) употреблялась преимущественно для украшенія надгробныхъ памятниковъ.

сказалъ рабъ. Мой господинъ очень слабъ, а теперь какъ разъ собрались у него друзья.

— Хорошо, отвѣчалъ Хариклъ, который радъ былъ случаю отложить рѣшительный шагъ еще на нѣкоторое время. Ступай впередъ, я иду за тобою.

Они пришли къ дому Поликла. У отворенной двери стоялъ рабъ, чтобы слишкомъ сильный стукъ въ дверь не обезпокоилъ больнаго. Хариклъ вошелъ. Роскошь въ домѣ подтвердила разсказы Манто о богатствѣ ея господина; все здѣсь доказывало громадное состояніе этого человѣка. Даже въ комнатѣ больнаго, у входа въ которую онъ остановился, дожидая позволенія войти, вся утварь отличалась необыкновеннымъ великолѣпіемъ. Дорогой пестрый вавилонскій коверъ служилъ занавѣсью двери. Постель [8]) больнаго была покрыта милетскими, пурпуро-

---

[8]) Ложе человѣка богатаго устроивалось слѣдующимъ образомъ: кровать (κλίνη) состояла изъ четырехъ жердей или палокъ, скрѣпленныхъ вмѣстѣ и лежащихъ на ножкахъ. Спинка была только съ одной стороны, въ изголовьи; кровати съ двумя спинками встрѣчались только какъ исключеніе. Κλίνη дѣлались обыкновенно изъ дерева, нерѣдко изъ дорогаго, какъ напримѣръ изъ клена или бука. Существовали также и металлическія клины. Ножки клины дѣлались весьма часто изъ слоновой кости или изъ благороднаго металла. На клину натягивалась тесьма, называвшаяся κειρία или просто веревки. На нихъ клали матрацъ. Матрацъ (κνέφαλλον) былъ обтянутъ полотномъ, шерстяною матеріею или же кожею, и набитъ по большей части шерстью. На матрацъ стлали покрывала, имѣвшія весьма разнообразныя названія, и клали подушки. Всѣ ложа, какъ тѣ, на которыхъ спали ночью, такъ и тѣ, на которыхъ сидѣли днемъ и возлежали за обѣдомъ, были одинаковаго устройства, съ тою только разницею, что послѣднія отличались, конечно, большею роскошью; роскошь эта высказывалась преимущественно въ покрывалахъ и подушкахъ. Ночью завертыва-

выми покрывалами, а изъ подъ нихъ виднѣлись ножки кровати, точеныя изъ слоновой кости. Мягкія, пестрыя подушки, поддерживали голову и спину больнаго; на каменномъ полу, подъ кроватью, постланъ былъ, по азіатскому обычаю, мягкій коверъ. У постели стоялъ круглый столъ кленоваго дерева на трехъ бронзовыхъ козьихъ ножкахъ [9]). Въ углу комнаты, на великолѣпномъ, коринѳійской или сикіонійской работы, треножникѣ, стояла мѣдная жаровня, которая должна была нѣсколько согрѣвать прохладу осенняго воздуха. Вокругъ постели стояло нѣсколько стульевъ [10]) чернаго дерева, съ изящною золо-

---

лись въ покрывала, но было кромѣ того и особенное ночное платье. Зимой, вмѣсто покрывала, употребляли нерѣдко мѣха. Само собою разумѣется, что люди бѣдные имѣли ложа гораздо болѣе простаго устройства. Самый же низшій классъ народа и рабы спали просто на соломѣ, на шкурахъ животныхъ или на цыновкахъ.

[9]) Столы Грековъ были или четырехугольные, на четырехъ ножкахъ, или круглые и овальные на трехъ соединенныхъ между собою или же на одной ножкѣ (*τράπεζαι*, *τετράποδες*, *τρίποδες*, *μονόποδες*). Они похожи очень на наши столы, только гораздо ниже ихъ. Ножки триподовъ или только концы ихъ имѣли нерѣдко форму ногъ какого-нибудь животнаго. Столы дѣлались изъ дерева, въ особенности изъ клена, а также изъ бронзы, благородныхъ металловъ и слоновой кости.

[10]) У Грековъ были въ употребленіи три различные рода стульевъ. Первый и самый простой родъ стульевъ былъ *δίφρος*, низкіе, удобопереносимые стулья безъ спинки, съ четырьмя накрестъ или прямо стоящими ножками. Встрѣчались и складные дифросы, у которыхъ сидѣнье дѣлалось изъ переплетенныхъ ремней, и аѳинянинъ, выходя, обыкновенно заставлялъ раба нести за собою такой стулъ. Изъ вида дифроса съ прямо стоящими ножками, чрезъ прибавленіе спинки, развился второй родъ стульевъ, которые назывались *κλισμός*, *κλιντήρ* и *κλισίη*; они были весьма схожи съ нашими обыкновенными стульями. Наконецъ подъ словомъ *θρόνος* разумѣются тѣ большіе стулья, къ

тою инкрустаціею; на нихъ лежали подушки. На одномъ изъ стульевъ сидѣлъ врачъ, человѣкъ уже пожилой и серьезный, съ скромною, но полною достоинства наружностью. Его темные, но съ значительною просѣдью волосы и короткая борода, были тщательно причесаны и вмѣстѣ съ ослѣпительной бѣлизны одеждой, доказывали, что это былъ человѣкъ, привыкшій являться всегда до крайности прилично, хотя отнюдь не роскошно одѣтымъ, чтобы не произвести непріятнаго впечатлѣнія. Онъ положилъ свой простенькій ящикъ съ лекарствами и инструментами на стоявшій тутъ столъ, и правою рукою держалъ руку больнаго, чтобы по ударамъ пульса судить о состояніи болѣзни. Возлѣ врача стояли три друга дома; они не спускали съ него глазъ и старались, повидимому, прочесть на его лицѣ мысли. На постелѣ, въ ногахъ, скрываясь въ полумракѣ, сидѣла какая-то женская фигура; она не сводила глазъ съ больнаго. Врачъ слушалъ долго и молча, наконецъ опустилъ руку больнаго, не вы-

---

которымъ, кромѣ спинки, придѣлывали еще и ручки для облокачиванья. Въ храмахъ эти троны служили сидѣньями для боговъ, въ судахъ для судей, а въ домахъ они были почетными сидѣньями для хозяина дома и его гостей. Такъ какъ стулья эти были чрезвычайно тяжелы, то никогда не передвигались, а стояли постоянно вдоль стѣнъ комнаты. Троны эти въ частныхъ домахъ дѣлались изъ какого-нибудь тяжелаго дерева, въ храмахъ же, въ судилищахъ и т. п. тронъ дѣлался обыкновенно изъ мрамора и украшался различными орнаментами. Иногда встрѣчались троны и безъ спинки. Непремѣнною принадлежностью трона была скамейка (θρῆνυς). Она или вдѣлывалась совершенно между его двумя передними ножками, или же отдѣльно ставилась передъ нимъ. Сидѣнья всѣхъ описываемыхъ здѣсь стульевъ покрывались нерѣдко шкурами, или же мягкими подушками.

разивъ ни малѣйшаго опасенія, но и не подавая также и надежды. Въ эту минуту вошелъ рабъ, который привелъ Харикла и подойдя къ доктору, доложилъ ему о приходѣ молодаго человѣка и затѣмъ, получивъ разрѣшеніе, доложилъ о томъ и самому больному. Больной, протянулъ руку вошедшему Хариклу:

— Да будетъ радость съ тобою [11]), сынъ друга моего, сказалъ онъ слабымъ голосомъ; благодарю тебя, что ты исполнилъ мою просьбу, я былъ на праздникѣ, когда тебѣ давали имя, а тебѣ приходится стоять у моего смертнаго одра!

— Да будетъ радость и счастіе съ тобою, не смотря на твои жестокія страданія. Пусть боги превратятъ въ ясный день, мракъ ночи, окружающій теперь тебя!

— Нѣтъ, сказалъ Поликлъ, я не хочу обманывать себя. Я не изъ числа тѣхъ людей, которые въ минуту несчастія или страданій, призываютъ философовъ, чтобъ тѣ ихъ утѣшали. Скажи мнѣ лучше что нибудь о твоей семьѣ.

Молодой человѣкъ передалъ все пережитое его семьею со дня бѣгства. Больной нѣсколько разъ казался взволнованнымъ, такъ что наконецъ врачъ сдѣлалъ знакъ Хариклу, чтобы тотъ окончилъ свой разсказъ.

— Готово питье, которое я велѣлъ сдѣлать? спросилъ врачъ вошедшаго раба.

---

[11]) Обыкновенное привѣтствіе Грека χαῖρε, что значитъ «радуйся», «дабудетъ радость съ тобою», соотвѣтствуетъ нашему «здравствуй», но съ нимъ они обращались другъ къ другу какъ при встрѣчѣ, такъ и при разставаньи; это тоже что римское «salve» и «vale».

— Манто сейчасъ принесетъ его, отвѣтилъ тотъ.

— Зачѣмъ Манто? спросилъ Поликлъ а гдѣ Клеобула?

— Она вышла, когда доложили о приходѣ чужаго, возразилъ рабъ.

— Вѣдь это другъ дома, ей не зачѣмъ уходить; мнѣ пріятнѣе принимать лекарство изъ ея рукъ.

Рабъ пошелъ передать своей госпожѣ волю Поликла. Врачъ взялъ снова руку больнаго и всѣ присутствующіе отошли въ сторону. Одинъ изъ нихъ взялъ Харикла за руку и отвелъ его въ уголъ комнаты. Софилъ, такъ звали его, былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, шестидесяти; судя по наружности, онъ принадлежалъ къ числу людей, не только богатыхъ, но и чрезвычайно образованныхъ. Года положили свою печать на его челѣ; убѣлили его волосы, но его осанка и проворство во всѣхъ его движеніяхъ доказывали еще силу и крѣпость, а разговоры юношескую свѣжесть ума. Лицо его выражало удивительно много кротости, ума и привѣтливости и все его существо имѣло что-то особенно привлекательное, внушающее довѣріе. Онъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ разсказъ Харикла о несчастіяхъ его семьи и теперь смотрѣлъ, повидимому съ особеннымъ участіемъ на молодаго человѣка, разспрашивая его о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ его жизни.

Въ то время, какъ они тихо разговаривали между собою, занавѣска передъ дверью отпахнулась и въ комнату вошла Клеобула, въ сопровожденіи рабыни. Робко, какъ дѣвочка, почти съ смущеніемъ, смотрѣла она на стеклянную чашу, которую держала въ правой рукѣ, и, подойдя, къ

постели, подала больному супругу и дядѣ приготовленное ею питье, въ которое врачъ подмѣшалъ еще какое-то лекарство, изъ своего ящика. Затѣмъ, она поправила подушки и наклонилась надъ больнымъ, какъ бы желая спросить, не чувствуетъ-ли онъ облегченія своимъ страданіямъ. Всѣ присутствующіе любовались этой картиной дѣтской кротости и простоты; но болѣе всѣхъ былъ очарованъ Хариклъ. Разговаривая съ Софиломъ, онъ стоялъ спиною къ двери въ ту минуту, какъ вошла Клеобула, а она была до того занята больнымъ, что ни разу не обернула лица къ стоявшей за нею группѣ; но ея прелестная, дышащая молодостью фигура, разбудила въ сердцѣ его едва уснувшія чувства. Она напомнила ему красавицу у ручья. Тоже нѣжное сложеніе юношескихъ формъ, хотя теперь ихъ охватывала широкая, вся въ складкахъ одежда; тѣ же роскошныя, бѣлокурыя кудри, скрытыя теперь подъ золотой сѣткой, та же прелесть всѣхъ движеній, хотя настоящія обстоятельства и придавали имъ совершенно иное выраженіе. Врачъ нашелъ нужнымъ предписать больному ванну. Поликлъ устроилъ у себя въ домѣ купальню [12]), со

[12]) Въ Греціи купальни съ теплыми ваннами (*βαλανεῖα*) были или общественными (*δημόσια*, *δημοσιεύοντα*), или частными (*ἴδια*, *ἰδιωτικά*) заведеніями, если только эти послѣднія названія не относятся къ домашнимъ купальнямъ, которыя весьма часто устраивали богатые граждане въ своихъ домахъ лично для себя. Кромѣ того, какъ намъ уже извѣстно, были отдѣленія для купанья въ гимназіяхъ (см. примѣч. 16 къ гл. V). О внутреннемъ устройствѣ купаленъ дошло до насъ весьма мало свѣдѣній. Купанье заключалось въ томъ, что купающіеся, стоя вокругъ круглаго или овальнаго на одной ножкѣ таза, обмывали и обливали свое тѣло находящеюся въ немъ холодною водою, а также въ томъ, что они въ особенныхъ помѣщеніяхъ потѣли и па-

всѣми ея принадлежностями. Это была въ миніатюрѣ настоящая общественная купальня. Здѣсь была и комната для потѣнія, а въ ней стояла ванна для теплаго купанья. Эту-то комнату и нужно было теперь согрѣть и снести туда больнаго. Клеобула поспѣшила сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія и повернулась, чтобъ выйти изъ комнаты; взоръ ея упалъ на стоявшаго у двери Харикла. Она вздрогнула, словно увидѣла передъ собою голову Горгоны [13]) или какую-нибудь вышедшую изъ Гадеса тѣнь. Стеклянная чаша готова была упасть изъ ея рукъ, но докторъ успѣлъ вовремя схватить ее. Сильно покраснѣвъ и опустивъ глаза,

---

рились; для этой цѣли купающіеся садились или ложились въ стоявшія на полу или вдѣланныя въ него ванны; послѣ взятой ванны обливались обыкновенно холодной водою. Непремѣнною принадлежностью купальни была комната, гдѣ купающійся очищалъ себѣ тѣло чесалкою и смазывалъ его масломъ. Греки, относительно купаленъ, никогда не доходили до такой роскоши, какъ Римляне. Часто въ нихъ устраивались различныя увеселенія, какъ напримѣръ Коттабосъ и т. п. и мало по малу купальни стали мѣстомъ, гдѣ, какъ въ цирюльняхъ и другихъ заведеніяхъ собирались, чтобы поболтать о новостяхъ дня.

[13]) Горгонами назывались три сестры: Сѳено, Эвріала и Медуза. Послѣдняя изъ нихъ, Медуза, самая прекрасная и молодая изъ трехъ, чувствовала такое влеченіе къ Посейдону, что не побоялась въ храмѣ Аѳины заявить о своей страсти. Богиня, раздраженная такимъ оскверненіемъ ея храма, превратила въ змѣй прекрасные волосы Медузы. Съ тѣхъ поръ, Медуза стала на видъ страшнѣе и свирѣпѣе своихъ старшихъ сестеръ. Персей, заставши ее спящею, отважно приблизился къ ней и отсѣкъ ей голову. Подаренная Аѳинѣ, голова Медузы была укрѣплена богиней въ передней части ея Эгида; съ тѣхъ поръ передъ ея страшнымъ образомъ не могли держаться никакія силы въ бою: одинъ взглядъ на чудовище превращалъ смотрящаго въ камень.

поспѣшно прошла она мимо молодаго человѣка, который былъ пораженъ и смущенъ не менѣе ея и не разслышалъ вопроса, съ которымъ только что обратился къ нему Софилъ. Онъ былъ радъ, что нужно было оставить больнаго; подойдя къ постели, онъ пожелалъ ему выздоровленія и ушелъ, унося въ сердцѣ борьбу самыхъ противуположныхъ ощущеній.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Завѣщаніе.

Была одна изъ тѣхъ ненастныхъ ночей, которыя такъ обыкновенны въ началѣ Мэмактеріона. Вѣтеръ гналъ отъ Саламина къ Пирею черныя дождевыя тучи; изрѣдка сквозь нихъ проглядывалъ блѣдный серпъ убывающаго мѣсяца и тускло освѣщалъ далекіе храмы Акрополиса. На улицахъ гавани, обыкновенно столь оживленныхъ, царствовала глубокая тишина; только съ моря доносился шумъ волнъ, да скрипъ мачтъ, когда сильный порывъ вѣтра потрясалъ снасти немногихъ замѣшкавшихся на рейдѣ судовъ. Кое-гдѣ шатаясь и безъ свѣтильника [1]), пробирался изъ лавки винотор-

[1]) Вечеромъ и ночью Греки ходили по улицамъ съ свѣтильниками. Свѣтильникъ несъ обыкновенно шедшій впереди рабъ. Для этой цѣли употребляли по большей части факелы (δᾷδες, φανοί, δεταί, λαμπάδες, λαμπτῆρες). Факелы эти дѣлались изъ нѣсколькихъ связанныхъ въ пучекъ сосновыхъ или другихъ лучинъ, и для большей воспламеняемости смазывались смолою или другимъ горючимъ веществомъ. Кромѣ того употреблялись фонари, дѣлавшіеся изъ прозрачнаго рога. Фонари эти въ Аттикѣ назывались λυχνοῦχοι. Въ фонарь ставилась лампа. За неимѣніемъ фонаря употребляли иногда просто горшокъ или корзинку.

говца къ гавани, полупьяный матросъ; или же крался вдоль стѣнъ домовъ, какой-нибудь мошенникъ, точившій зубы на плащъ запоздалаго прохожаго, прячась осторожно за алтаремъ или статуей Гермеса, всякій разъ, что раздавался звонъ колокольчика дѣлавшихъ обходъ караульщиковъ [2]).

Въ маленькой комнаткѣ одного изъ самыхъ отдаленныхъ домовъ Пирея на низкомъ и короткомъ ложѣ, еле умѣщаясь на немъ, лежалъ молодой человѣкъ, довольно непривлекательной наружности. Его впалые глаза и щеки, не совсѣмъ пристойные жесты, поспѣшность, съ какою онъ то и дѣло осушалъ киликсъ, который держалъ въ правой рукѣ, и наконецъ грубыя шутки показывали ясно, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ безпутныхъ молодыхъ людей, которые привыкли убивать свой день, играя въ кости, а ночь проводить за безпорядочными пирами, среди забывшихъ стыдъ женщинъ. На столѣ передъ нимъ, рядомъ съ почти пустою кружкою, горѣла лампа [3]), достаточно освѣщавшая маленькую комнатку; тутъ же

[2]) Ночные патрули, περίπολοι, дѣлавшіе обходъ, забирали, по видимому, подозрительныхъ людей, которыхъ они встрѣчали на улицѣ. Эти περίπολοι имѣли при себѣ колокольчикъ, въ который звонили. На звонъ ихъ должны были отвѣчать всѣ слышавшіе его сторожа.

[3]) Лампа, λύχνος, была единственнымъ способомъ освѣщенія въ домѣ Грека. О восковыхъ и сальныхъ свѣчахъ упоминается уже гораздо позже, и онѣ извѣстны подъ римскимъ названіемъ κανδῆλαι. Лампы дѣлались обыкновенно изъ обожжоной глины или металла, и имѣли одно, два или нѣсколько отверстій для свѣтильни. Свѣтильня дѣлалась большею частью изъ листьевъ одного растенья, которое называлось φλόμος λυχνῖτις. Такъ какъ лампы были малы и низки, то ихъ ставили обыкновенно на подсвѣчникъ (λυχνίον), канделябръ Римлянъ.

стояли остатки скуднаго ужина и другой кубокъ, въ который время отъ времени наливалъ себѣ вино сидѣвшій противъ него на другомъ ложѣ рабъ. Между ними стояла шашечная доска. Рабъ въ раздумьи устремилъ на нее внимательный взоръ, противникъ же его смотрѣлъ, по видимому, довольно равнодушно. Игра была далеко неровная; перевѣсъ былъ очевидно на сторонѣ раба. Онъ сдѣлалъ ходъ, который поставилъ противника въ еще болѣе затруднительное положеніе.

— Глупая игра, вскричалъ молодой человѣкъ, смѣшавъ шашки; за ней приходится все только думать, а не выигрывать. Нѣтъ, я предпочитаю кости, прибавилъ онъ зѣвая. Однакожъ отчего нейдетъ Сосилъ? Ужъ вѣроятно за полночь, и по такой ужасной погодѣ я не пошелъ-бы добровольно изъ города въ гавань.

— Онъ отправился къ Поликлу, отвѣчалъ рабъ. Ему сказали, что больной не доживетъ и до утра, а Сосилъ, повидимому, принимаетъ въ немъ большее участіе.

— Я знаю, сказалъ молодой человѣкъ; но меня удивляетъ, зачѣмъ онъ какъ разъ теперь потребовалъ меня къ себѣ. Не могъ онъ развѣ сдѣлать это и завтра? А я долженъ былъ оставить веселую компанію для того, чтобъ скучать здѣсь и пить купленное на мои же деньги вино. Старый скряга не позаботился даже о томъ, чтобы было что выпить.

— Я знаю только одно, возразилъ рабъ, что мнѣ было приказано отыскать тебя, гдѣ-бы то ни было и привести сюда. Онъ сказалъ, что долженъ поговорить съ тобою непремѣнно сегодняшнюю же ночь.

— А между тѣмъ самъ нейдетъ. Скажи мнѣ, онъ вышелъ одинъ, безъ провожатаго?

— Нѣтъ, съ нимъ Сиръ, отвѣтилъ рабъ, повѣрь, съ нимъ ничего не случится. А впрочемъ, прибавилъ онъ улыбаясь, хотя бы даже онъ и не вернулся—что за бѣда; развѣ не ты его ближайшій родственникъ и наслѣдникъ? Два дома въ городѣ, этотъ, мѣняльная лавка и можетъ быть отъ пяти до шести талантовъ чистыми деньгами — наслѣдство не дурное.

Молодой человѣкъ покойно растянулся на ложѣ.

— Да, Молонъ, разъ что онъ отправится, то—...

Въ эту минуту кто-то сильно постучалъ у входной двери.

— Это онъ, сказалъ рабъ, поспѣшно схватилъ шашечную доску и свой кубокъ, поправилъ подушки и покрывало у ложа, на которомъ сидѣлъ, и сталъ возлѣ молодаго человѣка, какъ бы прислуживая ему.

Вскорѣ на дворѣ послышались шаги и грубый голосъ, дававшій рабу какое-то приказаніе; дверь отворилась и въ комнату вошелъ человѣкъ съ густою бородою и лицомъ болѣе мрачнымъ, чѣмъ серьезнымъ. На немъ, по спартанскому обычаю, былъ надѣтъ короткій плащъ изъ толстой зимней матеріи и спартанскіе башмаки; въ рукахъ онъ держалъ толстую палку, съ загнутою, въ видѣ кольца, ручкою. При видѣ посуды и болѣе обыкновеннаго освѣщенной комнаты, онъ позабылъ поздороваться съ гостемъ и гнѣвно подошелъ къ рабу.

— Мошенникъ! крикнулъ онъ, замахнувшись палкой. Зачѣмъ горятъ два огня у лампы и къ чему ты поста-

вилъ такія толстыя свѣтильни? Развѣ ты не знаешь, что и безъ того въ зиму выходитъ немало масла? А ты, Лизистратъ, сказалъ онъ, обратясь къ молодому человѣку, ты, кажется, превесело распиваешь здѣсь, у меня?

— Да, дядя, отвѣчалъ этотъ съ горечью, распиваю вино, взятое въ долгъ въ лавкѣ, такъ какъ твое на запорѣ. Ты видно полагаешь, что я долженъ ожидать тебя здѣсь полъ-ночи, даже не выпивъ ни капли?

— Я разсчитывалъ вернуться скорѣе, сказалъ старикъ нѣсколько мягче и озираясь вокругъ. Ступай, сказалъ онъ рабу, ты намъ не нуженъ, ложись спать.

Рабъ удалился. Сосилъ задвинулъ задвижку у двери и вернулся къ племяннику.

— Умеръ, сказалъ онъ, глубоко вздохнувъ; да, Поликлъ умеръ и оставилъ состояніе, болѣе чѣмъ въ шестьдесятъ талантовъ, безъ законнаго наслѣдника.

Племянникъ изумился.

— Намъ что-жъ до этого, сказалъ онъ, на нашу долю вѣдь ничего не выпадетъ?

— Вотъ въ томъ-то и заключается теперь весь вопросъ, возразилъ дядя. Лизистратъ, продолжалъ онъ, помолчавъ немного, отъ тебя зависитъ разбогатѣть.

— И я хочу этого, клянусь Діониссомъ, вскричалъ, смѣясь, племянникъ!

— Ты разбогатѣешь, если только сдѣлаешь то, что я потребую. Хотя мы и состоимъ нѣсколько въ родствѣ съ Поликломъ, такъ какъ моя покойная жена была сестрою матери Клеобулы, но это свойство, разумѣется, не

даетъ намъ никакихъ правъ на это наслѣдство. Но что, еслибы я сдѣлался наслѣдникомъ по завѣщанію?

— Ты думаешь по подложному, сказалъ въ раздумьи Лизистратъ; но какъ же ты сдѣлаешь это, не имѣя печати Поликла? И неужели ты полагаешь, что во время своей долгой болѣзни онъ не распорядился самъ своимъ состояніемъ?

Не говоря ни слова, старикъ пошелъ въ сосѣднюю комнату и принесъ оттуда замкнутый ящикъ, изъ котораго досталъ запечатанный пакетъ.

— Читай, сказалъ онъ, положивъ пакетъ передъ молодымъ человѣкомъ, что тутъ написано.

— Клянусь Діониссомъ, вскричалъ племянникъ, вскакивая съ ложа, да это завѣщаніе Поликла! Какимъ образомъ оно попало къ тебѣ?

— Самымъ простымъ, возразилъ дядя. Когда Поликлъ собирался ѣхать въ Эдепсосъ, здѣсь не было на мое счастье Софила, совсѣмъ опутавшаго его въ послѣднее время. Больной призвалъ меня, какъ родственника своей жены, и вручилъ мнѣ это завѣщаніе въ присутствіи трехъ поименованныхъ въ немъ свидѣтелей!

— Превосходно, вскричалъ Лизистратъ, такимъ образомъ ты, разумѣется, можешь теперь подмѣнить его другимъ, какимъ вздумаешь. Но все-таки тебѣ нужна его печать, а будешь ли ты въ состояніи поддѣлать ее?

— Нѣтъ, это было-бы слишкомъ опасно, возразилъ дядя; къ тому-же по надписи, сдѣланной на пакетѣ, ты можешь видѣть какъ характерны его буквы, писанныя

дрожащею рукою; поддѣлать ихъ кажется мнѣ невозможнымъ, да въ этомъ вовсе нѣтъ и надобности.

Онъ досталъ ножикъ, снялъ раковину, прикрывавшую печать, [4]) и сказалъ:

— Видишь, это печать Поликла; точно такая же находится и подъ подписью.

— Ну, а это что? спросилъ онъ, положивъ рядомъ съ печатью Поликла другую, висѣвшую на отрѣзанномъ снуркѣ.

— Такая же точно, клянусь Посейдономъ, вскричалъ удивленный Лизистратъ; но я все-таки ничего еще не понимаю.

— Ты сейчасъ все поймешь, сказалъ дядя.

Онъ взялъ ножъ, не задумываясь разрѣзалъ снурокъ, на которомъ висѣла печать, раскрылъ завѣщаніе и положилъ его передъ племянникомъ:

— Посмотри, сказалъ онъ съ злою усмѣшкою, что еслибы вотъ здѣсь, вмѣсто «Софилъ», стояло «Сосилъ»,

---

[4]) Прежде для запечатыванія употребляли только такъ-называемую печатную глину, позже наравнѣ съ глиною стали употреблять для этой цѣли и воскъ. Подлежавшая запечатанію бумага обвязывалась снуркомъ или же, можетъ быть, прокалывалась съ открытой стороны, и снурокъ пропускался черезъ эту дырочку; затѣмъ концы снурка соединялись, подъ нихъ и на нихъ клали немного глины или воска и надавливали печать. Есть основаніе предполагать, что печати, въ предохраненіе отъ порчи, вкладывались въ особаго рода футляры. На важныхъ документахъ, въ удостовѣреніе ихъ подлинности, независимо отъ того, подлежали-ли они запечатанію или нѣтъ, прикладывались печати и въ концѣ самаго документа. Поддѣлка печатей встрѣчалась, какъ кажется, весьма часто и уже въ давнія времена; о ней говорится въ законахъ Солона.

а тутъ на оборотъ, вмѣсто «Сосилъ», «Софилъ»! Вѣдь это было-бы не дурно.

Молодой человѣкъ читалъ съ удивленіемъ.

— Дѣйствительно, вскричалъ онъ, это была бы мастерская штука. И измѣнить-то нужно всего только одну букву, такъ какъ имена отцовъ случайно тѣ-же. Но печать? прибавилъ онъ, какъ могъ ты рѣшиться открыть завѣщаніе?

Старикъ взялъ снова таинственный ящикъ и вынулъ оттуда что-то въ родѣ печати.

— Приготовлять этотъ составъ научилъ меня одинъ умный человѣкъ, странствующій прорицатель. Если его положить мягкимъ на печать, то можно получить совершенно точный оттискъ ея, который вскорѣ затѣмъ становится твердъ какъ камень. Печать, которою было теперь запечатано завѣщаніе, уже раньше открытое мною, есть только слѣпокъ съ настоящей. Отличишь ли ты одну отъ другой?

— Нѣтъ, положительно нѣтъ, отвѣчалъ племянникъ.

— Слѣдовательно, продолжалъ старикъ, ты видишь, что запечатать снова завѣщаніе, когда буквы въ обоихъ мѣстахъ будутъ перемѣнены, ничего не стоитъ.

— Но какъ же я-то разбогатѣю отъ этого? замѣтилъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ Лизистратъ; обо мнѣ вѣдь въ завѣщаніи не говорится.

— Слушай, сказалъ дядя: наслѣдство завѣщается, какъ ты самъ читалъ, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы наслѣдникъ женился на вдовѣ умершаго—Клеобулѣ. Если же онъ на это не согласится, то долженъ удовольство-

ваться пятью талантами; но за нимъ остается право выдать вдову замужъ, за кого онъ захочетъ, давъ ей въ приданое все остальное состояніе.

— Я не рѣшусь жениться, не только потому, что уже старъ, но главнымъ образомъ потому, что видѣлъ разъ сонъ, предостерегавшій меня отъ этого. Мнѣ снилось, что я собираюсь жениться и пришелъ на сговоръ въ домъ невѣсты; но когда я захотѣлъ выйти изъ него, то дверь оказалась запертою и не было никакой возможности открыть ее. Два снотолкователя, у которыхъ я спрашивалъ объясненія, сказали мнѣ, что сонъ этотъ предвѣщаетъ мнѣ смерть въ день моего сговора. Этого, конечно, достаточно, чтобы отнять охоту жениться; но я выдамъ Клеобулу замужъ за тебя, если ты дашь мнѣ обѣщаніе тайно уступить половину всего состоянія.

Племянникъ подумалъ съ минуту:

— Раздѣлъ не совсѣмъ-то справедливъ, сказалъ онъ затѣмъ: ты берешь лишь одно наслѣдство, мнѣ же даешь въ придачу вдову.

— Глупецъ, возразилъ Сосилъ, вѣдь Клеобула красавица; ее взялъ бы иной и совсѣмъ безъ приданаго; къ тому же, вѣдь помимо меня ты ничего не можешь получить.

Поспоривъ нѣсколько, они порѣшили наконецъ на томъ, что тѣ пять талантовъ, которые приходились бы дядѣ сверхъ того—пойдутъ также въ раздѣлъ.

— Теперь дай сюда завѣщаніе, сказалъ старикъ. Вотъ этою губкою я осторожно сотру обѣ буквы; на та-

кой превосходной бумагѣ [5]) сдѣлать это легко. Смотри, онѣ ужъ еле видны. Эти чернила,—продолжалъ онъ, вынимая банку и палочку для писанія—совершенно такія же, какъ и тѣ, которыми написано завѣщаніе. Вотъ все и

---

[5]) Въ Греціи уже во времена Геродота была въ употребленіи бумага (βίβλος), приготовлявшаяся изъ египетскаго папируса. Употребленіе кожъ (διφθέραι), какъ матеріала для письма, встрѣчается также рано, если еще не раньше, какъ и употребленіе бумаги. Іонійцы, по словамъ Геродота, уже съ давнихъ временъ употребляли для писанья козьи и овечьи шкуры. Но лучшей отдѣлки этихъ кожъ достигли лишь во 2-мъ вѣкѣ до Р. Х. Изобрѣтеніе это было сдѣлано въ Пергамѣ, почему этимъ способомъ приготовленныя кожи и стали называться пергаментомъ (περγαμήνη). На папирусныхъ листахъ писали только съ одной стороны, на пергаментныхъ съ обѣихъ. Ихъ навертывали затѣмъ съ обоихъ концовъ на палочки и сохраняли въ цилиндрическихъ футлярахъ. Чернила для писанія приготовлялись изъ черной краски и сохранялись въ металлической чернильницѣ съ крышкою (μελανδόχου или πύξις). Къ чернильницѣ придѣлывалось кольцо, посредствомъ котораго можно было прикрѣплять ее къ поясу. Двойныя чернильницы служили вѣроятно для сохраненія черныхъ и красныхъ чернилъ, которыя были также въ большомъ употребленіи. Для писанія служилъ тростникъ (κάλαμος), который съ одного конца чинили, причемъ дѣлали на немъ раскепъ, точно также какъ на нашихъ перьяхъ. Писали лежа на клинѣ и положивъ листъ на согнутую ногу, или же сидя на низенькомъ стулѣ и положивъ листъ на колѣна. Кромѣ бумаги и пергамента для письма употреблялись еще досчечки, натертыя воскомъ (πίνακες, πινάκια, δέλτοι), на которыхъ писали посредствомъ палочки (στύλος, γραφεῖον), которая дѣлалась изъ металла или изъ слоновой кости, и была съ одного конца заострена, а съ другаго плоска. Этимъ плоскимъ концомъ стирали написанное и сглаживали воскъ. Нѣсколько подобныхъ досчечекъ скрѣплялись иногда вмѣстѣ въ видѣ книжки и составляли такъ—называемыя πολύπτυχοι δέλτοι. Эти досчечки употреблялись преимущественно въ школахъ, въ общежитіи же на нихъ писали письма, замѣтки и черновыя бумаги.

сдѣлано. Кто скажетъ, что здѣсь было написано что-нибудь другое?

— Превосходно, сказалъ племянникъ, ну а печать?

Старикъ тщательно сложилъ завѣщаніе, перевязалъ пакетъ, размягчилъ немного глины, приложилъ ее на концы снурка и нажалъ фальшивую печать.

— Вотъ, сказалъ онъ, развѣ замѣтно, что это другая печать?

— Я дивлюсь тебѣ, сказалъ Лизистратъ, сравнивая печати, ну, кому придетъ въ голову подозрѣвать тутъ подлогъ?

Шумъ, послышавшійся за дверью, испугалъ старика. Положивъ поспѣшно завѣщаніе и все остальное въ ящикъ, онъ отнесъ его въ сосѣднюю комнату и плотно заперъ дверь. Затѣмъ онъ взялъ лампу и пошелъ на дворъ, чтобы узнать причину шума.

— Ничего нѣтъ, сказалъ онъ возвращаясь, вѣроятно это вѣтеръ стукнулъ дверью. Уже скоро утро, Лизистратъ, пойдемъ ко мнѣ въ спальню, чтобъ отдохнуть немного.

Лишь только они удалились, въ комнату тихонько вошелъ Молонъ и сталъ шарить въ темнотѣ на одномъ изъ ложъ. Свѣтъ мѣсяца черезъ открытую дверь упалъ въ комнату и освѣтилъ ложе. Рабъ поспѣшно схватилъ какой-то предметъ, лежавшій въ складкахъ покрывала, и тихо вышелъ изъ комнаты съ такимъ выраженіемъ, которое ясно говорило, что только-что взятая имъ вещь имѣла для него громадную цѣну.

Утро застало всѣхъ въ домѣ умершаго, занятыми приготовленіями къ погребенію [6]). Глиняный сосудъ съ водою, стоявшій передъ входной дверью, возвѣщалъ всѣмъ прохожимъ, что смерть посѣтила этотъ домъ. Внутри дома женщины украшали и умащали благовоніями трупъ покойнаго. Неопытная, предавшаяся всецѣло своей скор-

Рис. 9. Украшеніе вѣнкомъ трупа Архемора.

би Клеобула просила Софила помочь ей въ хлопотахъ по устройству похоронъ, что впрочемъ онъ намѣренъ былъ сдѣлать и безъ ея просьбы.

Поликлъ былъ всегда для нея добрымъ дядею, относился къ ней постоянно съ любовью и исполнялъ всѣ ея желанія; поэтому, неудивительно, что она оплакивала

---

[6]) Первымъ дѣломъ покойнику клали въ ротъ оболъ, который онъ долженъ былъ заплатить Харону, перевозчику тѣней въ Гадесъ. Затѣмъ его умывали, одѣвали въ бѣлую одежду, умащали мазями и украшали цвѣтами. Все это дѣлалось близкими покойнику лицами, преимущественно женщинами. Цвѣты и вѣнки приносили или присылали обыкновенно родственники и друзья покойнаго. Для этой цѣли употреблялись всякіе цвѣты, преимущественно же, какъ кажется, зелень сельдерея. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ покойнику давали также медовый пирогъ (μελιτοῦττα). Убраннаго такимъ образомъ покойника

его теперь какъ отца и вполнѣ предалась исполненію своихъ грустныхъ обязанностей, въ чемъ помогала ей и ея мать. Она еще съ вечера послала за нею, такъ какъ дѣт-

---

клали на парадную клину и выставляли въ одной изъ комнатъ дома. Рядомъ съ клиною ставились раскрашенные глиняные сосуды, которые имѣли одно общее названіе—λήκυθοι. Такъ какъ домъ считался оскверненнымъ присутствіемъ покойника, то передъ дверью ставили сосудъ съ водою, дабы всѣ посѣщавшіе домъ могли при выходѣ очищаться. Вокругъ клины собирались родственники и друзья и оплакивали умершаго. Выставляли покойника на другой день послѣ его смерти, а погребеніе происходило на слѣдующій затѣмъ день. Впереди процессіи шелъ наемный хоръ мужчинъ (θρηνῳδοί), который пѣлъ погребальныя пѣсни, или же хоръ флейтщицъ; за нимъ слѣдовали родственники и друзья покойнаго. Затѣмъ несли клину съ покойникомъ, а за нею шли женщины. По закону Солона, провожать могли только самыя близкія родственницы и женщины, имѣвшія свыше 60 лѣтъ отъ-роду. Какъ мужчины, такъ и женщины, въ знакъ траура, надѣвали черныя и сѣрыя одежды и обрѣзали себѣ волосы. Выборъ мѣста, а также способъ погребенія зависѣли отчасти отъ состоянія умершаго, отчасти же отъ существовавшаго въ той мѣстности обычая. Въ самыя раннія времена покойника хоронили въ его собственномъ домѣ. Въ Аѳинахъ и въ Сикіонѣ, гдѣ близкое соприкосновеніе съ покойникомъ считалось оскверняющимъ, кладбища были расположены по большей части за городомъ. Родственникамъ разрѣшалось также хоронить умершаго въ его собственныхъ поляхъ. Въ Спартѣ и въ Тарентѣ кладбища помѣщались внутри города. Тѣла покойниковъ или сжигали и потомъ пепелъ ихъ клали въ сосуды или ящички и зарывали въ землю, или же просто зарывали въ землю несожженными. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ тѣло клали въ деревянный или глиняный гробъ или же въ высѣченную въ камнѣ гробницу. Въ прежнія времена было болѣе въ обыкновеніи сжигать трупы, чѣмъ хоронить несожженные. Позднѣе же напротивъ, по крайней мѣрѣ въ Аттикѣ, гдѣ было мало лѣса, и слѣдовательно сжиганіе труповъ было доступно только богатымъ. При огромномъ скопленіи труповъ, заставлявшемъ опасаться вредныхъ испареній, какъ напр. во время чумы или на полѣ сраженія, трупы сжигались. Сжиганіе облегчало

скій страхъ, развиваемый съ малолѣтства всевозможными сказками и исторіями о привидѣніяхъ, до того овладѣлъ ею, что она не была въ состояніи оставаться въ домѣ одна.

также перевозъ на родину останковъ людей, умершихъ на чужбинѣ. На могилѣ воздвигали каменный, нерѣдко резвычайно богатый памятникъ. На немъ дѣлались различныя вадписи; обыкновенно кромѣ имени писались и нѣкоторыя свѣдѣнія о жизни, наставленія оставшимся въ живыхъ, а также проклятія тѣмъ, кто вздумалъ бы осквернить могилу. Въ самую могилу вмѣстѣ съ прахомъ умершаго клали разные сосуды. Послѣ погребенія всѣ, провожавшіе тѣло, отправлялись въ домъ покойнаго, какъ бы въ гости къ нему, на похоронный обѣдъ (περίδειπνον). Три дня спустя, на могилѣ совершалось первое жертвоприношеніе (τρίτα), на девятый второе (ἔνατα) и наконецъ на тридцатый третье (τριακάς). Этимъ днемъ, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, оканчивалось время траура. Но у Грековъ, какъ и у насъ теперь, было въ обыкновеніи посѣщать въ извѣстные дни года могилы усопшихъ и приносить туда жертвы, состоявшія изъ кушанья и вина.

Трупы людей, убитыхъ молніей, оставались или совсѣмъ непогребенными, такъ какъ ихъ считали пораженными самимъ божествомъ, или же хоронились по крайней мѣрѣ не со всѣми, а на томъ же мѣстѣ, гдѣ ихъ убило. Приговоренные къ смертной казни преступники были также большею частью лишены погребенія. Въ Аѳинахъ существовало особое мѣсто, куда бросали подобные трупы. Но главнымъ образомъ отказывали въ погребеніи людямъ, измѣнявшимъ своему отечеству. Самоубійство, хотя и порицалось весьма строго и самоубійцамъ въ наказаніе отрубали правую руку, но тѣмъ неменѣе ихъ не лишали погребенія. Съ особенными обрядами совершалось погребеніе умершихъ насильственною смертью. Впереди погребальной процессіи несли копье, символъ того, что на родственникахъ лежала обязанность преслѣдовать убійцу; копье это втыкалось затѣмъ въ могилу, которая охранялась въ теченіе трехъ дней. Если случалось, что кто-нибудь погибалъ такъ, что не было возможности отыскать его трупъ, какъ напр. на морѣ, то устраивались мнимыя похороны.

На прилагаемомъ здѣсь рисункѣ (рис. 9), взятомъ съ одной вазы, представлено украшеніе вѣнкомъ трупа Архемора, убитаго дракономъ (Офельтесъ, прозванный Археморомъ, былъ сынъ царя Немейскаго

Было еще очень рано, и Софилъ совѣщался съ жен щинами на счетъ похоронъ, когда явился Сосилъ съ грустью на лицѣ, но съ радостью въ сердцѣ. Онъ сказалъ, что поторопился принести завѣщаніе, которое вручилъ ему покойный, такъ какъ полагалъ, что въ немъ могли заключаться какія-нибудь распоряженія насчетъ похоронъ. Онъ назвалъ затѣмъ свидѣтелей, которые присутствовали при передачѣ завѣщанія и были необходимы теперь при вскрытіи его. Клеобулѣ было очень непріятно узнать, что документъ, заключавшій въ себѣ рѣшеніе ея судьбы, находился въ рукахъ человѣка, котораго она не любила съ дѣтства. Поликлъ ничего не сказалъ ей объ этомъ, онъ говорилъ ей только, и не разъ, что позаботился объ ней. Она надѣялась на это и теперь; но всякій другой исполнитель его воли былъ бы ей гораздо пріятнѣе. Софила довѣріе это ничуть не удивило. Онъ отнесся съ похвалою къ акуратности Сосила и хотѣлъ послать за свидѣтелями. Но Сосилъ сказалъ, что онъ уже позаботился объ этомъ.

Ликурга). На украшенной клинѣ лежитъ Археморъ, еле вышедшій изъ дѣтскаго возраста. У клины стоитъ его нянька, Гипсипила, собирающаяся надѣть ему на голову вѣнокъ, а у изголовья стоитъ другая болѣе молодая женщина и держитъ надъ нимъ зонтикъ. У ногъ стоитъ педагогъ, который держитъ въ лѣвой рукѣ лиру. Подъ ложемъ находится кружка, которая, вѣроятно, содержитъ въ себѣ приношеніе покойнику. Рядомъ съ педагогомъ стоятъ два служителя, держащіе на головахъ низкіе четыреугольные столы, уставленные жертвенными дарами, состоящими изъ разныхъ сосудовъ, украшенныхъ тэніями. Между ними на полу стоитъ амфора, а за женщиной съ зонтикомъ эфебъ несетъ кратеръ. Всѣ эти сосуды предназначены, вѣроятно, идти вмѣстѣ съ покойникомъ на костеръ или въ могилу.

Дѣйствительно, вскорѣ явились всѣ трое.

— Были вы при томъ, какъ Поликлъ передалъ мнѣ свое завѣщаніе, спросилъ Сосилъ, обращаясь къ свидѣтелямъ.

Всѣ трое дали утвердительный отвѣтъ.

— Слѣдовательно, вы можете засвидѣтельствовать, что это тотъ же самый документъ, который былъ врученъ мнѣ на храненіе.

— Надпись и печать удостовѣряютъ это, сказалъ одинъ изъ нихъ; но мы можемъ засвидѣтельствовать только то, что тебѣ было дано на храненіе завѣщаніе, а не тождественность самаго завѣщанія. Впрочемъ нѣтъ причинъ предполагать противное; печать не тронута и мы признаемъ ее за печать Поликла.

— Посмотри и ты, Клеобула, продолжалъ Сосилъ, и удостовѣрься, что я честно сохранилъ волю твоего супруга. Признаешь ли ты эту печать?

Дрожащею рукою взяла Клеобула документъ.

— Орелъ, держащій змѣю, сказала она; да, это его печать.

Она передала завѣщаніе Софилу и тотъ также призналъ печать.

— Вскройте же его, сказалъ Сосилъ одному изъ свидѣтелей, чтобы мы могли узнать его содержаніе. Я не хорошо вижу, такъ пусть кто-нибудь другой прочтетъ его.

Снурокъ былъ разрѣзанъ, документъ развернутъ и одинъ изъ присутствовавшихъ прочелъ слѣдующее:

«Завѣщаніе Поликла Пэаніера. Все ко благу, но если я не переживу этой болѣзни, то дѣлаю относительно всего

моего имущества слѣдующія распоряженія: я отдаю мою жену Клеобулу со всѣмъ моимъ состояніемъ, какъ оно значится въ прилагаемой при семъ описи, за исключеніемъ того, что будетъ назначено мною же въ этомъ завѣщаніи другимъ, моему другу Сосилу сыну Филона, и въ этомъ случаѣ я признаю его за сына. Если же онъ не пожелаетъ жениться на Клеобулѣ, то я завѣщаю ему пять талантовъ, которые лежатъ у трапецита Сатира; и онъ долженъ быть опекуномъ Клеобулы и выдать ее замужъ за избраннаго имъ человѣка, давъ ей въ приданое все остальное мое состояніе, и ввести мужа ея въ мой домъ. Домъ у Олимпіона долженъ получить Ѳеронъ сынъ Каллія, помѣщеніе въ Пиреѣ—Софилъ, сынъ Филона. Сыну Каллиппида дарю мою самую большую серебряную чашу, а женѣ его пару золотыхъ серегъ, два лучшихъ ковра и двѣ подушки, дабы они не думали, что я забылъ о нихъ. Моему врачу Ценотемису выплатить тысячу драхмъ, такъ какъ за свои заботы обо мнѣ и за свое искусство онъ заслуживаетъ и бо̀льшаго. Завѣщаю похоронить меня въ саду, передъ мелитскими воротами на приличномъ мѣстѣ. Ѳеронъ и Софилъ вмѣстѣ съ моими родственниками должны позаботиться о томъ, чтобы какъ погребеніе мое, такъ и мой надгробный памятникъ не были недостойны меня, но и не отличались излишнею пышностью. Рѣшительно запрещаю, чтобы Клеобула и другія женщины, а также и мои рабыни, обезображивали себя послѣ моей смерти обрѣзываніемъ волосъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ. Деметрію, который уже отпущенъ мною на волю, прощаю я выкупныя деньги и дарю ему пять минъ, одинъ

гиматіонъ [7]) и одинъ хитонъ; я хочу, чтобъ онъ, такъ много трудившійся для меня, былъ въ состояніи жить прилично. Изъ рабовъ Парменонъ и Харесъ съ ребенкомъ должны быть освобождены тотчасъ же, а Каріонъ и Донаксъ должны еще четыре года оставаться при садѣ и обрабатывать его; по прошествіи же этого времени отпустить ихъ, если они вели себя хорошо. Манто должна быть отпущена и получить четыре мины, какъ только Клеобула выйдетъ замужъ. Запрещаю продавать кого бы то ни было изъ дѣтей моихъ рабовъ; всѣхъ ихъ оставить въ домѣ, а когда они выростутъ, освободить; но Сира приказываю продать. Софилъ, Ѳеронъ и Каллиппидъ позаботятся объ исполненіи всего сказаннаго въ завѣщаніи. Завѣщаніе это хранится у Сосила. Свидѣтели суть: Лизимахъ сынъ Стритона, Гегезій сынъ Гегіона, Гиппархъ сынъ Каллиппа.»

Мертвая тишина царствовала среди присутствовавшихъ, когда читавшій окончилъ. При первыхъ словахъ завѣщанія Клеобула поблѣднѣла и почти безъ чувствъ

---

[7]) Гиматіонъ (ἱμάτιον) состоитъ изъ широкаго продолговатаго куска матеріи. Прежде всего однимъ концомъ своимъ онъ набрасывался на лѣвое плечо сзади напередъ и придерживался тутъ лѣвою рукою; затѣмъ онъ шелъ черезъ спину на правое плечо или подъ правую руку и наконецъ другимъ концомъ своимъ перебрасывался опять черезъ лѣвое плечо назадъ. Отъ вкуса каждаго зависѣло отбросить его далѣе назадъ, пустить его короче или длиннѣе подъ правою рукой и т. д. Для болѣе удобнаго завертыванія въ углы гиматіона вшивались небольшія тяжести. Гиматіонъ носили какъ мужчины, такъ и женщины. Спартанцы находили гиматіонъ неудобнымъ и вмѣсто него носили короткій плащъ изъ грубой матеріи—трибонъ (τρίβων, τριβώνιον).

опустилась на стулъ, на которомъ ее поддерживала плачущая мать. Софилъ въ раздумьи приложилъ руку ко рту. Свидѣтели молча смотрѣли на эту сцену. Только одинъ Сосилъ остался совершенно покоенъ.

— Ободрись, сказалъ онъ, подходя къ Клеобулѣ, не думай, чтобъ я имѣлъ хотя малѣйшее притязаніе на счастье, которое мнѣ предназначено Поликломъ. Я пораженъ не менѣе тебя, и такое счастье легко могло бы меня ослѣпить; но я старъ и конечно не рѣшусь жениться на такой молодой женщинѣ, какъ ты. Я охотно откажусь отъ богатаго наслѣдства и изберу тебѣ супруга болѣе подходящаго по годамъ.

Клеобула отвернулась съ содроганіемъ. Сосилъ взялъ завѣщаніе и сказалъ:

— Теперь требуется только одно: удостовѣреніе присутствующихъ въ томъ, что при вскрытіи завѣщанія оно имѣло именно это содержаніе.

Свидѣтели приложили къ нему свои печати.

— Это не единственное завѣщаніе, оставленное Поликломъ, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Какъ? вскричалъ смущенный Сосилъ, блѣднѣя, здѣсь не сказано, чтобъ гдѣ-нибудь хранилась еще какая-нибудь копія съ него.

— Не знаю, отчего онъ не упомянулъ объ этомъ, возразилъ свидѣтель; но долженъ сказать, что два дня спустя послѣ того, какъ было вручено тебѣ это завѣщаніе, Поликлъ еще разъ взялъ меня въ свидѣтели вмѣстѣ съ четырьмя другими и передалъ при насъ другое, вѣроятно такое же завѣщаніе, Менеклу. Въ это

время Менеклъ былъ также не совсѣмъ здоровъ, а потому завѣщатель, разбитый уже параличемъ, велѣлъ отнести себя въ его домъ.

На присутствовавшихъ это заявленіе свидѣтеля должно было произвести самое различное дѣйствіе: Сосилъ стоялъ, какъ уничтоженный; въ душѣ Клеобулы зародился лучъ надежды; Софилъ смотрѣлъ испытующимъ взглядомъ на избѣгавшаго его взоровъ обманщика; свидѣтели съ сомнѣніемъ посматривали другъ на друга.

— Это завѣщаніе дѣйствительно, сказалъ наконецъ Сосилъ съ запальчивостью, и если есть еще другое, не подложное, то оно не можетъ имѣть другаго содержанія.

— Разумѣется, возразилъ Софилъ, нельзя предположить, чтобъ Поликлъ два дня спустя сталъ думать иначе. Мы будемъ просить Менекла выдать намъ, какъ можно скорѣе, хранящуюся у него копію.

Въ эту минуту вошелъ рабъ и доложилъ ему что-то.

— Превосходно, вскричалъ онъ; Менеклъ и самъ поторопился. Двое изъ посланныхъ имъ свидѣтелей уже тутъ и скоро будетъ онъ самъ.

Вновь прибывшіе вошли.

Сосилъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Мало по малу дерзость къ нему возвращалась. Хотя второе завѣщаніе и было непріятною помѣхою его планамъ, но тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ еще полную возможность оспаривать его судебнымъ порядкомъ и могъ надѣяться выиграть дѣло. Вскорѣ пришелъ Менеклъ съ остальными свидѣтелями и передалъ завѣщаніе. Надпись и печать были найдены также совершенно правильными, а содер-

жаніе за исключеніемъ двухъ именъ было буквально то же. Въ концѣ находилась приписка, въ которой говорилось, что совершенно такое же завѣщаніе хранится у Сосила Пирейца. За чтеніемъ послѣдовали страшная ссора, брань и взаимныя обвиненія. Сосилъ сказалъ, что второе завѣщаніе подложно, и ушелъ, объявивъ, что будетъ доказывать свои права передъ судомъ.

Наступилъ день похоронъ. Въ самомъ домѣ и вокругъ него собралось еще до разсвѣта множество народа, какъ участниковъ, такъ и просто любопытныхъ; одни пришли чтобы присоединиться къ погребальному шествію, другіе только для того, чтобы поглазѣть на богатыя похороны.

Еще наканунѣ, когда покойникъ лежалъ на парадномъ, великолѣпно убранномъ ложѣ, въ домъ протѣснилось не мало такихъ людей, которые никогда прежде не бывали тамъ. Многіе, которымъ очень хотѣлось показать свое хотя и отдаленное родство съ покойникомъ, облеклись немедленно въ траурныя одежды, сдѣлавъ это тѣмъ поспѣшнѣе, что по городу уже успѣлъ распространиться слухъ о предстоявшемъ спорѣ о наслѣдствѣ, и, слѣдовательно, открывалась возможность, половить рыбу въ мутной водѣ. Харикла не было въ числѣ посѣтителей, не смотря на то, что его тянуло туда болѣе, чѣмъ кого-либо другаго. Отъ него не ускользнуло то впечатлѣніе, которое произвело послѣдній разъ на Клеобулу его неожиданное появленіе, и онъ находилъ, что ему не слѣдовало своимъ появленіемъ, теперь, смущать ее при исполненіи ея обязанностей относительно покойнаго. Но онъ считалъ

своимъ долгомъ проводить покойника до мѣста погребенія. Софилъ, чувствовавшій удивительную симпатію къ молодому человѣку, самъ пригласилъ его. Онъ былъ у него нѣсколько разъ, и какъ казалось, не безъ намѣренія разсказалъ ему, какой опасности подвергается Клеобула, вслѣдствіе завѣщанія, которое, по его мнѣнію было, безъ сомнѣнія, подложно. Это обстоятельство безпокоило Харикла пожалуй еще болѣе, чѣмъ самого Софила. Конечно, для него должно было быть все равно, какъ ни рѣшится дѣло. Вѣдь если обманъ и будетъ открытъ, то Клеобула станетъ женою Софила; да ктому же, онъ часто повторялъ себѣ, что даже при самомъ счастливомъ оборотѣ дѣла ему, въ его года и въ его положеніи, было бы не прилично жениться на вдовѣ съ такимъ громаднымъ состояніемъ. Но, не смотря на все это, ему было ужасно больно думать, что это прелестное созданіе будетъ во власти человѣка, котораго, по всему, что онъ слышалъ о немъ, онъ принужденъ былъ считать негодяемъ. Въ домѣ Поликла онъ видѣлъ Сосила только мелькомъ, и потому ему еще болѣе хотѣлось присутствовать на похоронахъ, на которыхъ онъ долженъ былъ встрѣтиться съ нимъ.

И такъ, онъ отправился утромъ къ дому, но не вошелъ въ него, а остался у двери съ намѣреніемъ присоединиться къ Софилу, какъ только онъ выйдетъ оттуда.

Процессія двинулась еще до восхода солнца. Впереди, по карійскому обычаю, раздавались жалобные звуки флейтъ; затѣмъ шли друзья умершаго и всѣ участвовавшіе въ шествіи мужчины. За ними отпущенники несли ложе, на которомъ лежалъ, словно спящій, покойникъ

въ бѣлой одеждѣ, украшенный вѣнками и покрытый пурпуровымъ покрываломъ, великолѣпіе котораго скрывалось совершенно подъ безчисленнымъ количествомъ вѣнковъ и тэній. Рядомъ рабы несли сосуды съ благовонными мазями и другія принадлежности погребенія. За носилками шли женщины и въ числѣ ихъ Клеобула, которую вела мать ея.

Никогда еще она не была столь прекрасна, никогда, быть можетъ, не было видно такъ ясно, что свѣжій румянецъ ея щекъ не былъ обманчивымъ произведеніемъ кисти [8]).

Скоро процессія дошла до сада, среди котораго былъ воздвигнутъ костеръ. Носилки были подняты и поставлены на костеръ, въ который были брошены также сосуды съ благовонными мазями и прочее. Наполненный горючими матеріалами костеръ былъ подожженъ пылающимъ факеломъ и яркое пламя быстро охватило его, среди громкаго плача и вопля присутствовавшихъ. Клеобула проливала самыя искреннія слезы. Нетвердыми шагами подошла она къ пылающему костру, чтобъ бросить въ огонь сосудъ съ масломъ, этотъ послѣдній даръ любви и, вся поглощенная своимъ горемъ, не думала объ опасности, которой подвергалась. Пламя относило вѣтромъ прямо на нее.

— Ради всѣхъ боговъ! раздались голоса въ толпѣ,

---

[8]) Почти всѣ греческія женщины имѣли обыкновеніе румяниться, бѣлиться и красить себѣ брови. Онѣ дѣлали это всякій разъ, какъ выходили изъ дому, а иногда даже и дома. Для этого употреблялись свинцовыя бѣлила, сурикъ, разныя растительныя вещества и проч.

но Хариклъ, забывъ все, бросился первый впередъ, потушилъ руками огонь, охватившій уже край ея одежды и отвелъ ее обратно къ спѣшившей навстрѣчу ей матери.

Только немногіе изъ провожавшихъ остались до тѣхъ поръ, пока былъ собранъ пепелъ и совершены остальные обряды; въ числѣ этихъ немногихъ былъ и Хариклъ; но когда останки были преданы землѣ и женщины простились со свѣжею могилою, тогда и онъ съ Софиломъ отправились обратно въ городъ. Они разсуждали о возможныхъ послѣдствіяхъ злополучнаго завѣщанія.

Хариклъ не могъ не сознаться, что Сосилъ произвелъ на него совсѣмъ не то впечатлѣніе, какого онъ ожидалъ. Сегодня онъ показался ему такимъ простымъ, лицо его имѣло такое скромное и достойное выраженіе, что Хариклъ былъ почти принужденъ отказаться отъ своего подозрѣнія.

— Кто-бы подумалъ, сказалъ онъ, что подъ этою прекрасною наружностью скрывается такъ много коварства!

— Ты встрѣтишь не мало такихъ людей, возразилъ Софилъ, которые имѣютъ наружность агнца, а вмѣсто сердца ядовитую змѣю; эти-то люди и есть самые опасные.

У городскихъ воротъ они разстались. Какой-то рабъ все время издали слѣдилъ за ними. Теперь онъ остановился на минуту, какъ-будто въ нерѣшимости за кѣмъ идти.

— Юность щедрѣе, въ особенности когда любитъ, сказалъ онъ про себя, и пошелъ за Хариклом. Дорога шла по маленькой, уединенной улицѣ, между стѣнъ са-

довъ; тутъ онъ ускорилъ свои шаги и подошелъ къ Хариклу.

— Кто ты, спросилъ его юноша, отступая.

— Какъ видишь, рабъ, который однакожъ можетъ быть тебѣ полезенъ. Мнѣ кажется, ты принимаешь участіе въ судьбѣ Клеобулы?

— Тебѣ какое дѣло? возразилъ Хариклъ, но вспыхнувшій румянецъ былъ болѣе чѣмъ утвердительнымъ отвѣтомъ для раба.

— Тебѣ не все равно, кто изъ двухъ будетъ наслѣдникомъ—Софилъ или Сосилъ?

— Очень можетъ быть, но я не знаю, къ чему ты это спрашиваешь, и что тебѣ до этого?

— Мнѣ? Болѣе чѣмъ ты предполагаешь, возразилъ рабъ. Какъ-бы ты вознаградилъ меня, еслибъ я представилъ тебѣ доказательства тому, что одно изъ этихъ завѣщаній подложно?

— Ты, жалкій рабъ? сказалъ молодой человѣкъ съ удивленіемъ.

— Рабъ знаетъ иногда самыя сокровенныя дѣла своего господина, возразилъ онъ. Ну что же будетъ мнѣ въ награду?

— Свобода, которая даруется за открытіе подобныхъ преступленій.

— Такъ, но отпущеннику нужно имѣть средства къ жизни.

— Будешь имѣть и ихъ, если только ты говоришь правду. Ты получишь пять минъ.

— Твое имя Хариклъ, сказалъ рабъ, никто не слы-

шитъ твоего обѣщанія, но я вѣрю тебѣ. Сосилъ мой господинъ, меня же зовутъ Молономъ.

Онъ открылъ маленькій мѣшочекъ и таинственно досталъ что-то оттуда.

— Посмотри, вотъ печать, которою было запечатано фальшивое завѣщаніе. Онъ взялъ нѣсколько воску, размягчилъ его и прижалъ къ печати. Это печать Поликла. Орелъ держащій змѣю; ты будешь орломъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ ему, какъ черезъ щель въ двери онъ былъ свидѣтелемъ подлога, совершеннаго Сосиломъ; какъ шумъ, произведенный имъ, чуть не выдалъ его, и какъ Сосилъ, собирая все въ попыхахъ, уронилъ нечаянно на покрывало ложа эту фальшивую печать.

Ну, сказалъ онъ, развѣ я не сдержалъ слова?

— Клянусь богами, что и я сдержу свое, вскричалъ Хариклъ, отъ радости и удивленія едва владѣя собою. Не пять, а десять минъ получишь ты. Теперь пойдемъ скорѣй къ Софилу.

— Нѣтъ, сказалъ рабъ, я вѣрю тебѣ, иди одинъ и позови меня, когда я буду нуженъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Діониссіи.

Изъ числа праздниковъ, которые ежегодно, или по прошествіи болѣе долгихъ промежутковъ времени праздновались въ Аѳинахъ, въ честь боговъ, ради славы и блеска государства, и для удовольствія гражданъ, нѣкоторые имѣли, безъ сомнѣнія, особенную политическую важность, или глубокое религіозное значеніе, какъ напримѣръ: Панатенеи [1])

---

[1]) Панатенеи (въ древнѣйшія времена Атенеи) были самымъ большимъ, самымъ великолѣпнымъ и, едва ли не, самымъ древнимъ религіозно-политическимъ праздникомъ Аѳинянъ. Онѣ были устроены въ честь Аѳины-Паллады. Малыя Панатенеи праздновались ежегодно, большія же—въ третій годъ каждой олимпіады. Празднества эти продолжались нѣсколько дней съ 25 по 28 Гекатомбеона. Какъ и при другихъ праздникахъ, были здѣсь торжественныя шествія, жертвоприношенія, театральныя представленія и пиршества, но кромѣ того Панатенеи отличались еще различнаго рода состязаніями въ ѣздѣ, гимнастическихъ упражненіяхъ и музыкѣ, и особенно тѣмъ, что распространялись изъ Аттики далеко, во всѣ колоніи греческія. Побѣдной наградной былъ вѣнокъ изъ вѣтвей священнаго дерева Аѳины и сосудъ (панатенейская ваза) чистѣйшаго оливковаго масла, продукта этого же дерева. Самая торжественная часть праздника была—при-

и Элевзиніи [2]); но послѣдней цѣли болѣе всѣхъ другихъ соотвѣтствовали праздники, посвященные Діониссу [3]), этому подателю всѣхъ радостей и удовольствій. Можно даже сказать, что первоначальное значеніе этихъ праздниковъ,

---

несеніе въ даръ богинѣ богатой одежды (πέπλος), узорчато-сотканной аѳинскими женами и дѣвами. Пышную одежду несли въ Акрополисъ, чтобы тамъ возложить ее на статую богини. Въ шествіи участвовало все населеніе Аѳинъ: знатнѣйшіе юноши верхомъ или въ колесницахъ, отряды воиновъ въ полномъ вооруженіи и граждане аѳинскіе съ женами и дочерьми въ торжественныхъ одеждахъ. Малыя Панатенеи были гораздо проще.

[2]) Главное содержаніе Элевзиній (Элевзинскихъ таинствъ) составляетъ преданіе о похищеніи Персефоны (Прозерпины) и о горести ея матери. По преданію сама Деметра (Церера), пребывая въ Элевзисѣ, когда разъискивала свою дочь, установила эти таинства. Нужно различать два рода Элевзиній: *краткія*, которыя праздновались ранней весной, когда появлялись первые цвѣты, и *долгія*, которыя приходились осенью. Праздникъ открывался ночнымъ шествіемъ при факелахъ. Въ главнѣйшіе дни праздника посвященные представляли страданія Деметры. Переживая съ богиней скорби и радости ея, они олицетворяли ими для себя идею скорбнаго земнаго существованія и вмѣстѣ съ тѣмъ радостную надежду перехода въ блаженную вѣчность. Конецъ праздника проходилъ въ разныхъ гимнастическихъ состязаніяхъ. Посвященіе въ эти таинства сопровождалось многими приготовленіями и испытаніями. Ни иноземцы, ни рабы, а единственно свободнорожденные Греки могли участвовать въ Элевзиніяхъ.

[3]) Большія или городскія діониссіи, праздновались въ честь Діонисса. Онѣ начинались 12 Элафеболіона и продолжались нѣсколько дней. Изображеніе бога, окруженнаго сатирами, переносили изъ Ленеона въ маленькій храмъ по дорогѣ въ академію, гдѣ вѣроятно стояло это изображеніе первоначально. Мальчики и мужчины пѣли диѳирамбъ. Съ вѣнками въ пестрыхъ причудливыхъ одеждахъ съ восторгомъ встрѣчали всѣ этого расточителя весеннихъ благъ. Кромѣ этихъ діониссій были малыя или сельскія діониссіи, праздновавшіяся въ концѣ Посидеона передъ началомъ сбора винограда, и другія.

благодарить бога за благороднѣйшій изъ всѣхъ даровъ расточаемыхъ природою весной, исчезло почти совершенно, среди потока шумныхъ удовольствій и неудержимаго веселья.

Умѣренность и серьезность были изгнаны въ эти дни, дѣла всѣ забыты и народъ съ распростертыми объятіями принималъ Мэту и Комоса [4])—этихъ постоянныхъ спутниковъ Діониса, подчиняясь, можетъ быть, ужъ даже слишкомъ охотно ихъ власти. Насладиться зрѣлищами, поглазѣть, покутить, окунуться до самозабвенія въ чадъ удовольствій, вотъ о чемъ думалъ старъ и младъ, вотъ цѣль, къ которой всѣ стремились! Даже люди самые умѣренные отступали на этотъ разъ отъ своихъ скромныхъ привычекъ и слѣдовали правилу:

«Хмѣля въ праздничный день не краснѣть,
«Хотя бы шатаясь служить отказалися ноги».

Городскіе діониссіи, отличавшіяся особенною пышностью и блескомъ, привлекали въ Аѳины чрезвычайно много народа. Сюда стекались въ первые весенніе дни не только обитатели Аттики, но и безчисленное множество иностранцевъ, охотниковъ до зрѣлищъ и веселья.

Такъ было и въ тотъ годъ, когда Хариклъ впервые встрѣчалъ праздникъ опять на родинѣ. Теплые весенніе дни наступили довольно рано. Тишина и спокойствіе, царствовавшія въ гавани зимою, уступили теперь мѣсто новой дѣятельной жизни. Корабли изъ ближайшихъ гаваней и съ сосѣднихъ острововъ ужъ прибыли, а на рейдѣ

---

[4]) Комосъ, постоянный спутникъ Діониса, былъ богъ бражничанья, шутокъ и веселья.

купцы готовились къ отплытію въ далекое, но прибыльное путешествіе.

Гости со всѣхъ странъ Греціи нахлынули въ Аѳины; не было дома, который бы не готовился гостепріимно принять своихъ далекихъ друзей; не было ни одной гостинницы, достаточно просторной, чтобъ помѣстить всѣхъ желавшихъ остановиться въ ней. На улицахъ и на площадяхъ были раскинуты шалаши людьми, пришедшими сюда съ намѣреніемъ поживиться на праздникѣ.

Сюда приходили не только для того, чтобъ смотрѣть и веселиться: множество людей низшаго класса являлось сюда съ цѣлью самымъ разнообразнымъ способомъ извлекать выгоду изъ большаго стеченія празднаго народа. Сюда прибыло множество всевозможныхъ мелкихъ торговцевъ. Коринѳскія гетеры и геріодулы покинули своихъ тамошнихъ обожателей, въ надеждѣ на щедрость аѳинскихъ гостей. Всевозможные фигляры и фокусники пріѣхали, притащивъ съ собою всѣ аппараты своей ловкости и декораціи своихъ лавокъ. Всѣ были готовы, по мѣрѣ силъ и возможности, заботиться объ удовольствіи народа, но еще болѣе о своемъ собственномъ кошелькѣ.

Къ числу тѣхъ не многихъ, которыхъ не могъ увлечь этотъ потокъ всеобщаго веселья, принадлежалъ и Хариклъ. Болѣе четырехъ мѣсяцевъ прошло уже со дня смерти Поликла и эти мѣсяцы были для него временемъ полнымъ безпокойства и мучительной нерѣшительности. Дѣло Клеобулы приняло счастливый оборотъ. Къ доказательствамъ, представленнымъ рабомъ, прибавилось еще новое и самое вѣское. Во время своего пребыванія въ

Эдепсосѣ осторожный и осмотрительный Поликлъ оставилъ у одного изъ тамошнихъ жителей третью копію съ завѣщанія, которая свидѣтельствовала также противъ Сосила; подлогъ былъ теперь совершенно очевиденъ, и обманщикъ долженъ былъ считать себя счастливымъ, что Софилъ великодушно молчалъ. Такимъ образомъ Хариклъ могъ быть спокоенъ на счетъ судьбы Клеобулы; но тѣмъ мучительнѣе было ему ожиданіе рѣшенія своей судьбы. Софилъ медлилъ бракомъ; изъ нѣкоторыхъ словъ его можно было даже заключить, что жениться онъ вовсе не намѣренъ, а избираетъ женихомъ богатой вдовы своего юнаго друга Харикла, къ которому онъ относился почти какъ къ сыну. Все это увеличивало безпокойство Харикла. Сердце, конечно, влекло его къ Клеобулѣ; ему было больно подумать о ней, какъ о женѣ другаго. Но слова Форіона, совѣтовавшаго не ставить себя въ зависимость отъ богатства жены, засѣли у него въ памяти тѣмъ глубже, что, любя свободу и ставя выше всего самостоятельность свою, онъ вполнѣ сознавалъ ихъ справедливость. Его незначительное состояніе было почти ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, которое должна была принести Клеобула своему будущему супругу; не его, а ея состояніемъ держался бы домъ ихъ. Нѣтъ, говорилъ онъ себѣ: «оставайся на своемъ пути», говоритъ пословица; какъ справедливо сказалъ мнѣ на дняхъ Ктезифонъ, для своей любви я никогда не пожертвую тѣмъ положеніемъ, которое прилично свободному человѣку. Онъ думалъ, что этими разумными доводами ему удалось побѣдить страсть, овладѣвшую его сердцемъ.

Однажды утромъ передъ самыми праздниками вошелъ къ нему Софилъ, что онъ дѣлалъ нерѣдко и прежде. Лицо его было привѣтливо, но серьезно.

— Хариклъ, мнѣ надо поговорить съ тобою объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ, сказалъ онъ, послѣ обычнаго привѣтствія,—мнѣ бы хотѣлось еще до праздниковъ освободиться отъ одной заботы. Завѣщаніе Поликла возлагаетъ на меня обязанность выдать Клеобулу замужъ; до сихъ поръ я медлилъ исполненіемъ. Два отца давно уже осаждаютъ меня сватовствомъ отъ имени своихъ сыновей, но оба мнѣ не по сердцу.

— Развѣ ты не намѣренъ самъ жениться на ней? поспѣшно прервалъ его Хариклъ.

— За кого же ты меня принимаешь? возразилъ Софилъ. Мнѣ слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; конечно, я еще здоровъ и бодръ; мое зрѣніе хорошо, а ноги и руки крѣпки и сильны. Хотя я сѣдъ, но духомъ я далекъ отъ старости; но, несмотря на все это, неужели въ эти годы мнѣ снова брать на себя обязанности мужа и отца и отравлять свою жизнь множествомъ заботъ? Я уже довольно испыталъ въ жизни и остатокъ дней своихъ хочу провести спокойно.

— Но, замѣтилъ Хариклъ, развѣ тебѣ ничего не значитъ отказаться отъ такого богатаго наслѣдства?

— Что мнѣ въ богатствѣ, сказалъ Софилъ серьезно. Я имѣю болѣе, чѣмъ нужно; мое состояніе лишь немногимъ уступаетъ состоянію, оставленному Поликломъ. А для кого буду я копить? Сыновья мои погибли въ войнѣ противъ Филиппа... Правда у меня былъ еще сынъ, но...

впрочемъ, къ чему касаться теперь этого больнаго мѣста? Довольно, если я скажу тебѣ, что уже ради самой Клеобулы, я никогда не сталъ бы имѣть притязаній на наслѣдство; она не должна выйти замужъ вторично за старика. Мнѣ предоставлено право выбрать ей супруга; но будетъ лучше, если она сама выберетъ его. Если я не ошибаюсь, она желаетъ выйдти за тебя.

— За меня, вскричалъ совершенно ошеломленный Хариклъ и кровь хлынула къ его лицу. Клеобула избрала бы меня?

Мысль, что счастье такъ близко, что стоитъ только протянуть за нимъ руку, подѣйствовала на него такъ сильно, что онъ долженъ былъ, чтобъ не измѣнить своему рѣшенію, призвать на помощь всѣ доводы, которые холодный разсудокъ противопоставлялъ его желаніямъ.

— Благодарю тебя, сказалъ онъ наконецъ спокойнѣе, за двойное счастіе, которое ты предлагаешь мнѣ; но бракъ этотъ не соотвѣтствуетъ моему положенію.

— Не соотвѣтствуетъ твоему положенію? повторилъ Софилъ съ удивленіемъ. Молодая, красавица, да притомъ еще скромная, хорошая жена съ такимъ состояніемъ, и не соотвѣтствуетъ? Или тебя, можетъ быть, удерживаетъ то, что она вдова? Глупецъ! не вдова, а невѣста, шестнадцатилѣтняя невѣста, которую женихъ не успѣлъ проводить до Таламоса и былъ умирающимъ съ самаго брачнаго пира. Во всѣхъ Аѳинахъ ты не найдешь дѣвушки, которая могла бы спокойнѣе войти въ пещеру Пана [5])

[5]) Разсказываютъ, что только чистыя дѣвы могли входить въ эту пещеру, съ тѣхъ поръ какъ Панъ повѣсилъ въ нее свою свирѣль, и

въ Эфесѣ, въ которой, какъ говорятъ, богъ мститъ ужаснымъ образомъ всѣмъ, кто чувствуетъ за собою вину.

— Нѣтъ, возразилъ Хариклъ; Клеобула такая прелестная женщина, какой я еще не видывалъ; но ея состояніе не соотвѣтствуетъ моему. Я не хочу жить въ домѣ своей жены и быть ей обязаннымъ своимъ счастьемъ; я хочу жить свободно и самостоятельно и тѣмъ, что я буду, быть черезъ самого себя.

— Ты былъ бы правъ, возразилъ Софилъ, еслибъ дѣло шло не о Клеобулѣ, этомъ невинномъ, веселомъ существѣ, которое совсѣмъ не знаетъ цѣны своего состоянія и будетъ далека даже отъ мысли стараться имѣть надъ тобою какую бы то ни было власть, кромѣ власти любви. Не будь безумцемъ, не разрушай своимъ гордымъ упрямствомъ своего собственнаго счастья и счастья бѣдной Клеобулы; я знаю, что вы любите другъ друга. Мнѣ хотѣлось устроить вашъ сговоръ еще сегодня; но такъ какъ ты не рѣшаешься, то мы поговоримъ съ тобою объ этомъ послѣ праздниковъ.

Наступили діониссіи и съ самаго ранняго утра все предавалось удовольствіямъ. Въ праздничныхъ одеждахъ, увѣнчанные вѣнками расхаживали по городу граждане

посвятилъ затѣмъ это мѣсто Артемидѣ. Поэтому, если являлось какое-нибудь подозрѣніе противъ дѣвушки, то ее заставляли войти въ эту пещеру и запирали за нею дверь. Если она была невинна, то раздавались звуки свирѣли, дверь отворялась сама собою, и дѣвушка выходила оттуда невредимою. Если же нѣтъ, то дверь оставалась закрытою, слышались жалобные стоны, и вошедшая въ пещеру исчезала.

и пріѣзжіе гости; алтари и статуи Гермеса были разукрашены вѣнками, и всюду разставленные огромные сосуды съ виномъ приглашали всѣхъ желавшихъ пить свободно и не стѣсняясь. Всюду слышались шутки да смѣхъ, всюду расхаживали группы веселыхъ людей, или же буйныя шайки дерзкихъ шалапаевъ, которыя въ шутку подражали пышному праздничному шествію.

Но самая пестрая толпа собралась у театра. Съ самаго ранняго утра театръ былъ полонъ зрителей, которые внимательно слѣдили за серьезною игрою трагиковъ для того, чтобъ потомъ съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ посмѣяться надъ шутками комедій. Время отъ времени раздавалось шумное хлопанье и громкія одобренія собравшейся толпы, а иногда среди нихъ слышны были и рѣзкіе свистки, направленные то противъ какихъ-нибудь, не понравившихся публикѣ, словъ автора, то противъ неудачной игры актера, то наконецъ, можетъ быть противъ личности кого-нибудь изъ зрителей. И внѣ театра давались самыя разнообразныя представленія менѣе требовательнымъ любителямъ зрѣлищъ. Здѣсь былъ устроенъ театръ маріонетокъ, и содержатель его, ловко дергая нитки, приводилъ въ движеніе члены маленькихъ фигуръ, которыя, дѣлая самые уморительные жесты, безконечно забавляли стоявшихъ кругомъ дѣтей и ихъ нянекъ. Тутъ одинъ ѳессаліецъ показывалъ ловкость двухъ дѣвушекъ, которыя проворно и отважно прыгали черезъ поставленные остріемъ кверху мечи и ножи; или же, сидя на быстро вертящемся гончарномъ кругѣ, проворно читали и писали, между тѣмъ какъ онъ самъ, время отъ вре-

мени выдувалъ изъ широко раскрытаго рта на испуганныхъ зрителей цѣлые потоки искръ или глоталъ, повидимому съ усиліемъ, кинжалы и мечи. Тамъ расположился фокусникъ; ради предосторожности онъ поставилъ кругомъ перила, которыя не позволяли зрителямъ подходить слишкомъ близко къ столу, на которомъ разставлены были его аппараты. Простые земледѣльцы и рыбаки смотрѣли съ удивленіемъ, какъ подъ таинственными чашами то появлялись камешки подъ каждой, по одиночкѣ, то собирались всѣ вмѣстѣ подъ одной, то исчезали вовсе и снова появлялись уже во рту фокусника. Но болѣе всего были поражены зрители, когда фокусникъ, заставивъ камешки вновь исчезнуть, вынулъ ихъ затѣмъ изъ носа и ушей одного изъ зрителей. Многіе въ раздумьѣ почесывали голову, а одинъ простодушный поселянинъ сказалъ своему сосѣду:

— Только бы этотъ человѣкъ не вздумалъ прійти ко мнѣ на дворъ; ибо тогда прости все мое состояніе.

Много смѣха было у подмостковъ, гдѣ какой-то человѣкъ показывалъ ученыхъ обезьянъ. Разряженныя въ пестрыя платья и съ масками на лицахъ танцовали онѣ различные танцы. Розга хозяина долгое время поддерживала между ними совершенный порядокъ; его слуга началъ уже собирать деньги съ зрителей, какъ вдругъ кто-то изъ народа бросилъ въ танцоровъ орѣхи. Мгновенно забывъ свои роли и всѣ приличія, съ жадностью бросились они на добычу и при громкомъ смѣхѣ толпы, царапаясь и кусаясь, стали драться за нее. Происшедшая вокругъ суматоха была желаннымъ случаемъ для воровъ, бродив-

шихъ здѣсь во множествѣ, въ надеждѣ поживиться въ толпѣ или у столовъ торговцевъ, продававшихъ всевозможные товары, платья и наряды, настоящія и поддѣльныя украшенія, и когда пришлось расплачиваться, многіе изъ зрителей не находили своихъ кошельковъ. Но вѣдь это были діониссіи, и подобныя приключенія не могли быть помѣхою веселья.

Въ то время, какъ все вокругъ веселилось и радовалось, Клеобула сидѣла одна въ своей комнатѣ и плакала. Думая только о своей будущности, о своемъ, тайно въ сердцѣ скрываемомъ, желаніи, она не хотѣла выходить изъ дому, не хотѣла принять участія въ удовольствіяхъ, которыя обычай дозволялъ и женщинамъ.

Изъ окна верхняго этажа смотрѣла она нѣсколько времени на всеобщее веселье; но праздничная толпа ни чуть не интересовала ее; она хотѣла видѣть только одного его. Но увидавъ, горестно убѣдилась, что онъ нисколько не думаетъ о ней. Серьезно, почти сердито прошелъ онъ мимо, ни разу не взглянувъ на домъ.

— Онъ не любитъ, онъ забылъ меня, сказала она, и со слезами на глазахъ отошла отъ окошка; предсказанія обманули меня.

Она грустно сидѣла въ своей комнатѣ, облокотясь на ручку кресла и склонивъ прелестную голову на бѣлоснѣжную руку. На колѣняхъ передъ нею стояла Хлорисъ, ея любимая рабыня и наперсница, а возлѣ пожилая Манто, которая заботливо и съ безпокойствомъ спрашивала госпожу о причинѣ слезъ ея.

— Ужъ не больна ли ты? говорила она, ужъ не сглазилъ ли кто тебя? Если такъ, то позволь намъ призвать старую Өессалійку, которая умѣетъ уничтожать всякое колдовство.

Но Хлорисъ лучше чѣмъ Манто понимала, что происходило въ сердцѣ госпожи ея. Она не могла не замѣтить, что молодой человѣкъ у ручья понравился Клеобулѣ и что, со смерти Поликла, эта тайно питаемая любовь превратилась въ рѣшительную страсть. Зачѣмъ же иначе стала бы Клеобула такъ часто щелкать листьями телафилона [6]) и своими нѣжными пальчиками подбрасывать къ потолку гладкія зерна яблока; къ чему такъ тщательно берегла она сандаліи, не имѣвшія ровно никакой цѣны. Что за причина, что она разбивала въ разсѣянности такъ много чашъ и кружекъ?

— Нѣтъ, отвѣчала она за Клеобулу на вопросъ Манто; вѣдь наша госпожа носитъ кольцо съ эфесскою надписью [7]), которое предохраняетъ отъ сглаза. Это просто

---

[6]) Какъ у насъ гадаютъ иногда въ шутку, общипывая лепестки ромашки, такъ и въ Греціи прибѣгали зачастую къ подобнаго рода гаданьямъ. Особенно распространеннымъ способомъ подобнаго рода гаданья былъ, кажется, слѣдующій: листъ растенія или лепестокъ цвѣтка клали на кольцо, образующееся отъ соединенія указательнаго и большаго пальцевъ, затѣмъ по положенному листу ударяли другою рукою; отъ давленія воздуха листъ долженъ былъ лопнуть съ трескомъ. Для этой цѣли брали преимущественно широкій лепестокъ мака, который вслѣдствіе этого и называется πλαταγώνιον или анемона.

[7]) Носить амулеты (προβασκάνια), чтобы предохранить себя отъ всякихъ чаръ или несчастія вообще, было вещью весьма обыкновенною. Особенно употребительны были кольца, съ различными таинственными знаками.

маленькое нездоровье; пойди приготовь питье, которое врачъ совѣтовалъ употреблять въ подобныхъ случаяхъ.

Когда Манто удалилась, Хлорисъ дружески обняла колѣна своей госпожи и смотря ей, прямо въ глаза, сказала плутовски грустнымъ тономъ:

— Это гадкое купанье!

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросила Клеобула, поднимая голову.

— Я говорю о путешествіи въ Эдепсосъ. Оно причиною всему. Намъ надо бы отправиться въ Аргиру, чтобъ выкупаться тамъ въ водахъ Селемноса [8]), чудесную силу которыхъ такъ восхваляла намедни та женщина изъ Патры.

— Какой ты вздоръ болтаешь, дурочка, сказала госпожа покраснѣвъ.

— Развѣ неправда, спросила, ласкаясь къ ней рабыня; но можетъ быть намъ удасться найти помощь гдѣнибудь и поближе. Какъ это говоритъ пословица: «кто поранилъ, тотъ и вылечитъ. Не такъ ли?

Клеобула отвернулась и плакала.

— Я давно знала это, но скажи мнѣ, объ чемъ же ты плачешь? Софилъ предоставилъ тебѣ право выйти замужъ, за кого ты захочешь; а чувства Харикла ни для кого не тайна, кто только былъ на похоронахъ.

— Нѣтъ, онъ забылъ меня совсѣмъ, съ горестью сказала Клеобула, онъ не любитъ меня.

---

[8]) Говорили, что Селемносъ, маленькая рѣчка въ Ахаіи, излечивала отъ любви.

— Этого быть не можетъ, возразила Хлорисъ. Послушай, не позвать ли намъ въ такомъ случаѣ Ѳессалійку? Она, говорятъ, уже не разъ возвращала сердца невѣрныхъ мужчинъ ихъ возлюбленнымъ, выливая съ разными заклинаніями изображенія ихъ изъ воску, или другими какими-либо тайными чарами.

— Нѣтъ, ради боговъ, нѣтъ, вскричала Клеобула; я слышала, что подобныя вещи подвергаютъ опасности жизнь тѣхъ, на кого обращены.

— Ну, въ такомъ случаѣ, предложила Хлорисъ, попробуемъ средства болѣе безвредныя. Поблекшій вѣнокъ съ головы возлюбленной или надкушенное яблоко [9]) творили также нерѣдко чудеса.

— Такъ ты хочешь, чтобъ я сама предложила ему себя? сказала госпожа вставая; нѣтъ, Хлорисъ, не можетъ быть, чтобъ ты думала это серьезно.

— Ну, такъ обратимся къ Софилу, продолжала рабыня; затѣмъ вѣдь Манто, кажется, была его нянькою. Да, навѣрное. Ну, такъ чрезъ нее мы устроимъ это дѣло лучше всего. Предоставь только мнѣ, и еще ранѣе трехъ дней, я возвращу тебѣ его сердце.

---

[9]) Ношенный вѣнокъ или надкушенное яблоко служили средствами для объясненія въ любви, также какъ питье вина изъ одного кубка.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Кольцо.

Глубокая тишина царствовала еще въ Аѳинахъ; долѣе обыкновеннаго спали жители города послѣ хмѣля минувшаго праздника. Въ это время Манто вышла изъ дому своей госпожи, чтобы исполнить тайное порученіе Хлорисъ.

На улицахъ было совершенно тихо, хотя уже разсвѣтало; только немногіе рабы принимались уже за свои дневныя работы, или же справляли все то, что необходимо было для господъ утромъ. Тамъ толпа пьяныхъ возвращалась домой съ поздней пирушки; на головахъ ихъ еле держались совсѣмъ мокрые отъ мазей вѣнки, а впереди ихъ выступала, шатаясь, флейтщица. Манто видимо торопилась, ей хотѣлось поскорѣе дойти до дома Харикла. Она имѣла болѣе чѣмъ кто-либо причинъ желать, чтобы Клеобула вышла за него замужъ. Она была всей душой предана своей госпожѣ, а Хариклъ, съ самыхъ первыхъ дней жизни своей, былъ порученъ ея заботамъ; съ нимъ ее связывала кромѣ того

одна, глубоко хранимая до сихъ поръ тайна, которую не могъ знать никто на свѣтѣ, кромѣ нея. Независимо отъ этого, день свадьбы Клеобулы былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и днемъ ея освобожденія отъ рабства и она надѣялась прожить остатокъ дней своихъ беззаботно и спокойно въ домѣ Харикла. Но не это только заставляло ее торопиться. Одно совсѣмъ непредвидѣнное обстоятельство грозило уничтожить вдругъ всѣ ея надежды и мечты и повести къ разоблаченію такихъ вещей, которыя могли имѣть самыя нежданныя послѣдствія. Вчера вздумалось и ей вмѣшаться въ толпу зрителей, любовавшихся на смѣлыя штуки, выкидываемыя канатнымъ плясуномъ. Въ это время къ ней пробрался сквозь толпу какой-то рабъ, имѣвшій видъ сельскаго управляющаго; онъ схватилъ ее за платье и полуповелительнымъ, полуумоляющимъ тономъ велѣлъ ей слѣдовать за собой. Она тотчасъ подчинилась его требованію. Когда они дошли до уединеннаго мѣста, рабъ, смотря пристально на нее, спросилъ, кто былъ ея господинъ?

— Мой господинъ умеръ, сказала Манто.

— Не оставилъ ли онъ сына? спросилъ рабъ поспѣшно.

— Нѣтъ, отвѣчала она, въ смущеніи;—когда онъ умеръ, не было еще и году, какъ онъ женился.

Рабъ смотрѣлъ на нее съ минуту, какъ-бы начиная сомнѣваться.

— Нѣтъ, вскричалъ онъ, я увѣренъ, что ты была та женщина, которая двадцать одинъ годъ тому назадъ взяла рано утромъ мальчика, выставленнаго у алтаря со-

страданія [1]). Я слѣдилъ за тобою и видѣлъ, какъ ты снесла ребенка къ повивальной бабкѣ, Никаретѣ; къ сожалѣнію, она давно уже умерла; заклинаю тебя всѣми богами, скажи мнѣ, кому отдала ты того мальчика? Онъ былъ сынъ моего господина, у котораго теперь нѣтъ болѣе дѣтей.

Смущенная Манто пыталась отговориться; но ея волненіе доказывало ясно, что рабъ не ошибался. Онъ просилъ, заклиналъ, наконецъ сталъ грозить, такъ что Манто, почти совсѣмъ растерявшись, готова была уже разсказать всю истину, но мысль, что Хариклъ,—этотъ мальчикъ былъ онъ,—могъ встрѣтить совсѣмъ не такихъ родителей какихъ бы онъ желалъ, во время возвратила ей самообладаніе. Безъ сомнѣнія, родители Харикла небыли людьми низкаго происхожденія: это доказывало тонкое полотно, въ которое былъ завернутъ ребенокъ, золотое кольцо, съ изящно рѣзанымъ голубымъ камнемъ, и наконецъ множество серебряныхъ и золотыхъ игрушекъ, надѣтыхъ на шею ребенка. Но тѣмъ не менѣе легко могло случиться, что счастливому и независимому Хариклу, твердо увѣренному въ своихъ любимыхъ и достой-

---

[1]) У грековъ отцу предоставлялось право отказаться отъ ребенка, *выставить его*. Этотъ варварскій обычай былъ даже огражденъ законами. Өивы составляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Тамъ, подъ страхомъ смертной казни, запрещалось выставлять дѣтей и бѣдныя воспитывались на общественный счетъ. Выставленныхъ дѣтей, особенно мальчиковъ, брали нерѣдко богатые женщины, неимѣвшія своихъ собственныхъ дѣтей. Часто это дѣлалось даже безъ вѣдома мужа, который могъ требовать развода въ случаѣ безплодія жены.

ныхъ уваженія родителей, имѣющему порядочныя средства, пришлось бы сдѣлать не очень пріятный обмѣнъ.

А Клеобула! — Кто знаетъ, какія препятствія могутъ встрѣтиться, вслѣдствіе этого, на пути къ исполненію ея желаній. Во всякомъ случаѣ, ей казалось, будетъ лучше, если открытіе это послѣдуетъ позже, когда бракъ уже совершится. Поэтому она обѣщала рабу встрѣтиться съ нимъ на слѣдующее новолуніе, при закатѣ солнца, у акарнійскихъ воротъ, а теперь всевозможными уловками ей удалось избѣжать всякаго объясненія.

— Но какъ мнѣ повѣрить тебѣ, я не знаю даже кто ты? сказалъ онъ грустно.

— Клянусь тебѣ въ томъ Діоскурами [2]), возразила она.

— Клятвы женщинъ утекаютъ съ водою, на которой онѣ писаны, замѣтилъ онъ. Скажи мнѣ, по крайней мѣрѣ, кому ты принадлежишь?

— Зачѣмъ тебѣ это, возразила она; если ты имѣешь ко мнѣ такъ мало довѣрія, то и это не принесетъ тебѣ ровно никакого успокоенія; развѣ ты можешь быть увѣренъ, что я скажу тебѣ правду?

Она незамѣтнымъ образомъ привела его снова къ мѣсту зрѣлищъ и, воспользовавшись первою удобною минутою, скрылась въ толпѣ.

---

[2]) Діоскурами назывались Касторъ и Поліевктъ (Поллуксъ), сыновья Зевеса и Леды, братья Елены и Клитемнестры (супруги Агамемнона). Касторъ и Поллуксъ остались въ памяти народной какъ полубоги, особенно покровительствующіе мореходцамъ, застигнутымъ бурею.

Вотъ это-то обстоятельство и заставило Манто отправиться такъ рано къ Хариклу. Она хотѣла достичь своей цѣли прежде, чѣмъ противъ воли ея, быть можетъ, слишкомъ рано откроется истина. Она думала, что все въ домѣ будетъ погружено еще въ сонъ и намѣревалась подождать у дверей, пока кто-нибудь не проснется, но къ своему удивленію она нашла дверь открытою и, войдя во дворъ, увидѣла Харикла, дававшаго приказаніе рабу.

— Ступай скорѣе, говорилъ онъ, возьми это объявленіе, прикрѣпи его къ одной изъ колоннъ на рынкѣ такъ, чтобы всякій могъ прочесть его, и найми глашатая, который бы нѣсколько разъ объявилъ среди рынка и на всѣхъ улицахъ, что тотъ, кто найдетъ золотое кольцо съ голубымъ камнемъ, на которомъ вырѣзанъ бѣгущій сатиръ, держащій зайца, долженъ доставить его Хариклу, сыну Хариноса и, въ награду за это получитъ двѣ мины. Скажи глашатаю, гдѣ я живу и прибавь, что кольцо всего легче узнать по тому, что камень его имѣетъ трещину, проходящую какъ разъ чрезъ средину тѣла сатира.

Манто слышала только послѣднія слова.

— Ты потерялъ кольцо? спросила она, подходя къ нему, когда рабъ удалился.

— Да, сказалъ онъ, драгоцѣнность, которую вручила мнѣ моя умирающая мать, сказавъ при-этомъ нѣсколько знаменательныхъ, но загадочныхъ словъ.

— Ради боговъ, вскричала встревоженная рабыня, надѣюсь, что не кольцо съ голубымъ камнемъ?

— Да, именно его, возразилъ онъ,—но почему же ты его знаешь.

— Я видѣла его у тебя на рукѣ, сказала она, скрывая свое смущеніе.

— Странно, я надѣвалъ его очень рѣдко, съ тѣхъ поръ какъ живу здѣсь. Вчера въ купальнѣ оно соскользнуло у меня съ пальца и не понимаю, какъ пропало; а такъ какъ я не имѣю обыкновенія носить его постоянно, то спохватился я о немъ лишь тогда, когда ложился спать. Мнѣ пріятнѣе было бы потерять половину всего моего состоянія, нежели это кольцо. По словамъ моей матери, оно заключаетъ въ себѣ тайну, раскрытіе которой исчезнетъ съ нимъ на вѣки. Но что съ тобою? Ты вся дрожишь? Что привело тебя сюда такъ рано?

— Пойдемъ куда-нибудь, гдѣ можно поговорить съ тобою съ глазу на глазъ, сказала старуха.

— Нѣтъ, не теперь, милая Манто, возразилъ онъ; я тороплюсь идти опять въ купальню, куда уже послалъ Мана. Отдохни здѣсь немного и подожди, пока я вернусь.

Городъ мало по малу пробуждался и всюду снова началась будничная дѣятельность; рынокъ наполнялся и хотя сегодня не доставало многихъ, неуспѣвшихъ еще отрезвиться послѣ вчерашняго хмѣля, все-таки было достаточно и трезвыхъ, которые въ урочный часъ собрались здѣсь, въ этомъ центрѣ городской жизни. Между ними былъ и Ктезифонъ, который, возвращаясь изъ малолюдной сегодня гимназіи, надѣялся встрѣтить здѣсь кое-кого изъ своихъ друзей. Передъ одной изъ колоннъ,

въ отдѣленіи трапецитовъ, стояла толпа народа и читала объявленіе.

— Посмотри, что тамъ такое, сказалъ онъ слѣдовавшему за нимъ рабу!

Рабъ побѣжалъ и, запыхавшись, воротился обратно.

— Господинъ, сказалъ онъ, вотъ счастье нашему Сатиру! Хариклъ потерялъ кольцо и обѣщаетъ двѣ мины тому, кто его принесетъ. Сатиръ нашелъ его; я видѣлъ вчера у него это кольцо, которое онъ поднялъ на улицѣ.

— Или укралъ, возразилъ Ктезифонъ, это на него очень похоже. Вѣдь онъ былъ, кажется, вчера со мною и съ Харикломъ въ купальнѣ? и я помню, что у Харикла было надѣто два кольца. Этотъ мошенникъ укралъ его. Идемъ скорѣе.

Послѣ тщетныхъ поисковъ, Хариклъ возвратился домой и недовольный ходилъ по колоннадамъ двора. Въ это время вошелъ къ нему Ктезифонъ съ радостнымъ лицомъ.

— Радуйся, Хариклъ, воскликнулъ онъ, твое кольцо нашлось и не будетъ тебѣ стоить двухъ минъ. Мошенникъ, укравшій его, уже сидитъ въ ошейникѣ.

Онъ разсказалъ ему вкратцѣ, какъ все случилось и подивился лишь тому, какъ можно назначать такое большое вознагражденіе за треснутую камею.

Хариклъ только началъ разсказывать другу, почему это кольцо имѣетъ для него такую цѣну, какъ вдругъ раздался сильный стукъ у двери дома, и во дворъ торопливо вошелъ Софилъ. Вся его фигура выражала тре-

вогу и нетерпѣніе; въ торопяхъ онъ забылъ даже поздороваться.

— Я пришелъ съ рынка, сказалъ онъ, обращаясь къ Хариклу, тамъ глашатай только-что объявилъ, что ты потерялъ кольцо. Скажи мнѣ, кто далъ тебѣ это кольцо?

— Оно найдено, возразилъ Хариклъ, и я обязанъ этимъ моему другу Ктезифону; вотъ оно.

Софилъ схватилъ кольцо.

— Да, это оно! вскричалъ онъ порывисто. Скажи мнѣ, какъ оно къ тебѣ попало?

— Вотъ странный вопросъ, возразилъ Хариклъ, это кольцо дала мнѣ моя мать, умирая. «Береги его, сказала она мнѣ, оно составляетъ важнѣйшую часть всего твоего наслѣдства; это кольцо, можетъ быть, приведетъ тебя къ счастью, если только отыщется тотъ, кто въ состояніи понять его языкъ.»

— Онъ отыскался, клянусь въ томъ Зевесомъ Олимпійскимъ! Съ этимъ кольцомъ велѣлъ я выставить моего третьяго ребенка, потому что, безумецъ, воображалъ, что мнѣ будетъ довольно и двухъ мужскихъ наслѣдниковъ. Двадцать одинъ годъ прошелъ уже съ тѣхъ поръ; тебѣ какъ разъ столько лѣтъ, слѣдовательно ты мой сынъ.

Горячность, съ которою онъ говорилъ, восторгъ, послѣдовавшій за этимъ открытіемъ, привелъ сюда всѣхъ живущихъ въ домѣ. Пришла также и Манто, напрасно ожидавшая Харикла. Она обнимала его колѣни и говорила:

— Я взяла тебя у алтаря состраданія и принесла твоей бездѣтной матери, которая давно уже подготовля-

ла къ тому отца твоего; конечно она не сдѣлала этимъ никакого зла, потому что Хариносъ былъ совершенно счастливъ, а ты нашелъ родителей, которые съ любовью и заботливостью пеклись о тебѣ въ дѣтствѣ.

— Манто, сказалъ удивленный Софилъ, такъ это ты та женщина, которая разными хитрыми уловками старалась отдѣлаться отъ моего вѣрнаго Коріона? Но постой! Кольцо было не единственною вещью, данною ребенку— гдѣ-же все остальное?

Смущенная Манто молчала нѣсколько времени.

— У него на шеѣ были навѣшены игрушки, сказала она наконецъ. Я должна признаться, что удержала ихъ и онѣ хранятся у меня до сихъ поръ.

— И такъ, все вѣрно, вскричалъ Софилъ, но отчего же ты не хотѣла открыть этого вчера моему рабу?

— Развѣ я знала, что онъ твой рабъ, сказала она. Я боялась, что явится непрошеный отецъ и воспротивится, пожалуй, браку, котораго я такъ желаю.

— Дѣйствительно, это было умно, возразилъ Софилъ, хорошо также и то, что ты напоминаешь мнѣ объ этомъ.— Хариклъ, теперь ты мой сынъ и первое, что я тебѣ приказываю, это жениться на Клеобулѣ. Неужели ты и теперь еще будешь отказываться?

— Отецъ, вскричалъ Хариклъ, я не желаю другаго счастья!

— Теперь, сказалъ Ктезифонъ, ты безъ сомнѣнія уступишь мнѣ дочь Пазія?

— Тебѣ? спросилъ удивленный Хариклъ. Такъ вотъ

причина твоего страннаго поведенія! И ты хотѣлъ принести мнѣ эту жертву?

— Охотно, если только это могло осчастливить тебя, возразилъ онъ.

— Достойный молодой человѣкъ! я самъ буду говорить съ ея отцомъ, за тебя, если только это можетъ быть тебѣ полезно. Но теперь идемъ къ Клеобулѣ. Мы должны предупредить ее, только не черезъ тебя, Манто, ты все выболтаешь. Поди, сказалъ онъ своему рабу, и доложи ей просто, что я скоро къ ней буду, вмѣстѣ съ однимъ очень пріятнымъ для нея спутникомъ. Больше ни слова; слышишь? Ты же, Хариклъ, одѣнься по праздничному, какъ это подобаетъ жениху.

— Еще одно, сказалъ Хариклъ Ктезифону уже по дорогѣ; прости Сатира: потому что, не украдь онъ кольца, я не былъ бы теперь такъ счастливъ.

— Мошенникъ не заслуживаетъ этого, возразилъ Ктезифонъ; но пусть будетъ такъ, если ты этого желаешь.

Клеобула вовсе не предчувствовала того счастливаго переворота, который долженъ былъ внезапно привести въ исполненіе ея тайныя мечты; она пошла вмѣстѣ съ Хлорисъ въ прилегавшій къ дому садъ; въ то время, какъ рабыня собирала въ подолъ душистыя фіалки, она стояла задумчиво передъ деревомъ и застежкою отъ своего хитона старалась выцарапать какія-то буквы на нѣжной корѣ. Вдругъ она остановилась.

— Что ты говорила вчера, Хлорисъ, сказала она, когда звенитъ въ ушахъ,—значитъ объ насъ думаютъ?

*

— Да, конечно, сказала дѣвушка, подойдя къ ней. Но что это ты дѣлаешь? Ты врѣзываешь свои мысли въ дерево. Тутъ написано: «Прекрасенъ», — продолжать ли мнѣ? «Хариклъ», а подъ этимъ «Прекрасна Клеобула».

— Ну, шутила дѣвушка, что-то происходитъ. Особенно хорошій знакъ: посмотри какъ мнѣ подергиваетъ правый глазъ.

Она обернулась къ солнцу и чихнула.

— Да поможетъ Зевесъ или Афродита, сказала она. Но что это Манто такъ замѣшкалась? прибавила она.

— Я цѣлое утро не вижу ее, сказала Клеобула, гдѣ она?

— Она понесла мыть платья, отвѣчала служанка, но ей ужъ давно пора вернуться.

Въ это время прибѣжалъ рабъ и передалъ порученіе Софила. Клеобула покраснѣла.

— Кто этотъ спутникъ, поспѣшно спросила Хлорисъ.

— Человѣкъ, котораго онъ прислалъ, объявилъ, что ничего болѣе не знаетъ, отвѣчалъ рабъ.

— А что если это чужой, сказала Клеобула. Хлорисъ, зачѣмъ ты и сегодня подала мнѣ хитонъ безъ рукавовъ и верха? Я не могу принять ихъ въ этой одеждѣ; пойдемъ, одѣнь меня [3].

---

[3]) Одежда грековъ была чрезвычайно проста и естественна. Всю ихъ одежду можно раздѣлить на два главныхъ отдѣла, на *ἐνδύματα*, т. е. нижнюю одежду, соотвѣтствующую нашимъ рубашкамъ, и на *ἐπιβλήματα* или *περιβλήματα*, куда относятся накидки и плащи, накидывавшіеся или на голое тѣло, или на *ἐνδύματα*. Къ первому отдѣлу относится хитонъ въ его различныхъ видахъ. Описаніе хитона вообще уже сдѣлано нами въ примѣчаніи 15 къ гл. II: Здѣсь мы скажемъ только о нѣкоторыхъ видоизмѣненіяхъ его. Нерѣдко къ хитону придѣлывали рукава либо короткіе, прикрывавшіе лишь верхнюю часть

Хлорисъ послѣдовала за своею госпожею въ комнату и открыла большой ящикъ [4]), въ которомъ лежали луч-

---

руки, либо длинные, прикрывавшіе всю руку до кисти. Были хитоны, которые не застегивались на правомъ плечѣ, а оставляли это плечо и половину груди открытыми. Такой хитонъ, называвшійся *ἐξωμίς*, носили преимущественно рабы и рабочій классъ. Затѣмъ одни хитоны были длиннѣе, другіе короче; мужчины носили преимущественно короткіе, женщины—длинные. Изъ длиннаго женскаго хитона развился впослѣдствіи двойной хитонъ; этотъ двойной хитонъ бывшій приблизительно въ полтора раза длиннѣе тѣла, надѣвался такимъ образомъ, что излишекъ матеріи отъ шеи откидывался обратно на грудь и спину. Этотъ откинутый верхъ, назывался *διπλοίς* и *διπλοίδιον*. Черезъ совершенное отдѣленіе диплоисъ отъ хитона образовалась чрезвычайно изящная накидка, которая носилась на хитонѣ. Она называлась *ἀμπεχόνιον*. Мода подвергала какъ хитонъ, такъ и ампехоніонъ безчисленнымъ видоизмѣненіямъ.

Ко второму отдѣлу *ἐπιβλήματα* или *περιβλήματα* принадлежатъ гиматіонъ, трибонъ и хламида. Обо всѣхъ нихъ уже было говорено (см. примѣч. 4 къ гл. I и примѣч. 8 къ гл. IX).

Всѣ роды одежды дѣлались преимущественно изъ шерсти или полотна. Дорійцы предпочитали шерсть, Іонійцы полотно, но впослѣдствіи шерстяныя матеріи у мужчинъ вошли во всеобщее употребленіе. Смотря по времени года употребляли то болѣе легкія, то болѣе плотныя и мохнатыя матеріи. Кромѣ шерсти и полотна употребляли еще исключительно для женской одежды бисосъ, приготовлявшійся изъ волоконъ извѣстныхъ растеній. По всѣмъ вѣроятіямъ это была бумажная матерія. Въ родѣ бисоса, но гораздо тоньше, были ткани, приготовлявшіяся на островѣ Аморгосѣ для прозрачныхъ женскихъ одеждъ, носившихъ названіе *ἀμόργινα*. Онѣ приготовлялись изъ одного вида льна и были похожи на нашу кисею или батистъ. Въ болѣе позднее время были введены въ употребленіе и шелковыя матеріи. Онѣ перешли въ Грецію изъ Азіи. Островъ Косъ славился своими прозрачными шелковыми тканями. Что касается до цвѣта одежды, то преимущественно употреблялись одежды бѣлаго цвѣта, но нерѣдко встрѣчались одежды другихъ цвѣтовъ. Одежда украшалась бордюрами, полосами, затканными и вышитыми узорами.

[4]) Греки держали свое платье, сосуды, различныя украшенія и

шія платья; изъ него пріятно пахнуло медійскими яблоками.

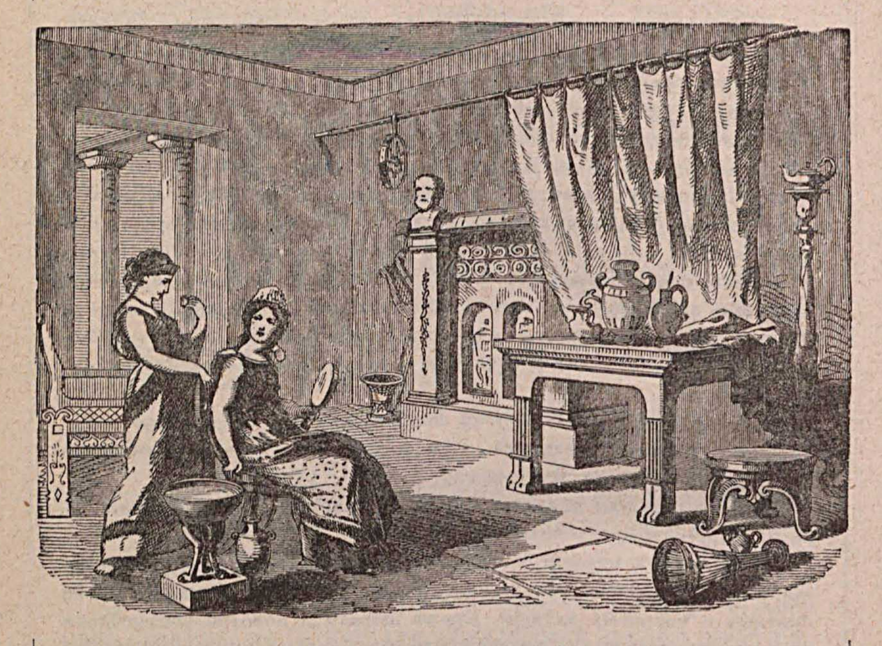


Рис. 10. Внутренность греческой комнаты.

— Что мы выберемъ, спросила она, желтый бисосовый хитонъ, или эту одежду съ затканными цвѣтами?

— Нѣтъ, сказала Клеобула, что нибудь попроще.

проч. въ ларяхъ и ящикахъ разныхъ величинъ. Поверхность этихъ ящиковъ украшалась рѣзьбою и инкрустаціею изъ дерева, слоновой кости и благородныхъ металловъ. Крышка запиралась посредствомъ двухъ связывающихся тесемокъ; концы этихъ тесемокъ припечатывались. Нѣтъ сомнѣнія, что впослѣдствіи ящики были снабжены также замками.

Дай мнѣ новый, бѣлый диплоисъ съ пурпуровыми полосами по краямъ и разрѣзными рукавами. Хорошо! ну теперь прикрѣпи рукава и дай мнѣ поясъ. Ровно ли виситъ верхъ?

Служанка окончила свое дѣло.—Мы не успѣемъ заплести волосы [5]), сказала она, да къ тому-же къ тебѣ чрезвычайно идетъ этотъ накинутый на голову цвѣтной платокъ.

Клеобула взяла зеркало [6]) и стала смотрѣться въ него:—Хорошо, рѣшила она, надѣнь только мнѣ другія сандаліи. Нѣтъ не эти, пурпуровыя съ золотомъ, а тѣ, бѣлыя съ красными лентами.

Едва Хлорисъ успѣла кончить, какъ доложили, что пришелъ Софилъ съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ.

— Еслибъ Хариклъ! шепнула Хлорисъ на ухо своей покраснѣвшей госпожѣ.

---

[5]) Стоитъ только взглянуть на женскія головы античныхъ статуй, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ разнообразно и съ какою граціею и изяществомъ умѣли греческія женщины причесывать свои волосы. Самымъ обыкновеннымъ, самымъ любимымъ способомъ носить волосы было распускать ихъ вдоль спины, или же закручивать въ изящный узелъ на затылкѣ; спереди любили спускать волосы низко на лобъ, ибо имѣть маленькій лобъ считалось красотою. Волосы большею частію придерживались всевозможными повязками изъ разныхъ матерій и кожи, нерѣдко снабженными спереди металлическою пластинкою, сѣтками или же надѣтымъ въ видѣ чепчика платкомъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что греческія женщины мазали себѣ волосы разными душистыми маслами и мазями и употребляли щипцы для завивки.

[6]) Зеркало (ἔνοπτρον, κάτοπτρον) состояло изъ круглой пластинки полированной бронзы или другаго какого-нибудь металла безъ ручки или съ ручкою, чрезвычайно роскошно украшенною, нерѣдко также съ крышкою. Ручки зеркалъ изображали большею частію фигуру Афродиты, этого идеала женщинъ.

То былъ дѣйствительно онъ. Произошла сцена, которую не въ состояніи изобразить ни кисть живописца, ни рѣзецъ ваятеля, ни перо поэта.

— Я такъ и зналъ, что онъ будетъ тебѣ пріятнѣе меня, сказалъ, улыбаясь Софилъ Клеобулѣ, но не будемъ медлить. Пусть будетъ сегодня помолвка, а черезъ три дня и самая свадьба.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Свадьба

Бросимъ бѣглый взглядъ на приготовленія къ свадьбѣ. [1]) Короткій срокъ, назначенный Софиломъ, не могъ затруднить греческую невѣсту; напротивъ того, быть невѣстою въ теченіе многихъ мѣсяцевъ было

[1]) Бракъ въ Греціи былъ обыкновенно не столько дѣломъ склонности и любви, сколько дѣломъ разсчета. При той замкнутой жизни, которую вели греческія женщины, личныя достоинства и красота могли имѣть весьма ничтожное значеніе при выборѣ невѣсты. Вступая въ бракъ, грекъ обращалъ главнымъ образомъ вниманіе на состояніе дѣвушки, а также на ея происхожденіе, такъ какъ гражданами признавались только дѣти, рожденные отъ брака гражданина съ гражданкою. При торжественной помолвкѣ (ἐγγύησις), предшествовавшей каждому законному браку, происходило соглашеніе насчетъ дававшагося невѣстѣ приданаго (προίξ, φερνή). Женщина, приносившая мужу большое приданое, имѣла совсѣмъ не то положеніе, какъ женщина бѣдная, а потому нерѣдко случалось, что государство или нѣсколько сложившихся гражданъ давали приданое дочерямъ бѣдныхъ но заслуженныхъ гражданъ. Браку предшествовали жертвы, приносимыя богамъ-покровителямъ брака (θεοί γαμήλιοι). Брачное купанье (λουτρὸν νυμφικόν) было второю церемоніею, которую должны были исполнить передъ свадьбою, какъ женихъ, такъ и невѣста. Воду для этого ку-

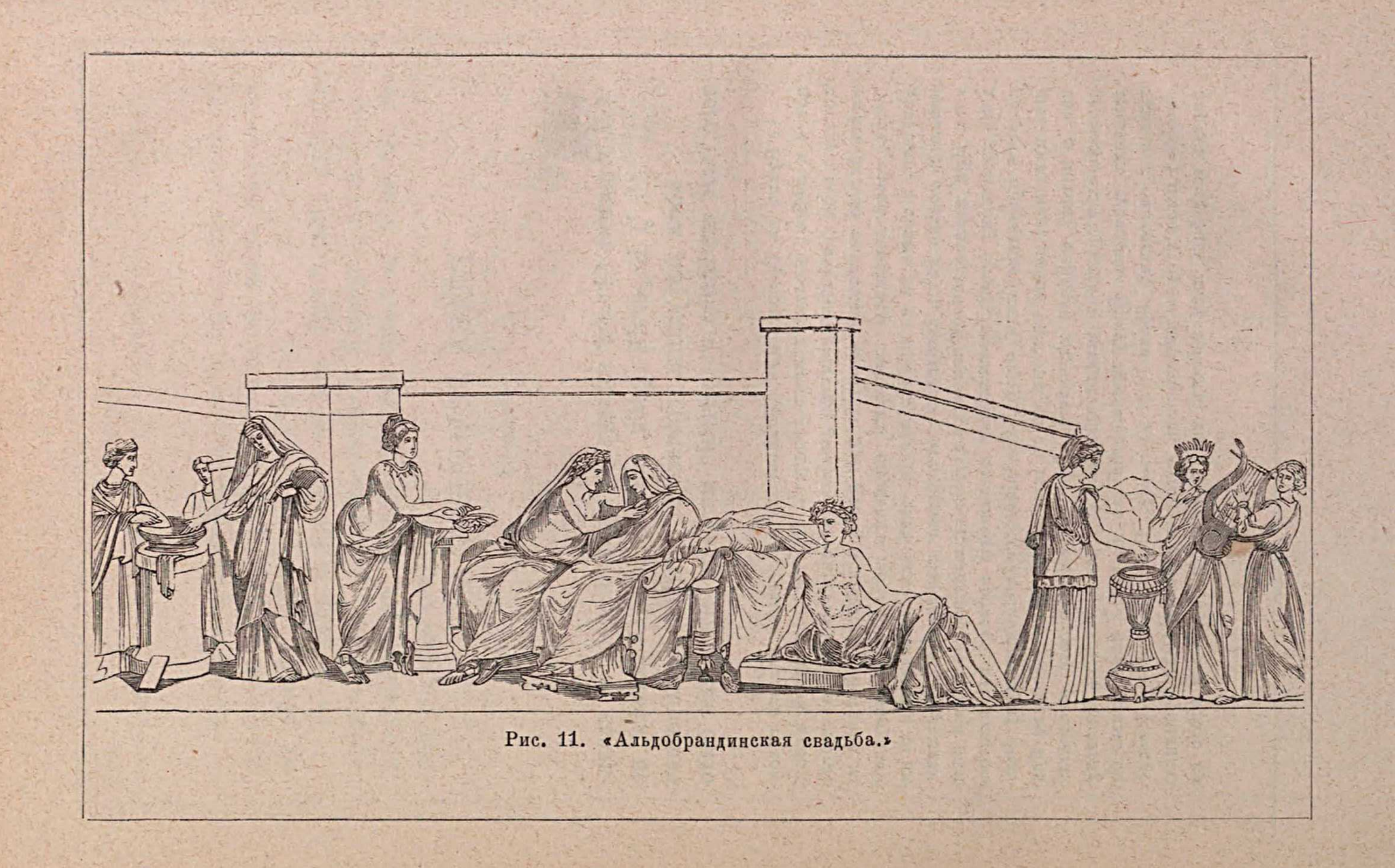


Рис. 11. «Альдобрандинская свадьба.»

вещью совсѣмъ необыкновенною въ Греціи. Приданое не требовало большихъ приготовленій. Какъ царская дочь Нав-

---

панья брали всегда изъ источника Каллирое (Эннеакрунъ). Въ самый день свадьбы происходилъ брачный пиръ (θοίνη γαμική), большею частью въ домѣ невѣсты. На немъ, противъ обыкновенія, присутствовали тоже женщины. Послѣ пира, съ наступленіемъ сумерокъ, женихъ увозилъ одѣтую въ праздничную одежду и закутанную съ головою въ покрывало невѣсту изъ ея украшеннаго зеленью и цвѣтами дома. Въ экипажѣ, она садилась между женихомъ и дружкою (παράνυμφος, πάροχος), который избирался изъ числа друзей или родственниковъ жениха. Среди пѣнія гименея, звука флейтъ и радостныхъ кликовъ медленно двигалась свадебная процессія къ также разукрашенному зеленью и цвѣтами дому жениха. Мать невѣсты съ брачнымъ факеломъ, зажженнымъ у домашняго очага, шла за экипажемъ. Въ дверяхъ дома жениха чету встрѣчала его мать, также съ зажженнымъ факеломъ. Молодыхъ осыпали при-этомъ разными лакомствами. Если не было брачнаго пира въ домѣ невѣсты, то пиръ этотъ происходилъ здѣсь. Какъ символъ плодородія брака подавались сезамовые пироги (πέμματα); тоже значеніе имѣла и съѣдаемая невѣстою по закону Солона айва. Послѣ пира молодые удалялись въ таламосъ, и здѣсь впервые открывала невѣста свое лицо. Передъ дверью таламоса раздавалось еще разъ пѣніе гименея. Въ Греціи существовалъ обычай дѣлать подарки новобрачнымъ, и слѣдующія послѣ брака два дня (ἐπαύλια и ἀπαύλια) назначались для принятія этихъ даровъ. По истеченіи этихъ дней молодая женщина могла показываться безъ покрывала.

Приложенный здѣсь стѣнной рисунокъ (рис. 11), извѣстный подъ именемъ «альдобрандинской свадьбы», представляетъ три отдѣльныхъ сцены. Художникъ хотѣлъ изобразить три различные момента въ домѣ и передъ домомъ невѣсты, прежде чѣмъ двинулась брачная процессія. Средняя часть рисунка представляетъ одинъ изъ покоевъ гинэконитиса, гдѣ на ложѣ сидитъ скромно закрывшаяся покрываломъ невѣста. Рядомъ сладкорѣчивая Пейѳо, обнявъ невѣсту лѣвою рукою, старается повидимому ободрить ее своими рѣчами; на лѣво стоитъ третья женская фигура. Она смотритъ на невѣсту какъ-бы въ ожиданіи результата сладкихъ рѣчей Пейѳо и льетъ между тѣмъ изъ

зикая [2]), по совѣту Аѳины заботилась объ изготовленіи брачныхъ одеждъ для себя и для роздачи другимъ еще прежде, чѣмъ ей выбранъ былъ супругъ, такъ и въ каждомъ греческомъ домѣ лежало ихъ всегда множество на готовѣ, въ особенности у богатыхъ, гдѣ все было въ избыткѣ. Но, тѣмъ не менѣе, въ эти немногіе дни на долю обѣихъ сторонъ, помимо церемоній помолвки и обычныхъ жертвоприношеній, досталось не мало-таки хлопотъ.

Хариклъ, уступая желанію своего отца, согласился поселиться пока въ его домѣ. Покои женской половины были поспѣшно приведены въ порядокъ и снабжены всѣмъ необходимымъ для принятія невѣсты и для устройства новаго хозяйства. Дверь, богато убранная гирлян-

---

алабастера на раковину душистое масло для натиранія тѣла невѣсты послѣ купанья. Это вѣроятно другая служительница Афродиты, Харита. Въ другой комнатѣ, на лѣво, на подставкѣ стоитъ большой наполненный водою тазъ. Стоящая тутъ рядомъ дѣвушка держитъ въ кружкѣ воду, принесенную изъ Каллирое для омовенія невѣсты. Другая женщина есть вѣроятно благословляющая брачную ванну Гера Телеіа, покровительница брака. Наконецъ третья сцена на право представляетъ сидящаго на порогѣ дома жениха, ожидающаго окончанія церемоній внутри дома. Передъ нимъ на площадкѣ стоятъ три дѣвушки; одна изъ нихъ на переносномъ алтарѣ совершаетъ жертвоприношеніе, а двѣ другія подъ звуки цитры начинаютъ пѣть брачную пѣснь. Это произведеніе античной живописи, найденное въ церкви Санта-Марія Маджіоре въ Римѣ, получило свое названіе «алдобрандинской свадьбы» потому что, въ послѣдствіи находилась въ казино Альдоборандини. По Винкельману, картина эта представляетъ свадьбу Пелея съ Ѳетидой.

[2]) Навзикая, дочь Феакійскаго царя Алкиноя и Ареты, покровительница Улисса, впослѣдствіи супруга Телемака.

дами изъ зелени и цвѣтовъ, извѣщала прохожихъ о торжествѣ дня; а внутри повара и рабы были заняты приготовленіями въ брачному пиру, который долженъ былъ отпраздноваться въ обширномъ кругу родныхъ и друзей обѣихъ сторонъ. Даже самъ Форіонъ отступилъ отъ своихъ привычекъ и обѣщалъ быть на пирѣ, такъ какъ въ числѣ приглашенныхъ былъ и Пазій, только-что просватавшій свою дочь за Ктезифона.

Въ комнатѣ Харикла, Манъ приготовилъ назначенную для этого дня одежду: сотканный изъ тончайшей милетской шерсти хитонъ и ослѣпительно бѣлый гаматіонъ, который для настоящаго торжества былъ выбранъ безъ обыкновенной пурпуровой каймы. Рядомъ стояли нарядные полубашмаки, красные ремни которыхъ застегивались золотыми пряжками. Вѣнки изъ миртъ и фіалокъ тоже были приготовлены, два серебряные алабастра [3]) поставлены были съ драгоцѣннѣйшею мазью, присланною Софиломъ на случай, еслибы Хариклъ захотѣлъ употребить ее въ этотъ день. Самъ женихъ былъ еще въ купальнѣ вмѣстѣ съ Ктезифономъ, откуда и долженъ былъ отправиться за невѣстой.

Не менѣе хлопотъ было и въ домѣ Клеобулы. Солнце склонялось уже къ закату, а брачный нарядъ все-еще не былъ оконченъ. Клеобула сидѣла на стулѣ въ своей, наполненной благоуханіями, комнатѣ и держала въ ру-

---

[3]) Алабастеръ (ἀλάβαστρος, ἀλάβαστρον) — грушевидный гладкій сосудъ, безъ ручекъ, употреблявшійся для сбереженія дорогихъ ароматовъ.

кахъ серебряное зеркало; Хлорисъ причесывала ея волосы, а мать вдѣвала ей въ уши жемчужныя серьги [4]).

— Поторопись, сказала она нетерпѣливо рабынѣ, ты сегодня ужасно копаешься; смотри, вѣдь вечеръ уже близокъ. Пойди, Менодора, приказала она другой рабынѣ, и измѣрь длинну тѣни на солнечныхъ часахъ, въ саду.

— У насъ здѣсь есть водяные часы [5]), возразила Хлорисъ. Посмотри, сколько въ нихъ еще воды, а она должна вся стечь еще разъ до заката.

— Эти часы должно быть невѣрны, сказала Клеобула. Теперь вѣроятно позже.

Но возвратившаяся Менодора объявила, что тѣнь равняется только восьми футамъ и что до вечера времени еще довольно.

Наконецъ Хлорисъ продѣла черезъ густые волосы головную повязку и золотою булавкою прикрѣпила на

---

[4]) Серьги (*ἐνώτια, ἐλλόβια, ἐλιχτῆρες*) дѣлались или просто въ видѣ кольца или съ подвѣсками самыхъ разнообразныхъ формъ и самой изящной работы, съ кэмнями и безъ камней. Запястья или браслеты, имѣвшіе большею частью форму змѣи, надѣвались какъ на нижнюю, такъ и на верхнюю часть руки (*ψέλια, ὄφεις*), а также на ногу повыше щиколки (*πέδαι, χρυσαῖ, πέρισκελίδες, περισφύρια*). Ожерелья (*περιδέραία, ὅρμοι*) дѣлалась или изъ колецъ, соединенныхъ въ видѣ цѣпочки, или изъ массивнаго, закрученнаго въ видѣ спирали кольца изъ бронзы или изъ благороднаго металла.

[5]) Водяные часы (*κλεψύδρα*) имѣли, по словамъ Аристотеля, слѣдующее устройство: это былъ пустой шаръ, сверху вѣроятно нѣсколько приплюснутый, почему и назывался *κώδεια* или *κωδία*. Наверху находилось для вливанія воды отверстіе, продолженное въ видѣ короткаго горлышка *αὐλός*. Горлышко это закрывалось крышкою или пробкою. Внизу противъ горлышка находилось нѣсколько маленькихъ отверстій (*τρυπήματα*), черезъ которую вода медленно вытекала.

затылкѣ покрывало невѣсты, а Менодора застегнула бѣлые ремни, вышитыхъ золотомъ сандалій. Затѣмъ, чтобы довершить нарядъ, мать вынула изъ ящика слоновой кости широкое золотое ожерелье, богато убранное драгоцѣнными камнями и имѣвшія форму змѣи запястья. Клеобула взяла еще разъ зеркало и посмотрѣлась; ящики съ платьями были заперты, и съ дѣвическою робостью, хотя совсѣмъ съ другими ощущеніями, чѣмъ въ день своего перваго брака, стала она ожидать минуты, когда свадебная процессія прійдетъ за нею.

Изъ водяныхъ часовъ вторично вытекла вся вода, солнце совершило уже свой путь и въ комнатахъ дома стало темнѣе. У богато украшенной вѣнками двери дома, въ сопровожденіи множества народа, остановился экипажъ, запряженный двумя статными мулами. Экипажъ этотъ долженъ былъ отвезти невѣсту въ ея новое жилище.

Женихъ, отецъ его и Ктезифонъ, избранный дружкою, вошли въ домъ, и принявъ изъ рукъ матери невѣсту, проводили ее до экипажа; тутъ закутанная съ ногъ до головы въ покрывало, она заняла мѣсто между Харикломъ и Ктезифономъ. Мать зажгла брачный факелъ, всѣ сопровождавшіе послѣдовали ея примѣру и процессія тронулась при звукахъ флейты и веселомъ пѣніи Гименея къ дому Софила.

Здѣсь, по древнему обычаю, брачная чета при входѣ была встрѣчена символическимъ дождемъ изъ лакомствъ и мелкихъ денегъ, за тѣмъ прошла въ парадно-освѣщенную залу, въ которой съ одной стороны были приготовлены

ложа для мужчинъ, а съ другой сидѣнія для женщинъ. Но когда были съѣдены свадебные пироги и полночь уже приближалась, тогда мать Клеобулы провела новобрачныхъ въ тихій таламосъ; передъ его закрытою дверью раздалось еще разъ громкое пѣніе Гименея и, можетъ быть, никогда еще этотъ богъ не носился надъ брачнымъ покоемъ съ чувствомъ большаго удовольствія.

Опечатки.

Стран.	Строки:	Напечатано:	Читай:
17	13 снизу	самъмы	самымъ
23	9 сверху	чувсивеннымъ	чувственнымъ
28	18 снизу	философъ —	философъ
40	7 »	Ктесифонъ	Ктезифонъ
52	3 »	звѣздваго	звѣзднаго
55	1 »	нообще	вообще
66	17 »	*αὔλιος θύρά*	*αὔλειος θύρα*
68	5 сверху	*αμφιθάλαμος*	*ἀμφιθάλαμος*
75	2 снизу	*συκοφαντεῖυ*	*συκοφαντεῖν*
100	4 »	лсвкостью	ловкостью
106	16 сверху	*ςιγός* или *ςυγόν*	*ζυγός* или *ζυγόν*
114	7 »	*κύλνξ*	*κύλιξ*
136	7 »	ремесленники и	и ремесленники
145	7 снизу	*σκιάδειου*	*σκιάδειον*
151	5 »	питалн	питали
152	9 »	нризнавались	признавались
152	8 »	пользовавшись	пользовались
171	17 »	*μελανδόχου*	*μελανδόχον*

ИЗДАНІЯ

Е. ЛИХАЧЕВОЙ И А. СУВОРИНОЙ.

ВЕЛИКІЯ ЯВЛЕНІЯ И ОЧЕРКИ ПРИРОДЫ. Географическая христоматія, составленная по сочиненіямъ извѣстныхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ и путешественниковъ, съ 112 рис. 2-е, значительно дополненное и исправленное изданіе. Одобрено ученымъ Комит. Мин. Нар. Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ старшихъ классовъ гимназій и прогимназій («Журн. Мин. Народн. Просв.» іюнь 1874, стр. 160). Ц. 3 р. 50 к.

АВСТРАЛІЯ. Исторія открытія и колонизаціи, растенія и животныя пятой части свѣта. Содержаніе: I. Исторія открытія пятой части свѣта. II. Исторія англійскихъ колоній въ Австраліи. III. Путешествіе по странѣ съ цѣлью изслѣдованія. IV. Жизнь въ Австраліи. Съ 106 рисунками. Цѣна 2 р. 50 к.

СЛУГИ ЖЕЛУДКА. Письма о физіологической жизни человѣка, **Масе**. Съ рисунками. Содержаніе: Введеніе. Кости. Жизнь костей. Костный мозгъ. Сочлененія или суставы. Позвоночный столбъ. Черепъ. Лицо и зубы. Грудь. Руки. Ноги. Мускулы. Положеніе тѣла. Движенія. Электричество. Мозгъ и нервы. Животное электричество. Дѣятельность нервныхъ центровъ. Непроизвольныя движенія. Большой симпатическій нервъ. 2-е изданіе. Цѣна 1 руб. 50 коп.

МЕЖДУ ДѢЛОМЪ. Сборникъ для юношества. Разсказы, стихотворенія и статьи научнаго содержанія. Цѣна 1 р. 25 коп.

ГЕРОИ ТРУДА. Исторія четырехъ англійскихъ работниковъ, по **Смайльсу**. Содержаніе: I. Желѣзо и цивилизація. II. Генрихъ Модлей. III. Георгъ Стефенсонъ. IV. Вильямъ Фербернъ. V. Джемсъ Несмитъ. Цѣна 65 коп.

РУССКІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ЛЮДИ, А. Суворина. 3-е, исправленное изданіе. I. Патріархъ Никонъ (съ портретомъ). II. Ермакъ, покоритель Сибири. III. Бояринъ Матвѣевъ. Цѣна 40 коп.

ЕВРОПЕЙСКІЕ РЕФОРМАТОРЫ, Е. Лихачевой. Съ четырьмя портретами. Содержаніе: I. Реформація и реформаторы, предисловіе **К. Арсеньева**. II. Янъ Гусъ. III. Мартинъ Лютеръ. IV. Ульрихъ Цвингли. V. Жанъ Кальвинъ. VI. Памятникъ реформаціи въ Вормсѣ. Цѣна 1 р. 25 коп.

БѢГЛЕЦЫ. Историческіе разсказы объ извѣстнѣйшихъ бѣгствахъ изъ тюремъ и другихъ мѣстъ заключенія. Содержаніе: Аристоменъ. Егезистратъ. Куньонъ. Муставъ Ваза. Бенвенуто Челлини. Марія Стюартъ. Комонъ де ла Форсъ. Гроцій. Кардиналъ Рецъ. Квинкеранъ де-Боже. Бланка Комонъ. Бюккера. Тренкъ. Казанова. Латюдъ. Беневскій. Лаваллетъ. Филичи Орсини. Людовикъ Наполеонъ. Гарибальди. Цѣна 1 руб.

СОВРЕМЕННЫЕ ФРАНЦУЗСКІЕ ПИСАТЕЛИ Морисъ Жоли: Искуство выходить въ люди. **Гекторъ Пессаръ**: Жандармы, административная фантазія. **Сатирическіе очерки**: Парижская роскошь и женщины. Старички. Цѣна 1 руб.

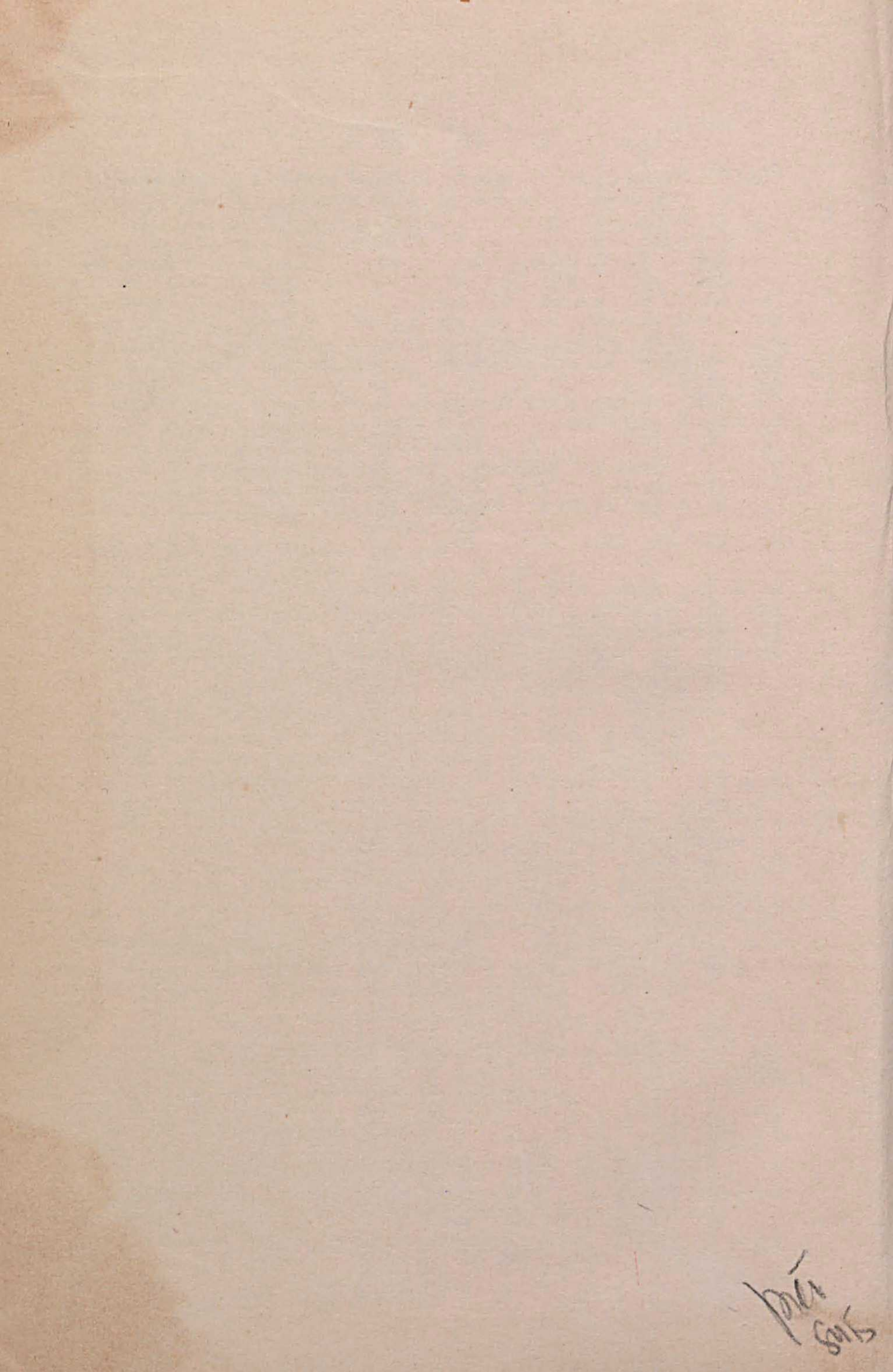
ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ **НОВАЯ КНИГА**:

В. А. БЕККЕРЪ.

ГАЛЛЪ.

СЦЕНЫ ИЗЪ РИМСКОЙ ЖИЗНИ ВРЕМЕНЪ АВГУСТА.

Съ рисунками. Цѣна 1 р.



2007334306